

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- НОВЫЙ КУЧЕР В СТАРОЙ КОЛЫМАГЕ
- ВОЗМОЖНЫ ЛИ РЕФОРМЫ?
- ЭКСПОРТ РЕВОЛЮЦИИ. ЗА ШПАГАТ НЕ БРАТЬ!
- ДЕЛО ВЯЧЕСЛАВА БАХМИНА
- ОПРАВДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗМЕННИКА
- ЖЕНЕВСКИЕ ПОСИДЕЛКИ
- БОЛГАРИЯ БЕЗ ТУРОК
- СИРТАКИ ПОД БАЛАЛАЙКУ
- МИССИС ГОРБАЧЕВА
- СЕРЕБРЯНЫЕ КОСТЫЛИ ДЛЯ БАМА
- ПОД ДЕШЕВЫМ ФЛАГОМ
- ЛИК РОССИИ И ЛИЦО РЕВОЛЮЦИИ
- МАЯКОВСКОГО ЛУЧШЕ НЕ ТРОГАТЬ
- А ВСЕ-ТАКИ ГОСПОДЬ НАШУ СТРАНУ ЛЮБИТ

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Сергея Максудова. Оформление Б.Рабиновича. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферри (Париж), М.Фелдмор (Лондон), Б.Вайль (Колонгаген), Б.Ирагим (Нью-Йорк), Р.Шаширо (Иерусалим), П.Ростян (Рабат). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок (25 ам. долларов) в США, Канаде и Израиле — 35 ам. долларов, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 45 ам. долларов. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. При подписке на несколько экземпляров устанавливаются льготные условия по соглашению. Цена одного номера — 6 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека (с добавлением 2 ам. долл.). Мнение выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
<i>Р.Б.</i> Вместо надгробного слова	17
Новый человек. Мировая печать о М.Горбачеве	21
Вести из СССР	26
<i>Л.Юдович.</i> Поезд идет на Восток	29
<i>Р.Бахтатов.</i> БАМ или макет ржавой действительности	33
<i>Ю.Чакарлеев.</i> Встречный бой на море	42
<i>Р.Пайнс.</i> Три дороги в будущее	49
<i>Г.-Э.Хольстунен.</i> Встречи со Степуном	60
<i>Ф.Степун.</i> Бывшее и несбывшееся	65
<i>Ю.Карабчиевский.</i> Воскресение Малковского	72
<i>М.Дейч.</i> Тоска по ностальгии. Окончание	90

Das Land und die Welt e.V. Schellingstr. 48, 8000 München 40, BRD.
Tel. (089) 272 18 99; (089) 272 28 99; telex 5218017 unbt.
Deutsche Bank München, BLZ 700 700 10, Konto-Nr. 331 9613 (Das Land und die Welt e.V.).
Postgiroamt München, Postscheck-Konto-Nr. 223981-804.

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

В начале века, обладая колониями, флотом и углем, Великобритания была самой могущественной державой мира. Что осталось у нее от этих богатств? Немного. По окончании Второй мировой войны англичане первыми осознали, что время колониализма прошло. В то же время оказалось, что по своей мощи на море они отстают от новых сверхдержав. Да и что толку стремиться к первенству на морях, когда число самолетов важнее тоннажа кораблей? А уголь? Французский ученый Андре Зигфрид, один из основоположников политической географии, еще полвека назад убеждал своих недоверчивых читателей, что Англия вскоре лишится этого богатства, обеспечившего ей промышленный расцвет.

Невиданной продолжительности социальный конфликт оказался недурной иллюстрацией к этому предсказанию. 12 марта 1984 года профсоюз горняков Великобритании объявил забастовку, ставшую беспрецедентной пробой сил, по крайней мере, в новейшей истории страны. Год спустя забастовка закончилась, не принеся победы горнякам.

Вождь шахтеров Артур Скаржилл полагал, что страна не выдержит затяжного конфликта. Но ему была необходима помощь других профсоюзов. Прошлым летом в течение нескольких недель он мог еще питать некоторые надежды на успех, когда профсоюз докеров из солидарности объявил стачку, куда более опасную для британских островов, нежели забастовка горняков. Но это движение выдохлось довольно скоро. Тем временем многие шахтеры возобновили работу вопреки приказам, а подчас и репрессиям проф-

союза. Лейбористская партия, с самого своего основания связанная с рабочим движением, а также другие профсоюзы не скрывали, что позиция руководителей союза горняков ставит их в щекотливое положение. Они оказывали Артуру Скаржиллу лишь минимальную поддержку. Фактически они упрекали его в том, что из-за своей непримиримости он ведет всю армию к поражению, которое в свою очередь больно ударит по всему рабочему движению Англии.

Нанеся поражение горнякам, Маргарет Тэтчер могла торжествовать. В феврале она отметила десятую годовщину своего избрания лидером консервативной партии и шестую годовщину назначения главой правительства. Многие помнили обстоятельства ее взлета. В начале 70-х годов во главе консервативной партии стоял Эдвард Хит, человек золотой середины, отнюдь не реакционер, который ввел свою страну в объединенную Европу. Как и большинство его предшественников, Хит не считал, что консервативному правительству надлежит проводить в жизнь реформы более или менее социалистического характера. Но он также полагал, что оно не может ставить под вопрос те преимущества, которые лейбористское правительство дало рабочим.

На посту премьер-министра Хиту пришлось столкнуться с шахтерами. Победы он не одержал. Вдобавок он проиграл и на выборах, и было решено, что следует сменить руководителя. Вот тогда-то на авансцену и выступила Маргарет Тэтчер. Она предложила совершенно новую для послевоенной Англии политическую программу. Тэтчер утверждала, что страна парализована, в

частности, теми реформами, которые лейбористы проводили начиная с 1945 г. Она обвинила государство в том, что оно отучило граждан от привычки трудиться. Миссис Тэтчер не собиралась, разумеется, одним ударом отменить все достижения "тихой революции" 50-х гг. Столь радикальная программа не завоевала бы ей большинства. Вместо этого Тэтчер предлагала постепенный возврат к экономическому либерализму. Она обещала, что достигнет цели, если победит на выборах три или четыре раза подряд.

Ее противники обвиняют "железную леди" в том, что она вводит закон джунглей в общество, которое большинство современных правительств пытается упорядочить. Тэтчер отвечает, что Великобритании следует вернуть волчи клыки, иначе она будет раздавлена в соревновании между державами. Тэтчер ссылалась на мнение целого ряда экспертов, уже давно утверждавших, что британская экономика находится в катастрофическом состоянии.

Следует, однако, четко определить причины такого упадка. Первая из них, без сомнения, — это цена, уплаченная за победу во Второй мировой войне. В течение года, с 1940 по 1941, Англия сопротивлялась напору нацистов в одиночку. Она устояла перед лицом небывалой опасности, но, истощенная, не могла уже восстановить свою былую мощь. Условия в мире изменились, и Великобритания не сумела быстро к ним приспособиться. Она окончила войну в 1945 г. обессиленной, как это было с победоносной Францией в 1918-м.

Можно ли было в таких условиях затевать амбициозную программу социальных реформ, которую в 1945 г., после победы предложили избирателями лейбористы? Программа, которая включала национализацию многих отраслей промышленности, создание новой национальной системы медицинского обслуживания, по размаху не имела себе равных в других странах. Противники лейбористов уже тогда утверждали, что эти реформы приведут к губельному ослаблению государственного организма. После такого сверхнапряжения, как война 1939–1945 гг., общество нуждается в передышке, говорили противники лейбористов, хотя спад напряжения может быть опасен. Разве общество не реагирует на сверхнагрузки подобно человеческому организму? Врачи утверждают, что для сердца спортсмена самый трудный момент

наступает в начале отдыха, после максимального усилия.

Но в 1945 г. лейбористы не только и даже не столько думали о том, как бы вознаградить население за перенесенные тяготы, сколько стремились создать учреждения, которые предотвратили бы повторение трагедии начала 30-х годов, великий экономический кризис, который обрек на нищету массы безработного населения. В 1945 г. речь шла о том, чтобы гарантировать каждому подлинный прожиточный минимум. Злоупотребления? Сейчас легко указывать на примеры расточительности, к какой привела новая система медицинского обслуживания: дорогие лекарства, прописываемые подчас без надобности, за которые больному не надо платить; выдача больничных листов без достаточных оснований людям, желающим отдохнуть за казенный счет...

Но достаточно ли подобных фактов, безусловно имевших место, чтобы осудить систему социальной помощи в целом? Ведь есть и другая сторона медали. Больные люди спокойно могут лечиться, не думая о затратах. И, наконец, экономический кризис последнего десятилетия, во многом не менее острый, чем кризис тридцатых годов, благодаря социальной политике послевоенных лет не стал трагедией для безработных и их семей.

Такова основная проблема, поставленная "тэтчеризмом". Вот почему политика главы британского правительства вызывает у многих одновременно восхищение и озабоченность, удовлетворение и раздражение. Так было и в феврале.

Когда стало ясно, что "железная леди" выиграла сражение с шахтерами, на ее стороне было уже большинство английской общественности: все считали, что Артура Скаржилла пора поставить на место. Но тут обнаружилось, что выиграв войну, Маргарет Тэтчер не готова отстоять мир. Когда представители горняков согласились, наконец, на переговоры без предварительных условий, она стала переговоры затягивать. Словно ей было мало победы — нужно было еще окончательно раздавить противника.

Умеренные, чей вес в Великобритании бывает подчас решающим, осудили упорство премьер-министра. Не всегда легко угадать границу между необходимой настойчивостью и убийственным упрямством. За какие-нибудь несколько

дней популярность Тэтчер упала. Это был трудный для нее момент. Разве процент безработных в Англии не выше, чем в других странах? Да, соглашалась Тэтчер, но таков цена, которую надо заплатить, чтобы обуздать инфляцию и укрепить английский фунт. Общественность приняла это объяснение без восторга. Выяснилось, что английская валюта вовсе не так прочна, как думали.

Добываемая в Северном море нефть приносит меньше, чем ожидали. Приходится снижать цены, чтобы бороться с конкуренцией, либо терять клиентов, которые к тому же сокращают потребление. Фунт стерлингов держался молодцом, пока нефтяная промышленность была крепкой. Как только эта область экономики сдала, пошатнулся и фунт. Это тяжелый удар для правительства, которое всю свою политику строило на представлении об устойчивой валюте.

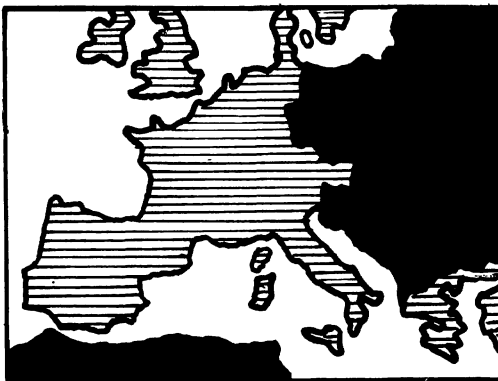
Можно провести известную параллель между Маргарет Тэтчер и Рональдом Рейганом. По сути дела у президента США и премьер-министра Великобритании одни и те же политические взгляды. Но американец уже многие месяцы держится на гребне волны, "железная леди", напротив, рискует пойти на дно. Это, правда, не означает, что если бы в Англии в ближайшее время состоялись парламентские выборы, Тэтчер потерпела бы поражение: уровень ее популярности снизился, но популярность ее противников тоже не выросла. На Рейгана же очевидным образом работает экономический подъем в его стране. Будет ли он продолжительным? И, самое главное, не случится ли так, что резко взлетевший доллар внезапно начнет падать?

В последние годы правая оппозиция в странах, где у власти находятся левые силы, социалисты, ссылалась на опыт Тэтчер. Теперь, когда и у Тэтчер появились трудности, кивать на нее уже не принято. Зато ссылаются на пример Рейгана, говорят, что для переживающих кризис европейских стран есть лишь один выход: возврат к экономическому либерализму. В этом смысл дискуссий о "тэтчеризме" и "рейганизме". Остается вечный вопрос: существует ли общество ради человека или человек живет для того, чтобы служить обществу? Если мы соглашаемся, что общество должно служить человеку, то приходится все же признать, что справиться с этой задачей общество может лишь при условии, что оно будет располагать силами и резервами

всех своих членов.

Счастливы — или безответственны — те, кто полагает, будто у этой проблемы есть одно единственное решение. ●

Г.Ферон

СТАРТ В ЖЕНЕВЕ

12 марта в Женеве начался новый раунд советско-американских переговоров о разоружении — на этот раз это переговоры по космическим и ядерным вооружениям.

Сообщения о предмете этих переговоров, появляющиеся в советской прессе, малосодержательны и имеют чисто пропагандистский характер. Суть их сводится к тому, что американская администрация "не скрывает, что будет продолжать испытания, чтобы создать новые виды ядерного оружия, повышать его убойную силу" и т.д. Советский Союз же, "единственный из всех ядерных государств, решительно и твердо выступил за прекращение испытаний ядерных вооружений". ("Правда", 26 февраля 1985 г.).

Пропагандные нагадки и проклятия, однако, мало разъясняют суть дела. Что же в действительности является предметом переговоров? Почему эти переговоры, прерванные по советской инициативе год назад, сейчас возобновлены? В чьих они интересах? Кто впереди в гонке ядерных вооружений?

На последний вопрос, столь естественный в устах рядового гражданина, будь то в СССР или в США, у специалистов ответа нет, — ибо неясно, что именно считать за показатель лидерства. Действительно, если у США имеется 550 ракет одного типа с тремя боеголовками, мощностью по

335 килотонн каждая, а у СССР – 308 ракет другого типа с 10 боеголовками по 2 мегатонны каждая, то кто из двух стран впереди?

В 1980 г., когда в Белый дом пришел Рональд Рейган, у Советского Союза было 7925 ядерных боеголовок. Через четыре года, по оценкам, сделанным исследовательской фирмой RAND-Corporation, их число возросло до 8700 (а по данным Пентагона – даже до 9240). За тот же период количество американских боеголовок возросло с 10034 до 11140. Очевидно, что США были и есть далеко впереди.

Иначе обстоит дело, если сравнивать средства доставки. Число стратегических ракет и бомбардировщиков в 1980–1984 гг. у Советского Союза оставалось на уровне 2500. Американские средства доставки за тот же период сократились с 2100 до 1950. Сохранялось советское превосходство и в суммарной мощности ядерного арсенала: примерно 5800 мегатонн против 3800 мегатонн американских.

Сказанное иллюстрирует сложность сравнений и сложность всяких переговоров о сокращении вооружений. Даже при наличии доброй воли у обоих партнеров, при взаимном доверии достижение "справедливого" соглашения – дело неимоверно трудное. Между тем о доверии-то сейчас как раз говорят и не приходится. Стокгольмская конференция стран, подписавших Заключительный Хельсинкский акт, пока многого не добились: целый ряд практических мер, предназначенных для создания атмосферы доверия между блоками и предложенных странами Запада, все еще не встретил отклика у Советского Союза.

Что же станет предметом женеvских переговоров? По-существу они будут состоять из трех, в большой степени независимых частей.

Первая часть – это разработка договора о сокращении стратегических вооружений (Strategic arms reduction treaty, сокращенно START). Договор должен касаться ядерного оружия, доставляемого ракетами и бомбардировщиками дальнего радиуса действия. Основное расхождение между сторонами состоит в том, что США хотят заключения нового соглашения, предусматривающего сокращение числа ядерных боеголовок и общей мощности ядерного арсенала. Советский Союз предпочел бы ограничиться сокращением числа средств доставки оружия, примерно так, как это предусмотрено договором ОСВ-2 (до сих пор не

ратифицированным). Особенно советское руководство желает сокращения числа американских бомбардировщиков дальнего радиуса действия. Достижение согласия по этому пункту кажется реальным. СССР может пожертвовать тяжелыми ракетами SS-18, получив взамен сокращение числа американских бомбардировщиков и крылатых ракет.

Вторая часть переговоров – ограничение размещения в Европе ракет среднего радиуса действия с ядерными боеголовками. Советский Союз протестует против установки в Европе американских крылатых ракет и ракет Першинг-2. Чтобы продемонстрировать свое недовольство, Советский Союз и прервал в 1983 г. предыдущий раунд женеvских переговоров. Кроме того, СССР настаивает на том, чтобы английские и французские ракеты были учтены при общем подсчете сил сторон. США, со своей стороны, требуют сокращения числа советских ракет SS-20, которое сейчас намного превосходит количество американских ракет. И по этому вопросу соглашение представляется возможным: конечно, не полное удаление ракет из Европы, но значительное сокращение их числа.

Последний, возможно, основной и самый трудный пункт переговоров – о космическом оружии. Советский Союз хочет полностью запретить испытание и размещение космического оружия, того, что в прессе называют оружием "звездной войны". Речь идет о создании космической оборонительной системы, способной уничтожить ракету агрессора еще в космосе, до того как она достигнет цели. Этого оружия еще нет, оно находится в стадии разработки. Советский Союз понимает, что создание такой оборонительной системы выведет США далеко вперед и догнать американцев будет почти невозможно. Точнее, разработка и создание аналогичной системы ляжет непомерным бременем на советскую экономику. Кроме того, если Соединенные Штаты преуспеют в создании своего противоракетного космического щита, колоссальные расходы на создание и совершенствование советских стратегических ракет окажутся бесполезной тратой денег. Позиции СССР как сверхдержавы заметно пошатнутся. То, что делегация СССР снова села за стол переговоров, в немалой степени объясняется именно этим страхом. Переговоры сейчас для Советского Союза – единственный шанс сохранить равнове-

сие в этой области.

Вашингтон, в свою очередь, хочет сокращения советской наземной противоспутниковой и противоракетной системы обороны. Многие элементы этой системы, по мнению американской стороны, нарушают даже уже существующие договоры.

Достижение соглашения по этой части переговоров представляется крайне трудным, они могут занять годы. Пока СССР и США не договорились даже по основным терминологическим вопросам. США в настоящее время отказываются делать предметом переговоров исследовательскую работу. Проведение ее не противоречит существующим договорам, а ее запрет практически неконтролируем: нет никакой возможности проверить, не нарушает ли та или иная страна запрещения вести исследования, будь даже соглашение о таком запрете заключено. США готовы вести переговоры о запрете установки или ограничения уже разработанного оружия, однако указывают, что сейчас такие переговоры преждевременны: ни технические характеристики, ни иные параметры этого оружия пока неизвестны, и это делает разговор о нем беспредметным.

Так или иначе, старт переговорам в Женеве дан. Будем надеяться, что хотя бы по отдельным пунктам успех будет достигнут, быть может даже в не столь отдаленном будущем. ●

ПАПАНДРЕУ В МОСКВЕ

Премьер-министр Греции Андреас Папандреу посетил с государственным визитом Москву. От этого визита международные обозреватели ожидали многого. Андреас Папандреу, государственный деятель весьма левых убеждений, лидер Панэллинского Социалистического движения (ПАСОК), давно считается близким другом Москвы. Поскольку возглавляемая им страна является членом НАТО, многие рассматривают Грецию как своего рода троянского коня в Атлантическом Союзе, посредством которого Москва пытается подорвать единство западных союзников.

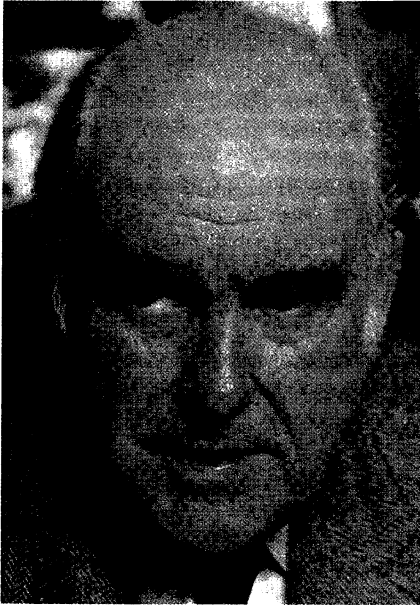
Многое, действительно, говорит в пользу этой точки зрения. Папандреу резко выступил против размещения в Западной Европе американских крылатых ракет и ракет "Першинг-2" и лишь мимоходом упоминал о направленных на Запад

советских ракетах SS-20. Единственная из стран Европейского экономического сообщества, Греция блокировала резолюцию с осуждением Советского Союза за расстрел корейского авиалайнера. Возвратившись из Варшавы, Папандреу выступил с резкой критикой санкций против Польши, наложенных странами Запада после введения в этой стране военного положения. В ООН Греция все чаще и чаще голосует в компании не со своими западными союзниками, а со странами восточного блока и радикальными режимами третьего мира.

Французский президент, социалист Франсуа Миттеран — не только идейный союзник социалиста Папандреу, но и его долголетний личный друг. Тем не менее и ему досталась своя доля унижений. Среди многих дипломатических ударов, нанесенных Папандреу Франции, особенно чувствительно то, что Папандреу продолжает настаивать, чтобы французские и английские независимые ядерные силы были включены в общеевропейский арсенал при подсчете сил во время переговоров в Женеве о сокращении вооружений. Французское министерство иностранных дел охарактеризовало эту позицию как "абсолютно неприемлемую для Франции".

Отношения Греции с Соединенными Штатами, и без того прохладные, как раз накануне визита Папандреу в Москву обострились еще больше. Представители обеих стран обменялись резкими обвинениями: в разжигании антиамериканских (соответственно, антигреческих) чувств. Перепадка эта была вызвана взрывом в баре в афинском предместье Глифада, во время которого было ранено более 30 американских военнослужащих.

Другой — и куда более серьезный — источник напряженности в греческо-американских отношениях: объявленная администрацией Рейгана программа иностранной помощи. По этой программе на военную помощь Турции выделяется 789 млн. долларов плюс 150 млн. экономической помощи. На военную помощь Греции выделен только 501 млн. долларов. В ответ на это Папандреу принял еще более жесткий курс по отношению к НАТО. На заседании парламентской группы ПАСОК он заявил, что Греция не примет участия в маневрах НАТО, будь то в Эгейском море или где-либо еще, "если НАТО не изменит своего отношения к проблеме греко-турецких разногласий".

А. Папандреу

Эта оговорка – «если» – для Папандреу характерна. Он вовсе не принципиальный противник НАТО. Он не может себе позволить потерять американскую помощь, пусть даже в недостаточном объеме. Он знает, что ему никто ее не сможет возместить, в том числе и Советский Союз. Но Папандреу использует свое членство в НАТО и в Европейском экономическом сообществе как орудие для того, чтобы добиваться для Греции дополнительных преимуществ. В этом разгадка политики Папандреу: он прежде всего греческий националист, не очень щепетильный в выборе средств.

Так же, как и в НАТО, ведет себя Папандреу и в ЕЭС. Первоначально возражавший против вступления Греции в ЕЭС, лидер социалистов сумел теперь в пять раз увеличить субсидии, получаемые его страной от ЕЭС. Ныне они составляют 570 млн. долларов в год – преимущественно на нужды сельскохозяйственного развития. Сейчас Папандреу шантажирует своих коллег: он грозит заблокировать прием в Европейское экономическое сообщество Испании и Португалии, если греческие крестьяне и мелкие предприниматели не получат за это солидной компенсации: 4,6 млрд. долларов в течение шести лет.

Именно это – резко выраженный национализм – сближает его с де Голлем, который, как изве-

стно, утверждая величие и независимость Франции, даже вывел ее в 1966 г. из военной организации НАТО. Такую параллель проводят некоторые наблюдатели. Но, конечно, Папандреу – не де Голль. Мотивы национальной чести и независимости если и звучат, то лишь для того, чтобы увеличить свою популярность, особенно в год выборов. Его больше интересуют практические, материальные выгоды для своей страны. В отличие от де Голля – националиста-военного, Папандреу – националист-купец.

По-видимому, это хорошо понимают в Москве. В прошлом году Папандреу даже подвергался на страницах советской прессы довольно жесткой критике. «Правда» указывала, что партия Папандреу – ПАСОК – пришла в 1981 г. к власти на волне обещаний вывести Грецию из НАТО и закрыть американские военные базы. Сейчас все это забыто – и Греция остается в НАТО, и американские базы – в Греции. Как заметил один западный дипломат в Москве: «Советские руководители должны подумать, всегда ли Папандреу подразумевает то, что он говорит».

Как бы ни поддерживал Папандреу советский блок на международной арене, дома он остается антикоммунистом. Его партия ПАСОК провела новый избирательный закон, благоприятствующий крупным партиям за счет мелких. Закон вызвал негодование просоветской Греческой компартии (ККЕ), которая теперь не имеет никаких надежд увеличить свое представительство в парламенте. Лидер ККЕ Харилаос Флоракис обвинил правительство Папандреу в том, что оно «блокируется с правыми силами». Усилилась напряженность в отношениях между коммунистическими профсоюзами и профсоюзами, находящимися под влиянием ПАСОК. Самый известный из греческих коммунистов, член парламента, композитор Микис Теодоракис недавно заявил: «Я думаю о том, чтобы покинуть Грецию. Условия в Греции стали невыносимыми, так что я вновь вынужден жить в изгнании, как во времена хунты».

Все это заставило московских хозяев отнестись к своему гостю хоть и приветливо, но с небольшой долей осторожности. Папандреу удалось кое-чего добиться в экономической области. Так, Советский Союз согласился построить газопровод через Болгарию в Грецию – проект, стоимостью 1,5 млрд. долларов. Греции было обещано также разместить на ее верфях заказы на

строительство судов на сумму 65 млн. долларов и на ремонт – на сумму 20 млн. Советский Союз согласился также построить в Афинах новое метро: старому уже 80 лет и функционирует оно очень плохо.

Однако, несмотря на все усилия, Папандреу не удалось добиться от своих советских партнеров поддержки в греко-турецком споре по вопросу о Кипре. В коммюнике лишь туманно говорится о греческих претензиях в Эгейском море и заявляется, что проблемы должны быть решены "мирными средствами". Турция ведь тоже близкий сосед, и портить с ней отношения не хочется.

Встретившись с Папандреу, Громыко и Тихонов заявили позднее, что "греческая позиция по вопросу о разоружении близка к советской", однако они воздержались от резких нападок на политику США и НАТО (как, впрочем и сам Папандреу). В Москве готовы играть на греко-американских разногласиях, но понимают, что пережимать нельзя.

Для большинства западных наблюдателей визит Папандреу в Москву прошел под знаком ожидания его запланированной встречи с Черненко. Все понимали, что Папандреу – для советского руководства важный гость и встреча должна быть ему приготовлена по высшему разряду. Если Черненко с ним не встретится – значит, действительно, его состояние таково, что генсеку не до встреч. Так и вышло. Папандреу объяснили, что Черненко страдает эмфиземой легких. Теперь следует уже сказать: страдал...

Впрочем, похоже, что самого Папандреу эта неудача не очень расстроила. На приеме в греческом посольстве в Москве Папандреу был в очень веселом, даже игривом настроении. После того, как артист сыграл на балалайке "Калинку", 66-летний премьер заказал сиртаки и на глазах у сотни гостей темпераментно исполнил этот греческий танец. Он своей цели, поставленной перед визитом, добился – в год выборов демонстрация дружеских связей с СССР при сохранении союза с США, несомненно, укрепила его позиции в глазах греческих избирателей. Но, как заметил один западный дипломат в штаб-квартире НАТО в Брюсселе, "в решающую минуту Греция будет на нашей стороне – ведь это, в конце концов, западная страна". В Москве это, конечно, понимают тоже.

ДЕЛО КЛАЙВА ПОНТИНГА

В английском языке появилось новое слово – "понтинг". Оно, правда, еще не проникло в разговорный язык, но журналисты уже взяли его на вооружение. Смысл этого слова довольно расплывчат и не поддается однозначному толкованию, так же как и дело, которое породило это слово – дело государственного служащего Клайва Понтинга, которое слушалось в начале февраля в лондонском суде Олд Бэйли.

Клайва Понтинга судили на основании 2 части Закона о неразглашении государственной тайны, принятого в 1911 г. После двухнедельного совещания суд присяжных оправдал Понтинга. Решение присяжных и весь процесс Понтинга вызвали живейший интерес в Англии, поскольку это дело подняло серьезные морально-этические и конституционные проблемы, проблемы национальной безопасности и свободы информации в демократическом обществе.

Суть дела в следующем. Клайв Понтинг, ответственный служащий Министерства обороны, послал депутату парламента от лейбористской партии документы, касающиеся одного трагического эпизода Фолклендской войны – потопления аргентинского крейсера "Генерал Бельграно". "Генерал Бельграно" был торпедирован и потоплен британской подводной лодкой 2 мая 1982 г., через месяц после аргентинского вторжения на Фолклендские острова. Тогдашний министр обороны Великобритании Джон Нотт заявил, что "Генерал Бельграно" был замечен вблизи установленной Великобританией запретной зоны и в тот же день потоплен, поскольку он представлял опасность для британского контингента на островах. Но вскоре стали распространяться слухи, что "Генерал Бельграно" был потоплен далеко за пределами запретной зоны, и к моменту атаки был уже в 11 часах хода от британских военноморских соединений, удаляясь в сторону аргентинских берегов.

Позднее выяснилось, что крейсер был замечен еще 1 мая, а потоплен лишь на следующий день, когда он уже не представлял непосредственной опасности. Со всех сторон посыпались вопросы: зачем без всякой военной необходимости были уничтожены несколько сот человек – таков был экипаж крейсера. Правительство отказывалось внести ясность, и выяснением обстоятельств гибели "Генерала Бельграно" занялась межпар-

тийная парламентская комиссия по иностранным делам. Со своей стороны Министерство обороны тоже начало расследование. В марте прошлого года новый министр обороны Майкл Хэзлтайн поручил ответственному служащему министерства составить подробный отчет об обстоятельствах гибели крейсера. Этим ответственным служащим и был Клайв Понтинг – 38-летний государственный чиновник безупречной репутации, награжденный престижным Орденом Британской Империи, человек, которого ожидало блестящее будущее. В процессе составления отчета Понтинг обнаружил расхождения в датах и неточности, содержащиеся в заявлениях Джона Нотта и других министров.

Самые настойчивые запросы по делу о потоплении крейсера исходили от лейбористского члена парламента Тэма Дизлла, который подозревал, что "Генерал Бельграно" был потоплен, чтобы сорвать мирные переговоры, предложенные Перу. Ответов на свои вопросы Дизлл не получил, и Понтинг анонимно послал Дизллу два конфиденциальных документа Министерства обороны. В отличие от Дизлла Понтинг не усматривал никакого коварного умысла в действиях правительства, отдавшего приказ потопить крейсер. Напротив, он целиком и полностью поддерживал военную политику правительства и считал, что решение потопить "Генерал Бельграно" было правильным. Не понравилось ему дальнейшее поведение правительства, когда оно отказалось внести ясность в вопрос об обстоятельствах потопления крейсера и признаться, что в пылу военных действий произошла накладка. Другими словами, Понтинг был возмущен, что правительство пытается обмануть парламент.

Из документов, с которыми ознакомился Понтинг в процессе составления доклада для министерства он понял, что министры не просто скрывали важную информацию, но пытались ввести парламент в заблуждение, и он счел своим долгом обнародовать документы. Правда, Понтинг решил выполнить этот свой долг анонимно и не ушел демонстративно в отставку. Только когда полиция, расследовавшая утечку информации, приперла Понтинга к стенке, он сознался. Но это говорит только о личности самого Понтинга и к существу дела не относится. А существо дела сводилось к тому, имел ли государственный служащий право передавать конфиденциальную информацию члену парламента? Прокуратура счи-

тала, что не имел, и на этом строила свое обвинение.

Государственные служащие в системе британского государственного аппарата – это постоянные работники министерств, которые не меняются со сменой правительств и на протяжении своей службы сотрудничают с министрами, принадлежащими к разным политическим партиям. Обязанность государственного служащего – всемерно помогать министру в проведении его политики. У государственного служащего могут быть, конечно, свои собственные политические взгляды и пристрастия, и зачастую ему приходится способствовать проведению политики, с которой лично он не согласен. Но он обязан соблюдать лояльность министру, на которого работает. Министр же оказывает ему полное доверие, посвящая во все министерские тайны. Таким образом, огласив министерские документы, Понтинг злоупотребил доверием министра.

Обвинение не интересовало моральные аспекты поведения Понтинга. Закон, на основании которого судили Понтинга, был принят еще до Первой мировой войны и в последнее десятилетие подвергался острой критике со стороны людей самых разных политических взглядов. Первая часть закона касается совершенно секретной информации, разглашение которой квалифицируется как государственная измена. Вторая часть, которая вызывает самые большие нарекания и по которой судили Клайва Понтинга, касается всей прочей информации и сформулирована крайне расплывчато. Она гласит, что слуга Короны совершает преступление, если передает доверенные ему и полученные им в процессе его службы пароль, план, записку, документ или информацию любому лицу, за исключением тех, кто уполномочен получать вышеуказанную информацию, и тех лиц, передача информации которым является долгом слуги Короны в интересах государства.

Депутат парламента, которому Понтинг передал документы, формально не был уполномочен их получать. Но поставил ли Понтинг под угрозу интересы государства? И что такое государство? Ограничивается ли это понятие лишь правительством сегодняшнего дня или это нечто большее, включающее и парламента, то есть народных представителей? На эти вопросы должен был ответить суд присяжных, вынося свое решение о виновности или невиновности Понтинга.

В Великобритании все серьезные дела рассматриваются при участии 12 присяжных заседателей, отбираемых по жребию. Обвинение и защита могут отвести любую кандидатуру, если они сомневаются в объективности данного заседателя. (Защита Понтинга, кстати, воспользовалась этим правом и отвела трех присяжных.) Кроме того, для процессов, где речь идет о разглашении государственных тайн, процедура несколько усложняется: специальный департамент полиции проверяет надежность потенциальных заседателей, поскольку в ходе судебных заседаний им могут быть прочитаны секретные документы. Присяжные заседатели на суде Понтинга были отобраны именно таким образом. На одном из закрытых заседаний им дали возможность ознакомиться с секретным отчетом, составленным Понтингом для Министерства обороны, для того, чтобы они могли оценить значение двух переданных Понтингом документов.

Защита Клайва Понтинга указывала на то, что документы, посланные Тэму Диэллу, хотя и касались вопросов безопасности, сами по себе не были засекреченными. Кроме того, часть закона о неразглашении государственной тайны, по которой судили Понтинга, допускает передачу конфиденциальной информации, если это служит интересам государства. Адвокаты построили свою защиту именно на этом, утверждая, что в понятие интересов государства входит оповещение парламента. Парламент и есть высший правительственный орган, и понятие "безопасность государства" нельзя отождествлять с безопасностью правительства.

Судья в своей заключительной речи, которую многие наблюдатели сочли тенденциозной, настаивал на полном тождестве понятий "интересы государства" и "интересы правительства", которое стоит у власти в данный момент. Судья даже попытался оказать нажим на присяжных, рекомендовав им признать Клайва Понтинга виновным. Может быть, чересчур пристрастная речь судьи оказала обратное действие на свободолюбивых английских присяжных, ибо, вопреки всем его рекомендациям, суд присяжных признал Клайва Понтинга невиновным. По существу вердикт присяжных был направлен против репрессивного духа устаревшего закона. Как комментировала на следующий день после оправдания Понтинга лондонская Times: "Одно из достоинств института суда присяжных в том, что зачастую

присяжные выносят решение, которое превосходит все мудрствования законодателей и юристов."

Оправдание Клайва Понтинга, несомненно, ускорило процесс пересмотра Закона о неразглашении государственной тайны и замены его другими, более четко сформулированным и более соответствующим современной западной демократии.

Дело Понтинга показало, насколько чутко английское общество к угрозе устоям демократии. По точному выражению американского теолога Р. Нибура, "способность человека к справедливости делает демократию возможной, но склонность человека к несправедливости делает демократию необходимой". ●

М. Филлимор

ВСЕ ПРОФЕССИИ ПОЧЕТНЫ

В Амстердаме состоялся первый в истории международный конгресс проституток, в котором приняли участие около 150 делегатов из ряда стран Западной Европы и Северной Америки. Инициаторами и организаторами конгресса были г-жа Койот, основавшая в 1973 г. в Америке организацию защиты прав публичных женщин, а также две голландские организации: "Алая нить", группа защиты проституток и их прав, и связанная с ней феминистская группа "Розовая нить".

15 февраля, в день закрытия конгресса, была принята Всемирная хартия прав проституток и объявлено о создании Международного комитета защиты прав проституток. Штаб-квартира комитета будет находиться в Голландии, где проституция легальна.

Одна из организаторов конгресса Марго Сент-Джеймс из Сан-Франциско, сказавшая, выступая на конференции, что комитет будет добиваться поддержки ООН, Европейского парламента, Международной амнистии и других авторитетных организаций, чтобы изменить сложившееся в мире предубежденное и несправедливое отношение к проституции и проституткам.

Хартия прав, принятая конгрессом, призывает все страны отменить уголовное преследование "всех видов взрослой проституции, основанной на индивидуальном решении". Хартия требует одновременно усиления наказаний за

преступления, от которых чаще всего страдают дамы легкого поведения: мошенничество, изнасилование и т. п.

Хартия требует гарантии прав человека и гражданских свобод для проституток, "включая свободу слова, передвижения, иммиграции, брака, материнства, права на работу и пособие по безработице, медицинское обеспечение и жилище".

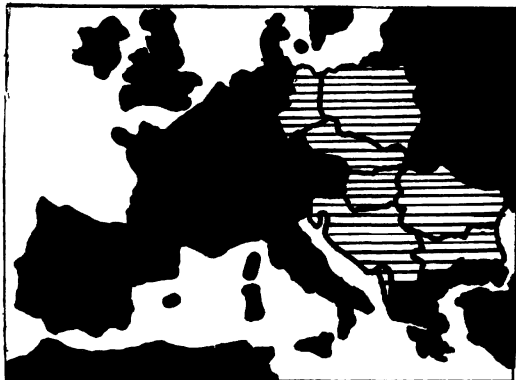
Участницы конференции решительно выступили (и это нашло отражение в хартии) против территориального ограничения проституции, которое приводит к тому, что во многих западноевропейских городах созданы специальные "районы красных фонарей". "Дайте нам заниматься нашей профессией там, где хотим мы сами и наши клиенты", — заявила на пресс-конференции 27-летняя Кора, проститутка из Франк-

фурта-на-Майне (где, кстати, район красных фонарей ограничен особенно четко).

Хартия требует также расширения полового воспитания, усиления борьбы с венерическими заболеваниями, установления для проституток налогов и социальных выплат таких же, как для представителей других профессий, разработки специальных программ действий, которые могли бы изменить отношение общества к проституткам, прекращения их дискриминации.

По завершении конгресса была проведена дискуссия за круглым столом с участием представителей голландского правительства и организаций социального обеспечения.

Вечером в одном из самых фешенебельных отелей Амстердама — "Краснопольский" — состоялся костюмированный бал. Доходы от сборов пошли в пользу вновь созданного комитета. ●

ПРОЦЕСС В БЕЛГРАДЕ

В апреле-мая 1984 г. догматики в составе Союза Коммунистов Югославии приступили к активному наступлению на инакомыслие в стране (см. "Страна и мир", № 12, 1984). 20 апреля 1984 г. в Белграде были арестованы 29 интеллигентов, собравшихся на заседание так называемого Свободного университета. Выдающийся югославский диссидент Милован Джилас выступил на этом собрании с докладом о национальном вопросе в Югославии. Все арестованные были затем неожиданно выпущены на свободу. Один из них, единственный среди них рабочий Радомир Радович, как утверждает служба госбезопасности, покончил с собой. Однако вскоре семеро из освобожденных были арестованы вновь. Арестован-

ные объявили голодовку, и спустя некоторое время, после многочисленных протестов в Югославии и за рубежом, 3 июня шестеро были освобождены. Седьмому — доктору Воиславу Шешелю был быстро устроен короткий показательный процесс в Сараево. Его приговорили, как уже сообщалось, к 4 годам тюрьмы. Обвинение остальным шести было предъявлено 6 августа 1984 г.

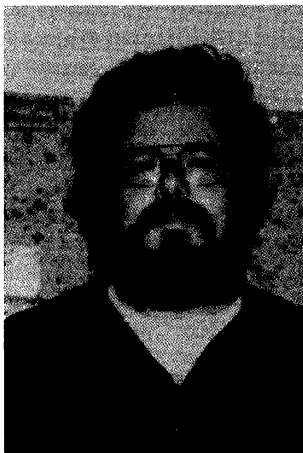
Процесс этих шести интеллигентов начался в Белграде 5 ноября 1984 г. и продолжался 3 месяца. Обвинительное заключение, подготовленное службой госбезопасности (за следствием наблюдал сам руководитель ее Стане Доланц) было оглашено во Дворце юстиции и, несмотря на все усилия составителей, выглядело довольно жидко.

Кого судили в Белграде? Владимир Миянович, социолог, 38 лет, руководил выступлениями белградских студентов в 1968 г.; Миодраг Милич, публицист и киносценарист, 55 лет; Драгомир Олуич, журналист Радио Белград, 35 лет, за свои симпатии к "Солидарности" и критику военного режима в Польше был переведен из внешнеполитического отдела Радио Белград в отдел экономической пропаганды; Гордон Йованович, студент искусствоведения, 24 года; Павлушко Имширович, переводчик, 36 лет; Милан Николич, социолог, 37 лет.

Все шестеро обвинялись в создании "организации с целью проведения враждебной деятель-

Миодраг Милич

Милан Николич

Драгомир Олуич

ности", составляющей "контрреволюционную угрозу общественному порядку". Это обвинение грозило подсудимым тюремным заключением на срок от 5 до 15 лет.

Что же в действительности представляла собой эта "контрреволюционная угроза"? "Преступные деяния" подсудимых выразились в том, что с апреля 1977 г. по апрель 1984 г. они встречались и вели дискуссии с другими лицами на различных частных квартирах. На этих встречах, которые получили название "Свободный университет", обсуждались различные политические, исторические, экономические темы.

Обвинение представило в суд инкриминируемые тексты и вызвало около 70 свидетелей, которые, однако, почти все высказались в пользу подсудимых. Белградский процесс почти сразу пошел не так, как хотели бы его организаторы. В зале суда присутствовали многочисленные иностранные журналисты, на глазах которых разыгрывались необычные для такого рода судилищ сцены. Не только подсудимые не признали себя виновными, но и адвокаты открыто солидаризовались с ними. Процесс неоднократно прерывался. Обвиняемые давали отвод суду ("члены партии не могут быть в таком суде объективными"), адвокаты требовали смены прокурора, как совершившего должностное преступление, адвокаты и подзащитные вместе то и дело заявляли различные протесты и ходатайства. Такого в югославских судах не наблюдалось с 1945 г.

Исчез страх перед бесконтрольной властью.

Можно было подумать, что суд происходит не в коммунистической Югославии, а в подлинно правовом государстве. Белградские газеты ("Политика", "НИН" и др.) одобрительно писали о происходившем на процессе, загребский "Виесник", напротив, с тоской вспоминал о юстиции "добрых сталинистских времен".

24 января на процессе произошел крутой поворот. Первоначальное обвинение было смягчено. Дело Павлушко Имшировича, за отсутствием доказательств, было прекращено. Миодрагу Миличу, Драгомиру Олуичу, Милану Николичу обвинение было изменено: вместо "создания контрреволюционной организации" — всего лишь "враждебная пропаганда", т.е. значительно более мягкое обвинение.

Неожиданный оборот, который принял процесс, в большой степени объясняется расколом в Союзе Коммунистов Югославии, отсутствием единства и в руководстве, и среди рядовых членов (см. об этом статью М. Михайлова в № 12 нашего журнала за 1984 г.). Сыграла роль и резкая реакция общественности, преодолевающей страх титовских времен. В ответ на преследования инакомыслия в Югославии и, в особенности, в ответ на белградский процесс, был создан "Комитет свободы мнения и прав граждан". Инициатором его стал выдающийся сербский писатель, возможный кандидат на нобелевскую премию Добрица Чосич. В этот комитет вошли 18 писателей и ученых, включая наиболее значительных представителей югославской интеллигенции. Двенадцать из подписавших деклара-

цию Комитета – члены Сербской Академии наук, почти половина членов Комитета – члены КПЮ.

Позорным назвали процесс в Белграде 80 участников гражданской войны в Испании, перед которыми в декабре 1984 г. выступил с речью член Комитета, тоже испанский ветеран – генерал Гойко Николиш. Ветераны послали в Президиум КПЮ письмо протеста с требованием проведения внеочередного съезда. Письмо это вызвало в Югославии сенсацию.

4 февраля был провозглашен приговор, оказавшийся необычно (для Югославии) мягким. Мидраг Милич был приговорен к 2 годам заключения, Милан Николич – а 1,5 годам, Драгомир Олуич – к 1 году. Дела Владимира Мияновича и Гордана Йовановича были из данного процесса выделены “по болезни обвиняемых”, а для Мияновича – еще из-за того, что тот “постоянно оскорблял суд”. Оба они на свободе. В Белграде думают, что дело против них потихоньку будет вообще прекращено.

Подобный исход процесса едва ли мог иметь место в Советском Союзе или, скажем, в Чехословакии. ●

М.Батинич

БОЛГАРСКИЕ ТУРКИ

Положение турецкого национального меньшинства в Болгарии, которое никогда не было простым, значительно обострилось в первые месяцы 1985 г., вызвав даже дипломатическую напряженность между Болгарией и Турцией.

Турок в Болгарии около 900 тысяч (по турецким данным – 1 100 000), примерно каждый десятый болгарский гражданин – турок.

Болгарские турки – живое напоминание о том времени, когда Болгария находилась под властью Оттоманской империи. В 1944 г., после уничтожения монархии и прихода к власти Болгарской компартии, была принята конституция, гарантирующая всем национальным меньшинствам равные права. Однако почти сразу эти права начали урезать, и сейчас они остались, практически, только на бумаге.

Уже в 1947 г. школы на турецком языке были слиты с болгарскими. В 1974 г. турецкий язык как отдельный предмет был вообще исключен из школьных программ. Этнических турок не призывают в армию, они служат лишь в строитель-

ных батальонах: болгарские офицеры не доверяют туркам оружие.

До недавнего времени в Болгарии выходила двуязычная газета “Новый свет” (“Нови светлини” по-болгарски и “Ени истик” по-турецки). С 31 января 1985 г. турецкое название и статьи на турецком языке исчезли. Прекратили свою работу турецкие “культурные центры”. В турецких деревнях закрыты школы. Детей из этих деревень теперь автобусами возят в школы, расположенные в деревнях, населенных болгарскими, – это, очевидно, должно способствовать быстрой ассимиляции юных турок. Цельный ряд мечетей в турецких районах взорван и обломки убраны бульдозерами. Врачам в турецких деревнях запрещено производить требуемое исламом обрезание. Начато глушение радиопередач на турецком языке (из Турции).

Но, пожалуй, наиболее отчетливо политика, направленная на уничтожение турецкой национальной самобытности, нашла свое отражение в кампании по замене турецких имен болгарскими. По всей Болгарии, а в особенности в районах с преобладающим турецким населением, этнических турок заставляют заполнять специальные бланки заявлений с просьбой о замене имени на болгарское. Стандартный бланк приготовлен на целую семью: в нем предусмотрены места для имен мужа, жены и пятерых детей.

Списки болгарских имен, предлагаемых туркам на выбор носят с собою милиционеры, которым поручено проведение кампании. Милиционеры изымают водительские права и свидетельства о рождении с турецкими именами и даже свидетельства о смерти (на два поколения назад) и выдают взамен их – вполне в духе Орвелла – новые свидетельства, в которых турецкие имена уже заменены на болгарские.

Немногим удается ускользнуть от такой насильственной “болгаризации”. Одно из исключений – чемпион-тяжеловес 17-летний Наим Сулейманов, отказавшийся выступать в составе болгарской команды, если его имя будет изменено.

Местами кампания по замене имен приобретает насильственные, подчас трагические формы. В удаленных от центра местах, в глухих деревнях милиция стремится выполнить возложенное на нее задание любой ценой и досрочно рапортовать о завершении своей миссии. Турок, отказывающихся подписывать бланки заявлений, принуждают делать это силой, под угрозой оружия. В ре-

зультате нередко вспыхивает возмущение, быстро подавляемое милицией. С декабря 1984 г., когда началась кампания по изменению имен, в таких столкновениях погибло, как сообщают, от 200 до 300 турок и более десятка болгарских милиционеров.

Одно из наиболее трагических событий разыгралось 12 января 1985 г. в деревне Яблонино, в северо-восточной Болгарии. На рассвете, около 3 часов утра, все дороги, ведущие в эту деревню с населением 1800 человек, были блокированы военными грузовиками. Милиционеры врвались в дома, вытаскивали полуголых жителей из постелей и заставляли их подписывать бланки заявлений об изменении имен. Многие были избиты. Сопротивлявшимся приставляли револьверы к затылку. Несколько женщин были изнасилованы на глазах у их мужей и детей. В результате все турки — жители Яблонино подписали требуемые заявления.

Мотивы, по которым болгарские власти решили столь энергично форсировать ассимиляцию

турок, не вполне ясны. Возможно, сыграла роль тревога властей в связи с быстрым изменением удельного веса болгарского и турецкого населения в пользу турок. Прирост болгарского населения в настоящее время равен нулю, тогда как количество турок ежегодно увеличивается на 2% — турецкие семьи традиционно многодетны. Высказывают также мнение, что к всеобщей переписи населения, назначенной на конец 1985 г., и к празднованию 100-й годовщины объединения страны болгарский вожь Тодор Живков хочет добиться создания этнически однородной страны. Возможно. Однако официально политика "болгаризации" турок не только не объясняется, но отрицается даже самый факт ее проведения.

Болгарские власти всячески стараются скрыть происходящее. Начиная с декабря, когда была развернута кампания по изменению имен, северные и юго-восточные районы страны, где проживает большинство турок, были закрыты для иностранных журналистов. Государственное туристическое агентство Балкантурист перестало принимать от граждан Турции заявки на поездки в районы Болгарии, затронутые кампанией "болгаризации" турок: многие "турецкие" турки имеют там родственников.

Действия болгарских властей вызвали резкую реакцию турецкого правительства. Премьер-министр Турции Тургут Озал отозвал турецкого посла в Болгарии Омера Лютема "для консультаций". В конце февраля Анкара официально заявила Софии протест. Государственный министр Месут Илмаз выступил по национальному телевидению с резкой критикой действий Болгарии в отношении граждан турецкого происхождения. На закрытой сессии парламента Турции была принята резолюция, в которой сформулирована политика по отношению к Болгарии в связи с проблемой турецкого меньшинства. В числе семи пунктов этой резолюции — угроза поднять вопрос в различных международных организациях.

Турецкая пресса с возмущением пишет о происходящем в Болгарии. Стамбульская "Юнеш" сравнивает действия болгарских властей с политикой гитлеровцев.

ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ

В феврале был опубликован отчет о состоянии народного хозяйства в 1984 г. Можно сказать, что этот год был годом застоя и даже ухудшения хозяйственной ситуации. По официальным данным, национальный доход, промышленное производство и снабжение населения потребительскими товарами возросли почти на 5%, но ухудшилось качество продукции и остался без изменений ассортимент товаров. За счет производства товаров для населения продолжает увеличиваться производство оборудования, хотя не самого лучшего качества. Расходы материалов на предприятиях остались на прежнем уровне, что свидетельствует о том, что эффективность ведения хозяйства не улучшилась. Рост производства продукции и национального дохода оказался значительно ниже, чем было предусмотрено планом.

С первого взгляда кажется, что заметно снизились темпы инфляции (с 22 до 15%). Рост цен на потребительские товары был сравнительно медленным и одновременно замедлились темпы снижения номинальных доходов населения (с 24 до 20%). Однако это достижение — результат искусственного удерживания цен на прежнем уровне, которое в свою очередь вызвало дефицит товаров. Фактические успехи в борьбе с инфляцией гораздо менее впечатляющи, чем может показаться с первого взгляда: инфляция снизилась не на 7%, а примерно на 2–3%. Цифра весьма незначительная.

За этот же год внешнеторговый оборот Польши снизился. Дефицит в торговле с СССР увеличился на 13%, значительно возросла задолженность Советскому Союзу. Задолженность запад-

ным банкам из расчета в злотых возросла на 30%. План экспорта в западные страны выполнить не удалось, а план импорта был превышен. В результате этого импорт из западных стран впервые с 1975 г. превысил польский экспорт на Запад. Если эти тенденции сохранятся, то в недалеком будущем это приведет к ликвидации положительного сальдо во внешнеторговом балансе.

На протяжении нескольких лет, в результате экономических санкций, сокративших импорт с Запада, Польша сэкономила около 1,5 млрд. злотых. Полтора миллиарда — это примерно половина суммы, которая нужна Польше для уплаты процентов от общей задолженности западным банкам и для того, чтобы затормозить рост этой задолженности. На протяжении двух последних лет эта сумма не меняется, поэтому задолженность Польши возрастает. Ухудшение внешнеторгового сальдо вызывает серьезное беспокойство. Оно означает, что нет почти никакой надежды на погашение отсроченных долгов вплоть до 90-х гг. Короче говоря, механизмы поддержания экономической деятельности, пущенные в ход с 1984 г., перестали действовать, а других механизмов пока не нашлось. Поэтому экономическая реформа фактически была заморожена. За фасадом реформаторских постановлений продолжает действовать принцип административного управления хозяйством. Это ведет к кризису экономической политики режима и пока нет надежды на улучшение положения.

* * *

Одна из главных целей хозяйственного плана на 1985 г. — достижение равновесия на внутреннем рынке, то есть удовлетворение спроса населения при ценах, соответствующих экономической ситуации. Первым шагом к этому должно было стать повышение цен на продукты питания. 5 января власти объявили три варианта повышения цен. Был проведен опрос общественного мнения для определения приемлемого варианта. По официальным подсчетам, первый вариант предусматривал повышение цен на 96 млрд. злотых, второй — на 124 млрд. и третий — на 143 млрд. злотых. В случае принятия второго или третьего варианта власти обещали отменить ограничения на продажу продовольствия, то есть отменить продовольственные карточки.

Повышение цен на продукты должно было стать частью более широкого плана повышения

цен на товары и услуги. Было предусмотрено повышение платы за отопление, воду, газ, электричество. Дискуссии на эту тему продолжались на предприятиях и на страницах официальной прессы на протяжении двух месяцев. Хотя дискуссии проводились больше для видимости, они все же дали возможность определить отношение трудящихся к идее повышения цен. Это — несомненный прогресс по сравнению с теми временами, когда о повышении цен население узнавало в последний день.

В ходе консультаций трудящиеся высказались против всех трех предложенных правительством вариантов повышения цен. 21 января состоялось заседание Временной координационной комиссии "Солидарности" (ВКК) с участием Леха Валенсы. Участники заседания сделали следующее заявление: "Власти готовят крупное повышение цен. Они также лишают трудящихся права на 8-часовой рабочий день. В связи с этим ВКК объявляет 28 февраля Днем протеста. ВКК призывает провести в этот день 15-минутную забастовку. Только постоянное сопротивление общества и организованные протесты могут затормозить политику экономической эксплуатации и противодействовать попыткам властей взвалить на плечи трудящихся результаты своей бездарной хозяйственной политики".

ВКК упомянула о 8-часовом рабочем дне в связи с намерением властей уполномочить руководителей предприятий в случае невыполнения производственных планов продлевать рабочее время свыше 8 часов. В заседании ВКК принимали участие Богдан Лис и Адам Михник, освобожденные из заключения в прошлом году по амнистии. Теперь прокуратура опять возбудила против них дело о нарушении правил амнистии.

Через месяц после протеста ВКК и Леха Валенсы к кампании протестов присоединились даже представители официальных профсоюзов (так называемых отраслевых и автономных). Опять начала назреть конфронтация между властями и широкими кругами трудящихся, откликнувшихся на призывы руководителей "Солидарности" и Леха Валенсы. В этой ситуации властям ничего не осталось, как пойти на тактическую уступку. Особенно интересной была реакция официальных профсоюзов, созданных по инициативе правительства после запрещения "Солидарности". 23 февраля "Веспольский совет профсоюзов" (ВСПС) заявил, что он "не поддержи-

вает никакого из предложенных правительством вариантов повышения цен". В частности, ВСПС выступил против резкого повышения цен на продовольствие и против повышения платы на центральное отопление, газ, электричество и прочие услуги, которые должны быть введены вскоре после недавнего повышения квартирной платы. Предложенные правительством суммы компенсации руководство официальных профсоюзов назвало недостаточными и выдвинуло требование увеличить компенсацию с учетом подорожания жизни. Эти требования вызвали сенсацию: официальные профсоюзы выдвинули почти те же требования, что и "Солидарность"!

Сразу же после обнародования заявления руководителей официальных профсоюзов состоялось заседание Совета министров ПНР, на котором решено было отказаться от предыдущих вариантов повышения цен и провести его поэтапно за четыре месяца. Отказ от первоначальных проектов правительство представило как уступку официальным профсоюзам. Однако не может вызвать сомнения тот факт, что власти пошли на этот шаг под нажимом общественного мнения, опасаясь массовых протестов и забастовок, к которым призывали руководители "Солидарности".

Что же касается беспрецедентной позиции руководства официальных профсоюзов, то напрашивается вывод, что она была продиктована им властями для того, чтобы свою уступку под нажимом "Солидарности" представить как пример гибкости в отношении официального партнера — ВСПС, который якобы является не фасадом, за которым ничего нет, а имеет силу и влияние в обществе. Однако нельзя исключить и другой возможности. Призыв "Солидарности" к забастовке поставил ВСПС, так сказать, перед проверкой на подлинность. Официальные профсоюзы продолжают вызывать разочарование, их бойкотируют. Поддерживая повышение цен, руководство официальных профсоюзов подтвердило бы самое худшее мнение о себе и, может быть, вызвало бы возмущение среди членов официальных профсоюзов. Посему не исключено, что ВСПС в беседах с представителями властей действительно протестовал против повышения цен и, возможно, эти протесты оказали дополнительное влияние на решение властей.

В результате решения Совета министров ПНР об отмене одноразового повышения цен Лех Ва-

ленса, после согласования вопроса с ВКК, объявил об отмене 15-минутной забастовки, намеченной на 28 февраля. Через несколько дней власти объявили о введении первого этапа постепенного повышения цен на продовольственные товары.

* * *

На протяжении последних месяцев власти усилили антицерковную пропаганду. Произошло также заметное охлаждение отношений властей с католическим епископатом. В последнее время Глемп ни разу не встретился с Ярузельским, не было заседаний объединенной комиссии, созданной для решения спорных вопросов, остается замороженным церковный сельскохозяйственный фонд. Средства массовой информации все чаще выступают с грубыми нападениями на священников, которые принимают активное участие в общественной жизни. Пресса часто помещает "письма читателей", якобы возмущенных вмешательством представителей церкви в политику.

Важную роль в этой кампании играет Ежи Урбан – представитель правительства по делам печати. В своей статье "Оскорбление чувств", подписанной псевдонимом Ян Рем, Урбан заявил, что атеисты, а не верующие, нуждаются в Польше в юридической защите. Он намекнул также на возможность введения изменений в уголовном законодательстве. Еще дальше пошел шеф управления по делам вероисповеданий Адам Лопатка. В своих выступлениях перед представителями зарубежной печати он пригрозил священникам, критикующим власти, уголовным наказанием. Официальные средства информации никогда не упускают случая, чтобы выступить с нападениями на представителей духовенства. Их обвиняют в подстрекательстве молодежи к протестам против устранения крестов из школьных помещений. Газеты раздувают дело об убийстве психически больным монахом своего коллеги – другого монаха, попытку убийства девочки человеком, уже давно лишенным духовного сана и т. д.

Частью антицерковной кампании был и процесс над убийцами священника Попелюшко, на котором власти сделали попытку очернить жертву преступления, а прокурор даже сравнил убитого священника с его убийцами. На этом же процессе обвиняемый Петровский выступил с нападениями в адрес нескольких епископов, а епископа

Токарчука, которого власти особенно не любят, он обвинил в сотрудничестве с гестапо во время немецкой оккупации.

9 февраля во время пресс-конференции кардинал Глемп заявил, что власти ведут пропагандистскую войну против церкви. Секретарь епископата архиепископ Бронислав Домбровский направил польскому радио и телевидению протест. 14 и 15 февраля в Варшаве состоялась пленарная конференция епископата, на которой было принято заявление о состоянии отношений между церковью и властями. В заявлении говорилось о многовековых узлах, которыми польский народ связан с церковью, о том, что церковь всегда пользовалась правом проповедовать свое учение и давать свои оценки политическим фактам, исходя из принципов христианской морали. Заявление заканчивалось такими словами:

"В связи с торунским процессом многие поляки надеялись на очищение общественной атмосферы и на возрождение взаимного доверия. К сожалению, дальнейший ход событий вызвал серьезное беспокойство. Во время процесса власти сделали попытку дискредитировать церковь, ее епископов и священников. Эти нападки не ограничились безответственными выступлениями обвиняемых; даже общественный обвинитель сравнил жертву с ее убийцами. Официальные средства информации освещали ход процесса тенденциозно. Если к этому прибавить другие публикации, направленные против церкви, то напрашивается естественный вывод: против церкви ведется умышленная пропагандистская кампания... Власть ведет к тому, чтобы сорвать диалог церкви с правительством. Эти действия не служат делу национального примирения. Во имя блага народа мы ожидаем прекращения этих действий".

Протест епископа Домбровского и заявление конференции епископата были опубликованы в католическом еженедельнике "Тыгодник повешных". Польское телевидение отвергло протест, а представитель прессы назвал заявление конференции епископов актом, наносящим вред делу национального примирения.

В. Кучинский

ВМЕСТО НАДГРОБНОГО СЛОВА

Константин Устинович Черненко стал Генеральным секретарем партии со второй попытки. Раньше таких вещей не бывало. Претендент, проигравший борьбу, навсегда исчез со сцены: прежде — с треском и грохотом, как Троцкий, Зиновьев, Бухарин, в наше время — почти бесшумно, как Маленков, Хрущев, Шелепин.

Трудно сказать, что спасло Черненко: то ли слишком быстрая смерть Андропова, то ли собственная осторожность. Во всяком случае, впервые за всю историю Коммунистической партии Советского Союза Черненко дважды вступал в борьбу за место на вершине Олимпа и наконец выиграл.

Комментаторы, воспитанные на предыдущих сценариях, пытались объяснить это внешними причинами: отсутствием бесспорного фаворита, стремлением главных соперников выиграть время, близостью Черненко, который именно по этой причине устраивал всех.

Вряд ли это справедливо. Борьба на самой вершине достигает такого накала, что у случайного человека нет шансов стать первым. Да и весь предшествующий путь Черненко исключает мысль о случайности. Сын сибирского крестьянина, рядовой пограничник, заведомо заштатного райкома, без протекции, без серьезного образования, не имея особых талантов, должен был обладать особыми качествами уже для того, чтобы не остаться последним. Другой вопрос, что это совсем не те качества и достоинства, которые определяют карьеру политического деятеля на Западе. Но ведь Черненко не собирався баллотироваться в президенты Соединенных Штатов...

Может быть, важнейшим из этих достоинств был нюх. Вершина многолетней партийной карьеры Черненко — должность заведомо пропаганды ЦК КП Молдавии. Звучит вроде бы неплохо. Но знающему человеку ясно, что это — тупик. Секретарем ЦК республики такой деятель не станет: секретарей либо назначают из местных, либо присылают из центра. И на переход в Москву шансов нет, — для этого нужны связи.

Когда в Кишиневе появился Брежнев, Черненко вцепился в него, как клещ. Нюх тут нужен был первостатейный: предвидеть, что скромному секретарю республиканского ЦК суждена большая дорога, уловить основное качество Брежнева — лень, наконец, стать для него необходимым.

Скоро, однако, Брежнев отбыл в Москву, мгновенно забыв о преданном друге. Другой бы обиделся. Другой, но не Черненко. Он нажал на все свои нехитрые педали и сумел-таки вынырнуть в Москве, променяв солидную должность заведомо на странное амплу члена редколлегии журнала "Агитатор".

Похоже, Брежнева умилила такая преданность, и, сделавшись председателем Президиума Верховного Совета, он назначил Черненко завканцелярией Президиума. Так образовался устойчивый тандем. Понятно, Черненко играл в нем роль ведомого — секретаря, помощника, собутыльника, няньки. Наивно думать, что это простая роль: ведомому куда труднее, чем ведущему...

Сейчас специалисты начнут пристально всматриваться в этапы этой карьеры, анализировать немногие и неяркие его речи, будут пытаться понять, что же все-таки нового он внес в идеологию, во внешнюю и внутреннюю политику СССР.

Нелегкая задача. Черненко в самом деле был удобен для всех, обтекаем до предела: ни одного острого угла, благородная поза умудренного опытом, сдержанного, отечески доброжелательного человека. Никаких рынков, рискованных экспериментов, партизанщины. Тише едешь, дальше будешь.

Истоки его возвышения видны невооруженным глазом: он — порождение системы, ее продукт, ее идеальная модель. Он не просто не хотел, он и не мог хотеть чего-то такого, что не укладывалось в стереотип. Круг его представлений был далек не только от западных, но и от прежних советских канонов. Ушли в прошлое, стали историей революция и гражданская война, коллективизация и большой террор, хрущевские потуги возродить боевой пыл, брежневское сибаритство, даже андроповская нарочитая деловитость. Система сформировалась, застыла, как желе, обрела законченность. На посту Генерального секретаря ей нужен был не гений, не тиран, не реформатор, а специалист-аппаратчик, знающий все многосложное партийное устройство, все рычаги и колесики его механизма, в совершенстве владеющий его лексикой. Короче, нужен был идеальный бюрократ, Бюрократ с большой буквы, Генеральный бюрократ.

Не надо представлять себе бюрократа непременно монстром, начисто лишенным человеческих свойств. В облике Черненко отчетливо просматриваются три источника, три составные части: здравый смысл и осторожность сибирского крестьянина; святая вера в силу "партийного слова" — большую часть жизни он занимался пропагандой; практицизм — вся его карьера формировалась в коридорах власти, в "аппарате".

В самом начале его правления в газетах появилась семейная фотография: "сам" с ребенком на руках, жена, дочь. Муж, отец, дед — ничто человеческое ему не чуждо. Больше подобных снимков не публиковали. Объектив фиксировал его на трибуне или за столом переговоров. Вождь, государственный деятель.

Он любил встречаться с трудящимися. В беседе с металлургами дал несколько чрезвычайно общих — и потому вполне разумных — советов. На встрече с писателями — больше хвалил: писателей! Но и пожурил отечески: мало положительных героев... наш славный рабочий класс... поменьше о нытиках... побольше о достижениях... Комсомольским вожакам армии объяснил вред формализма: мероприятия, конечно, дело нужное, но необходим и индивидуальный подход — иначе не действует.

Истово верил в бумагу, во всякие постановления и программы. Программа перестройки школы — его детище. В школе, понятно, надо учиться — на то она и школа. Но и работать надо. Во-первых, польза для страны. Во-вторых, и это даже важнее, труд — голова всему. Вот он сам всю жизнь трудился, и что же? — партия оценила, теперь не из последних. Как там ни трудно, ни тяжело — этим учителям надо бы все-таки повысить зарплату. На голодный желудок не очень повоспитываешь.

Но особенно дороги ему были новая Программа партии и съезд, его он ждал чуть ли не с детским нетерпением. Очень хотелось поскорее убрать из Программы эти хрущевские даты и цифры, этот наступающий коммунизм. Куда спокойнее было говорить о периоде зрелого социализма, длительном периоде, в течение которого социализм будет совершенствоваться, становиться все более близким. Может быть, этот образ он воспринимал даже зрительно: созреет, пусть даже — для гарантии — малость перезреет, и сам собой упадет в коммунизм.

Главное, что его беспокоило, — продовольственная программа. Тут идеология и его крестьянский опыт как-то не сходились. Народу нужны продукты, предмет самой первой необходимости. Не от происков империалистов, и не от этих... как их? — диссидентов бывают революции. От нехватки чего поесть, где жить и во что одеваться, вот отчего, это он, очевидно, знал твердо.

Всякие там эксперименты в хозяйствовании мало его привлекали, дело темное. Он не возражал — вдруг что и выйдет? — но и не очень поддерживал. А вот для того, чтобы накормить народ, он готов был даже — страшно сказать — маленько поступиться идеологией. Крестьянину что нужно? Ну там, земля, корова. Лишней земли не дадим — противоречит; но своей соткой пусть пользуется: притеснять не будем. Разбогатеть на ней не разбогатеешь, смешно, — это городские придумали, а если малость заработает — пусть,

зато продукты на рынке будут. И другие пускай понемножку крестьянствуют: горожане, солдаты, школьники. Хлеб — всему голова.

А что нужно рабочему? Пол-литра, само собой. И еще ему нужно уважение: чего сделал, за то пусть заплатят. Тут не так даже важно, сколько заплатят, важно, чтобы мастеровитому, работающему человеку — больше, чем неучу или бездельнику. А то завели эти нормы, наряды, выгодные работы, невыгодные. Нет, надо, чтоб просто: артель, рабочий котел, а там сами рабочие пусть решают, кому сколько. Они не ошибутся, разделят по справедливости. В артели будешь волынить, горло перегрызут; не умеешь — научим, не хочешь — заставим.

А чего всем другим не хватает? Свободы, "демократии"? Нет, не ради того российская революция совершалась. Тогда ради чего? Где-то он про это читал, когда-то много о том говорилось, потом забыли: для социальной справедливости. Вот, кажется, и сказал он свое слово в марксистской науке — социальная справедливость. Пусть у них там, на Западе, и еды побольше, и одежда покрасивее, и телевизоры поцветнее — когда-нибудь и у нас будут. А социальная справедливость только у нас! Что, Форд больше работает, чем его рабочий? Не больше. А имеет, между прочим, в миллион раз больше. Нет у них этой справедливости и не предвидится.

А у нас? Если по совести, у нас пока тоже не густо. Дельцы всякие, махинаторы. Забавывают за день столько, что рабочему человеку не снилось и за месяц. Всякие директора, начальники, министры. Может, Ленин был прав: партмаксимум, средняя зарплата рабочего, и точка. Да только попробуй сейчас заикнись, костей не соберешь. Оно, впрочем, и резонно: как-никак министр! Ладно, раз министр, получай свою министерскую зарплату. Так нет, норовит еще и утянуть. Стыдно сказать, всем берут: и деньгами, и икрой, и камушками.

Потом сынки разъезжают на "мерседесах" — наших советских машин им, видите ли, мало. Одеваются черт-те во что. Танцуют всякие буги-вуги. Охотиться желают только в сафари. Да еще, поганые юнцы, щеголяют в Москве в фашистской форме — празднуют день рождения Гитлера. Но попробуй тронь — отцы вскинутся, костей не соберешь.

А вовсе без социальной справедливости тоже нельзя. Русскому человеку первое всего подай справедливость. Хлеба нет — так для всех нет, икра есть — так для всех. Ладно, министров или там секретарей райкомов оставим; это уже перегиб, уравниловка. А против хапуг надо поднять народ, — нет, впрочем, поднимать не стоит, потом не остановишь. Надо это остороженько, помаленьку-полегоньку. Если, например, ввести что-то вроде налоговой декларации (тут не грех и у американцев поучиться): расходы, доходы, откуда, зачем и почему. А там, смотришь, создадим и комиссии по проверке, — ясное дело, треугольник, а для гарантии — кто-то из рабочих. Тут тебе и теоретическое подкрепление — Ленин. "Как нам реорганизовать Рабкрин". Очень зорко подметил, — эта самая идея, нужен рабочий контроль. Эти, в треугольнике, между собой быстренько сговорятся, приучены. А с рабочим человеком? И с рабочим сговорятся — он, сукни сын, нынче ловкий. Однако все равно польза: статьи в газетах, заседания, проверки. Какая она там будет, справедливость, — дело второе, а все же будет. Инженера, врача или, к примеру, учителя трогать не стоит, много ли с них возьмешь? А завмаг, или кладовщик, или, положим, директор гаража, будь добр, расшифруй подробно: откуда ковры, хрусталь, импортная мебель, кафель чешский, унитаз финский. Бабушка наследство оставила? Ха-ха.

Только и тут тихо надо, осторожно! Завмаг, он тоже не просто так, он со связями. Остороженько запишем этот пункт, о справедливости, в программу партии, утвердим на очередном съезде, — одного этого лет на десять хватит. Потихонечку подключим печать, радио, кино, творческую общественность. Идея, овладевшая массами, становится материальной силой. Не сразу, ясное дело, со временем.

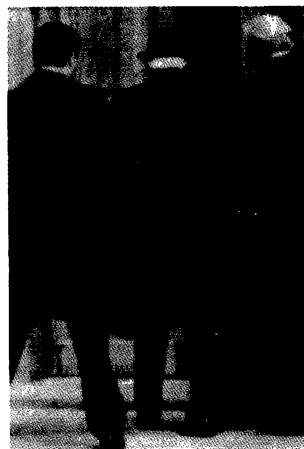
Конечно, и дисциплинку надо подкрутить — тут этот Андропов был прав. Да и не он вовсе, идея-то ленинская. И Хозяин по этой части был мастак. Дело прошлое... Андропов — между нами говоря — брал уж очень круто. Устраивать облавы по кино да по баням — непорядок, явный перегиб. Правильно отменили. А вот отменили, снова распустились. Надо будет подкрутить. Только поспокойнее, поосторожнее — без эксцессов.

В общем много чего надо, а времени мало. Нынче первым раньше семидесяти не станешь. А тут, чтобы все успеть, надо быть долгожителем. Сколько этот Махмуд Эйваров прожил: сто сорок восемь? сто пятьдесят два? Эх, везет же людям. Для этого надо жить на Кавказе, пить овечьё молоко, есть брынзу... Нет, тут хотя бы лет десять — должность-то вредная.

Судьба отпустила ему совсем немного времени: на посту генсека он пробыл чуть больше года. Несколько тысяч стандартных слов, школьная реформа, председательствование в Политбюро и в комиссии по разработке проекта Программы КПСС, подготовка очередного съезда партии, невнятное бормотание о социальной справедливости — вот, кажется, и все, что успел шестой вождь.

Что-то слишком быстро стали умирать корифеи. Слишком долго приходится им стоять в очереди — поздно их выбирают, или сам строй настолько одряхлел, что это отражается и на его вождях. А может, дело в климате. Там, наверху, сплошное ненастье: сыро, холодно, свистят ледяные ветры. ●

Р.Б.

УХОДЯТ....

Л.Брежнев, 1978
Ю.Андропов, 1983
К.Черненко, 1984

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Михаил Сергеевич Горбачев – видный деятель Коммунистической партии... на всех постах, которые ему поручает партия, трудится со свойственными ему... отдает свои знания... беззаветно служит великому делу... выразил глубокую признательность... очень хорошо понимает, сколь велика связанная с этим ответственность... укрепление... упрочение... повышение... благосостояние... награжден тремя орденами... решительный отпор... неустанная борьба... партия и дальше будет... как зеницу ока.

”Литературная газета”, 14 марта 1985 г.

У этого человека приятная улыбка, но зубы у него железные.

А. Громыко (из выступления на Пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 г.).

Я хочу сказать вам, что 800 000 коммунистов Казахстана хотят этого человека!

Д. Кунаев (там же).

Ну вот, человека мы уже выбрали, а программу – еще нет.

А. Громыко (в разговоре с помощником).

Если кому-либо не нравится марксизм, пусть винит Британский музей.

М. Горбачев (при посещении комнаты в Британском музее, где работал Карл Маркс).

Мировая печать о М.Горбачеве

INTERNATIONAL HERALD TRIBUNE

Независимая американская газета;
издается в Париже

Кто же такой Горбачев? Политик, изготовленный по тому же шаблону, по которому скроены его коллеги, человек, у которого лишь чуть побольше внешнего лоска и обходительности? Импозантный мужчина с шармом, который вместе с женой осматривал лондонские достопримечательности, непринужденно шутил с сильными мира сего и в конце концов очаровал англичан?

Политические комментаторы не спешат объявлять его "либералом". Его профиль пока еще неясен. Как бы то ни было, можно с определенностью сказать, что крестьянский сын из Южной России, с приятными манерами и спокойствием на челе, сумел совершить одну из самых головокружительных карьер в современной политической истории Советского Союза.

Горбачеву пошла на пользу его близость к Андропову. Бывший шеф КГБ нашел в нем безупречного помощника в осуществлении амбициозных планов с целью ликвидировать коррупцию и застой — наследие Брежнева. Под шум начатой кампании Андропов и Горбачев сместили пятую часть секретарей обкомов и 9 из 23 заведующих отделами ЦК. Они открыли поход против продажных чиновников и бездельников-рабочих, они начали эксперимент по стимулиро-

DAILY TELEGRAPH

Лондон. Газета консервативного
направления

Михаил Сергеевич Горбачев широко образован — что необычно для кремлевского лидера — и обладает широким кругозором, он живо заинтересован в модернизации и реформах.

Он достаточно молод — ему всего 54 года, — чтобы руководить Советским Союзом в течение следующих 20 лет и обеспечить преемственность, в которой Кремль так нуждается после того, как

ванию промышленности и сельского хозяйства...

Но как бы ни был стремителен его взлет, неясно, насколько он искусен в политических делах. В прошлом году он, по-видимому, несколько раз отступался. Его речь после смерти Андропова, в которой он предлагал выдвинуть Черненко на пост генсека, в газетах не появилась. Во время одной из церемоний награждения в Кремле Горбачев был таинственно передвинут в ряду стоящих членов Политбюро из центра на самый край. В сообщении об октябрьском пленуме ЦК его имя даже не упоминалось, хотя обсуждалось положение в сельском хозяйстве — сфере его преимущественной компетенции.

Среди людей в СССР есть и такое мнение: Горбачев недостаточно безжалостен. Своим возвышением он обязан прежде всего высокой протекции, а не собственной грубой силе. Суслов, а затем Андропов вывели его на орбиту, до которой он якобы никогда не смог бы добраться своими силами. В то же время куда менее яркие, но более пробивные члены Политбюро, например Романов, сами взобрались наверх.

Что его выделяет, так это то, что у него есть собственная платформа. Больше, чем кто-либо из состава Политбюро, Горбачев связывает свое имя с призывом к радикальным переменам в экономическом, административном и социальном мышлении. На нем лежит отсвет легенды об Андропове как о человеке, державшем в одной руке кнут дисциплины, а в другой — пряник экономических реформ.

три руководителя умерли один за другим с конца 1982 года.

Западные наблюдатели и некоторые государственные деятели предполагают, что он внесет свежую струю в затхлую и угрюмую атмосферу, созданную членами Политбюро старшего поколения. Маргарет Тэтчер сказала после встречи с ним: "Мне нравится г-н Горбачев. С ним можно иметь дело". Тем не менее эксперты не торопятся объявить его "либералом". Тот, кто становится вершителем кремлевской политики в столь раннем возрасте, должен быть так же тверд, как булыжник Красной площади.

FINANCIAL TIMES

Европейская газета деловых кругов;
издается в Лондоне

Контраст между Черненко и Горбачевым не сводится к разнице в возрасте и состоянии здоровья. Травмы, нанесенные чистками и войной, обозначили водораздел между поколением, которое их пережило, и тем, которое пришло на смену. Возник разрыв, мешающий проведению реформ.

Избрание Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, несравненно более важный, чем кресло советского президента, едва ли решит эту проблему. Власть Горбачева будет все еще ограничена соседством с другими членами Политбюро, такими, например, как 79-летний премьер Тихонов, который не выказывает пока никакого желания уйти в отставку...

Для традиций Советского Союза взлет Горбачева был стремительным. То, что Горбачев вовсе не был частью старого режима, не жил при нем, с точки зрения Андропова было преимуществом; Горбачев не замедлил этим воспользоваться. Когда в 1983 г. здоровье Андропова ухудшилось, Горбачев осуществлял связь между ним и Политбюро. А то обстоятельство, что Брежнев продвинул вверх очень мало представителей молодого поколения, обеспечило

LE FIGARO

Париж. Старейшая французская газета
крайне правого направления

Андропов был выбран после 48-часовых прений и совещаний за кулисами, Черненко — через четыре дня. Михаил Горбачев взошел на опустевший престол менее чем через пять часов после смерти своего предшественника. Это говорит о том, что он был признан идеальным кандидатом. Сочетание молодости (по меркам Политбюро) и опыта. Во время поездки в Англию в декабре он продемонстрировал умение улыбаться и очаровывать западных людей. Судя по тому, как он быстро вскарабкался на вершину, он должен обладать и упорством, необходимым для того, чтобы выстоять в среде, где нельзя быть особо разборчивым в средствах.

Выходец из крестьянской среды, Горбачев после окончания университета сделал партийную карьеру в Ставрополе: в 1966 году — первый

Горбачеву отсутствие соперников среди своих ровесников.

Горбачев стал в Политбюро наиболее красноречивым защитником экономических реформ — и остается им. Он подчеркивает, что люди должны "чувствовать прямую связь между их трудом и его оплатой." Он указывает, что сельское хозяйство нуждается не только в капиталовложениях, но, главным образом, в реорганизации. Но она, эта реорганизация, неминуемо приведет к изменениям руководящего состава партии и министерств. Ведь здесь ключевые посты сплошь и рядом занимают те же самые люди, которые заняли их после конца хрущевской эры... Избрание Горбачева означает, что теперь он держит в руках вожжи, — но отсюда еще не следует, что завтра начнется смена старой гвардии на верхах.

Для этого потребуется время. Пока еще большой вопрос, поддержит ли большинство в Политбюро по-настоящему радикальные реформы. До сих пор Горбачев еще не имел возможности претворить свою риторику в реальность.

Но еще менее вероятно, что оправдаются надежды западных правительств на то, что внешняя политика при Горбачеве будет более умеренной, чем политика Черненко. Советская политика в мире в основном проводится и даже формулируется Андреем Громыко.

секретарь горкома, через четыре года — первый секретарь обкома. В 1978 г. он уже кандидат в члены Политбюро и так далее. Горбачев всегда умел найти себе наставника: сначала это был Суслов, благодаря которому 47-летний Горбачев, собственно, и был допущен в синклит небожителей; затем ему покровительствовал Андропов — кстати сказать, его земляк. Став главой государства, Андропов, как можно предполагать, привлек своего друга к затеваемым реформам. Как вдруг Андропов умер. Горбачеву пришлось посторониться — к освободившемуся креслу вели под руки престарелого Черненко.

Горбачев набрался терпения, готовя себя для будущего. В короткое правление Черненко он сохранил в своих руках контроль над кадрами на верхних этажах власти. К моменту смерти Черненко же успел, по-видимому, сколотить для себя повозку с исполнителями. Но это еще совсем не означает, что время геронтов миновало.

LIBERATION

Париж. Газета левых кругов

Не было никакой заминки: не успели попрощаться с покойным Черненко, как новый руководитель уже у власти, дела идут, машина работает... Немало неотложных задач стоит перед этим правительством; об удручающих результатах сельскохозяйственного года говорится вслух. Можно ожидать, что Горбачев, который

считается специалистом по этим вопросам, отметит нелепые проекты, например, план поворота сибирских рек, и выдвинет на первый план то, что ему кажется, по-видимому, более важным: привлечение колхозов к участию в агропромышленных комплексах, по болгарскому образцу. Ожидают также, что он откроет больше простора частной инициативе, — надо же как-то улучшить снабжение городов продовольствием...

DIE WELT

Бонн. Газета ультраконсервативного направления

И во времена царей любые перемены внутри Российской империи были трудным делом. Слишком велика инерция этой необозримой страны. Многие из того, что замышлялось и затевалось в столицах, и притом с самыми лучшими намерениями, глохло и терялось в далеких провинциях, словно река в песке, а подчас даже превращалось в свою противоположность. В сверхцентрализованном советском государстве и в советской партии с ее окаменелыми органами и организациями вся эта история не только повторяется, но и усугубляется. Сумеет ли Горбачев, питомец партийного идеолога и сталиниста Суслова, функционер-аппаратчик новейшей выделки, выдвинувшийся благодаря Андропову, сумеет ли он явить чудо и обновить систему, которая, по общему мнению, не поддается никакому обновлению? Без сомнения, он отдает себе отчет в том, какого характера задача стоит перед ним. Об этом он и сам сказал — в своем выступлении незадолго до кончины Черненко и сразу после нее. Разумеется, его первая речь, произнесенная с высоты нового поста, ничего ошарашивающего не содержала, — иначе и быть не могло.

Все же и в ней было сделано, по крайней мере, три важных акцента.

Во-первых, он заявил, что необходимо перестроить советскую экономику, а, значит, и осуществить определенные сдвиги в обществе.

Во-вторых, он настаивает на большей гибкости системы.

В-третьих, еще решительней, чем Андропов, он требует придать косной советской системе необходимую эффективность.

При всем том, однако, вряд ли нам стоит предаваться розовым мечтам в связи со сменой власти в Кремле. СССР был и остается малопривлекательным соседом для всех. Все же стоит отметить и некоторые положительные моменты: Горбачев — представитель поколения, не запачкавшего себя гнусным сталинизмом. На его руках нет крови. Не участвовал он и в войне. Может быть, он и не разделяет больше предрассудков, страхов, застарелой ненависти, всего того, чем живет и дышит по сей день старшее поколение. Если он сумеет воспользоваться своими преимуществами, сумеет физически и духовно пережить стариков в Политбюро, если ему удастся подыскать подходящих людей, способных вместе с ним решить неотложные проблемы, — кто знает, может быть, он и войдет в историю своей страны как преобразователь.

NEW YORK TIMES

Крупнейшая американская независимая газета либерального направления

Жены советских руководителей обычно фигуры неприметные. Пока вдова Юрия Андропова не появилась на его погребении в феврале 1984 г., никто даже не знал, существует ли она. Раиса Максимовна Горбачева, супруга нового советского лидера, — дама иного сорта.

Хотя биографические данные о ней — включая ее возраст — отсутствуют, ясно, что она отнюдь не только тень своего мужа.

“Степная Бо Дерек” (американская кинозвезда и секс-бомба. — *Ред.*) — так величает ее английская пресса, после того как госпожа Горбачева вместе с мужем посетила в декабре Великобританию. “Ответ социалистического реализма на принцессу Диану”.

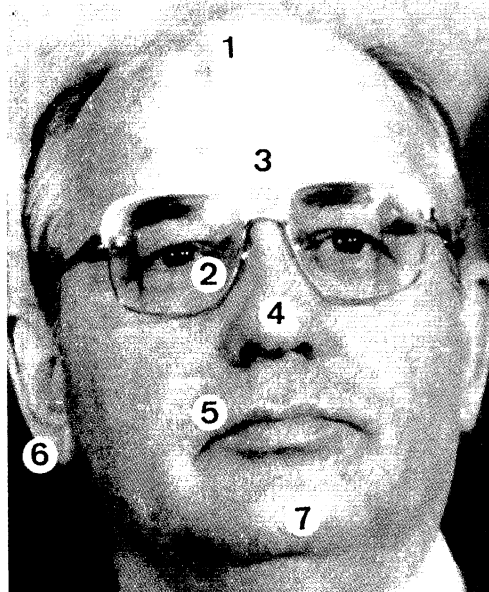
Г-жа Горбачева, которой, по-видимому, чуть больше пятидесяти, во время своего визита одевалась с шиком; на одном из вечерних приемов в советском посольстве она появилась в белом атласном платье и золотистых босоножках из змеиной кожи. Фотографы — единствен-

Раиса Горбачева делает покупки
в Лондоне

BILD

Немецкая бульварная газета

ные представители печати, допущенные к ней достаточно близко, чтобы можно было услышать ее голос, были настолько очарованы, что скинулись на букет, который преподнесли ей при отъезде.

Г-жа Горбачева окончила философский факультет Московского университета (alma mater ее мужа) и теперь преподает там марксизм-ленинизм. Она говорит кое-как по-английски и во время визита в Великобританию, как утверждают хозяева, проявила интерес к английской литературе. Она провела два часа в библиотеке в Чекерсе (загородная резиденция премьер-министра. — *Ред.*), пока ее муж беседовал с Маргарет Тэтчер. После того как чета Горбачевых посетила Вестминстерское аббатство, настоятель д-р Эдвард Карпетер заметил: "С этими людьми можно разговаривать целый день."

Те, кто видел ее, по большей части не могли ни поговорить с ней, ни понять, что она говорит. Впечатление произвел главным образом ее внешний вид. Ее модные туалеты, как заметил один обозреватель, в немалой степени поколебали убеждение англичан, будто русские женщины одеваются как водители грузовиков.

Специалистка по физиогномике, доктор психологии Гейдрун Брауэр высказывается о характере нового кремлевского руководителя. Что можно сказать, глядя на фотографию Горбачева? Многое. *Пункт первый:* высокий лоб с родимым пятном. Свидетельствует о развитом интеллекте и сильной воле, которая при необходимости не остановится перед насилием. *Пункт второй:* темные глаза, особый разрез глаз. У обладателя таких глаз должна быть память, как у слона. Обид он не забывает. *Пункт третий:* складки по бокам носа. Быстро соображает, реалист. *Пункт четвертый:* четко очерченные крылья носа. Шарм; любить покушать и выпить. *Пункт пятый:* тонкая верхняя губа. По приезду в Америку, на торжественном банкете будет флиртовать с Нэнси Рейган. Зато на переговорах с президентом будет холоден и непоколебим. *Пункт шестой:* большие уши. Признак выраженного инстинкта власти. Но может означать также чувствительность. *Пункт седьмой:* мягкий подбородок. Спокоен, уравновешен, не любит рисковать.

Таково авторитетное заключение д-ра Гейдрун Брауэр. А в общем-то, конечно, — кто их там в России разберет?

ДЕЛО ВЯЧЕСЛАВА БАХМИНА

22 февраля на улице г. Калинина был задержан бывший политзаключенный Вячеслав Бахмин. Арест произошел по хорошо разработанному и ставшему уже почти привычным сценарию. К Бахмину подошел пьяный (или притворявшийся пьяным) прохожий и с размаху ударил его по лицу. В ту же секунду из-за угла выехала милицйская машина. Несколько милиционеров схватили Бахмина, затолкали в машину и увезли. Через три дня Бахмину было официально предъявлено обвинение в "хулиганстве". У него взяли подписку о невыезде и до суда выпустили. Следствие ведет районная прокуратура.

Это уже четвертый арест, четвертое "уголовное дело" 38-летнего Вячеслава Бахмина. Впервые его арестовали в составе молодежной группы в 1969 г. и обвинили в "антисоветской пропаганде". Тогда, после нескольких месяцев пребывания в Лефортовской тюрьме КГБ, молодых людей "помиловали".

В 1977 г. Бахмин вместе с несколькими другими московскими правозащитниками создал Рабочую комиссию по расследованию использования психиатрии в политических целях. Заключение инакомыслящих в психиатрические больницы, использование психиатрии как средства политического террора — одна их самых позорных страниц в истории советской карательной системы. В 1977 г. на Конгрессе Всемирной психиатрической ассоциации в Гонолулу была принята резолюция, резко осуждающая Советский Союз и некоторые другие страны за такую преступную практику. В 1983 г., опасаясь исключения из ВПА, Советский Союз решил заблаговременно покинуть ее сам.

Рабочая комиссия поставила своей целью собирать и предавать гласности информацию о всех случаях использования психиатрии в карательных целях. В машинописном Бюллетене комиссии (всего вышло 24 номера) можно найти более или менее подробные данные о сотнях таких случаев. Иногда это подробный рассказ о происшедшем, иногда лишь перечень имен забытых узников психобольниц, о которых Комиссия хотела бы собрать с помощью читателей дополнительные сведения. Комиссия, впрочем, была не только, говоря словами поэта, "регистратором палачеств". Она старалась активно помочь жертвам карательной медицины. Можно с уверенностью сказать, что в ряде случаев обращения Комиссии к врачам-психиатрам спасли "пациентов" от принудительного лечения или даже ускорили их освобождение: помогла боязнь огласки.

Практически все члены Рабочей комиссии были репрессированы. Были арестованы Александр Подрабинек, Феликс Серебров, Леонард Терновский, Ирина Гривнина, при невыясненных обстоятельствах погибла в автомобильной катастрофе Ирина Каплун. Арестован врач-консультант Рабочей комиссии психиатр Анатолий Корягин — сейчас он проводит длительную голодовку в Чистопольской тюрьме, протестуя против бесчеловечного обращения администрации, и находится уже в критическом состоянии. Жизнь его в серьезной опасности. Другого врача-консультанта Александра Волошановича принудили к эмиграции.

В 1980 г. был арестован и Вячеслав Бахмин. Его обвинили в "распространении клеветнических измышлений" и приговорили к 3 годам лагерей. Перед самым концом срока его опять арестовали, прямо в лагере. По такому же обвинению ему добавили еще год. Свидетелями на суде выступали лагерники-уголовники.

Ни на первом, ни на втором суде Бахмин виновным себя не признал. Столь желанного "раскаяния" от него так и не добились. Теперь, очевидно, хотят сломить его новым сроком, превратив в обыкновенного "хулигана". ●

ВЫСТРЕЛЫ В РИГЕ

18 декабря 1984 г. в Риге выстрелом из винтовки была убита ученица 10 класса рижской школы № 41 Ивета Зутере. Пуля перебила сонную артерию. Когда прибыла скорая помощь, 16-летняя девочка уже скончалась от потери крови.

Смерть Иветы — лишь последний из ставших известными несчастных случаев, происходящих во время занятий по военному делу в школах Советского Союза. В старших классах военное дело занимает два часа в неделю. Стрельба боевыми патронами — часть учебной программы. Во многих школах оборудованы специальные стрельбища. На одном из них и была убита Ивета.

Убить Ивету могли не только на школьных занятиях — она могла погибнуть и во время "военно-спортивной игры". Эти "игры", в которые вовлечены почти все советские школьники, естественно, не миновали и Латвию. Лишь в прошлом году, по сообщению рижской "Учительской газеты" (на латышском языке), число воен-

но-спортивных лагерей для школьников увеличилось с 7 до 34.

Но всего этого, видимо, еще мало. Спираль милитаристской пропаганды разворачивается еще дальше, атмосфера осажденной крепости все более сгущается. 20 сентября 1984 г. командующий республиканскими военно-спортивными играми герой Советского Союза, генерал-майор в отставке Н. Грошев издал "приказ № 36". С удовлетворением отмечая успешное завершение ежегодных военно-спортивных игр "Зарница" и "Орленок", генерал-майор приказывает мальчишкам и девочкам:

"1. К 1 октября создать в средних школах, ремесленных училищах и техникумах взводы и батальоны юных солдат и избрать командиров.

2. Усилить меры по торжественному посвящению новобранцев в ряды "Орлят". Усилить подготовку юных солдат и установить календарь "Дней юных солдат", в которых должны принять участие все батальоны юных солдат.

3. К 15 октября всем городским и районным штабам рапортовать республиканскому штабу (Рига, ул. Судмала, 28, Министерство образования Латвийской ССР, Кабинет методов обучения, тел. 211430, 213216) о том, сколько создано батальонов юных солдат, и сколько в каждом из них отделений, взводов и солдат.

4. Систематически информировать республиканский штаб о выполнении намеченных задач военно-спортивных игр "Зарница" и "Орленок" и о сроках выполнения этих задач.

5. Развернуть широкую подготовку к празднованию 40-й годовщины Победы, проявлять заботу о ветеранах войны, инвалидах, семьях погибших на войне и солдатах, выполнявших свой интернациональный долг".

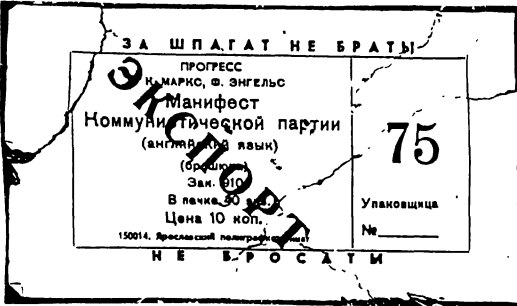
Последняя фраза особенно примечательна: в ней явственно слышны отзвуки грязной войны в Афганистане. ●

ДЛЯ ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕХ КОНТИНЕНТОВ

Бюллетень "Новые книги СССР" (№№ 51 и 52 за 1984 г.) сообщил, что будет издано в 1985 г. на иностранных языках.

Так как я живу в Дании, меня прежде всего заинтересовала московская книгопродукция на датском языке. Любопытно, что, по мнению ЦК КПСС, должно вызвать интерес в Дании. Одна из

намеченных к изданию книг называется "Следовать духу Хельсинки" (к 10-летию Хельсинкского совещания). В брошюре, надо полагать, будет рассказано о "миролюбивой политике советского государства", о его "мирных инициативах", "нерушимости границ в Европе" и т. д. Эта брошюра выйдет также по-английски, по-шведски и на многих других языках.

Поелику в Дании находятся люди, которые сомневаются в существовании религиозной свободы в СССР, то специально для них по-датски подготовлена книга В. Молчанова и К. Сегура "Моя вера свободна" (вряд ли книга под таким названием появится на "внутреннем рынке" порусски. Разве что речь будет идти о вере в Партию...). "В издании наглядно показывается, — сообщают "Новые книги", — что именно социалистическое государство гарантирует человеку подлинную свободу совести". А в капиталистической Дании, где, как известно, и церковь-то не отделена от государства, подлинной свободы совести, очевидно, нет. Правда, тут нет и процедуры обязательной регистрации религиозных общин, и баптистов в тюрьмы не сажают, и свидетели Иеговы из дома в дом ходят, предлагая "Башню стражи"...

К глубокому сожалению, я не обнаружил в списке книг на датском языке ни трудов Ленина, ни работ тт. Андропова и Черненко. Но не беда! В Дании есть издательства компартии, которые, надо надеяться, восполнят этот пробел.

Зато повезло тем, кто читает по-испански. По-испански выйдут целых пять брошюр Ленина — в том числе "Ленин об американском империализме" — плюс тома Полного собрания сочинений Ленина с 27-го по 34-й (всего запланировано издать по-испански 55 томов). Помимо самого Ленина — масса брошюр и книг о нем. В плане издательства — десятки названий, каждое тиражом

20–30 тысяч экземпляров. Вся эта литература рассчитана, конечно, не столько на испанских еврокоммунистов, сколько на Латинскую Америку.

Только на испанском языке выйдут, в числе других, книга советского тюрьмоведца Н. Стручкова "Воспитание осужденного: закон, теория, практика". Возможно, СССР хочет поделиться своим опытом "перевоспитания" заключенных голодом и холодом с такими странами, как Куба, Никарагуа (а может быть, и Чили?).

Для бывших португальских колоний Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау будут изданы очень важные книги: "Аграрная экономика: путь к социализму", "Создание индустриальной базы социализма", "Первые шаги к социализму", "Органы государственного управления в переходный период". Пусть учатся и строят.

Афганцам предлагаются, конечно, брошюры о Ленине, а также книги "Основы политических знаний" и "Правда и вымысел о коллективизации в СССР", — отсюда нетрудно сделать вывод, что полная коллективизация в Афганистане не за горами.

Не забывает советское руководство и западных сторонников мира. На английском, французском и немецком языках выйдут книжки Ю. Жукова "Советское движение за мир" и некоего австралийца У. Брауна "Хотят ли русские войны?" (войны, как известно, хотят заправили Пентагона и западногерманские реваншисты).

Много литературы (на амхарском языке) будет ввезено в Эфиопию. Брошюра тиражом 25 тысяч экземпляров "Ленин о методах хозяйственного строительства и дисциплине труда" поможет укреплению трудовой дисциплины в голодающей социалистической Эфиопии. Другие брошюры предназначены для эфиопского партактива: "Бытие определяет сознание", "Социалистическая ориентация — форма перехода к социализму" и т. д.

В то время как жители Западной Европы собирают деньги для спасения голодающих, в Кремле думают больше о духовной пище для жителей Эфиопии. Оно, конечно, бытие определяет сознание, но и идея, овладевшая массами, может, как известно, стать материальной силой.

Б. Вайль

НОВОСТРОЙКИ ПЯТИДЕСЯТИ

В октябре 1984 года советская печать торжественно объявила о завершении строительства БАМа, Байкало-Амурской магистрали. На протяжении многих лет ее называли не иначе как Стройкой века, величайшим триумфом страны победившего социализма. Судя по всему, БАМ был призван стать чем-то вроде гигантской выставки достижений Советского Союза — его индустрии, системы управления, практики использования природных богатств, умения решать сложнейшие проблемы экологии, наконец, его политики.

Несомненно, БАМ интересен не только и даже не столько сам по себе, сколько в качестве модели современной советской действительности, притом в ее лучшем, образцово-показательном исполнении. Статьи, публикуемые ниже, посвящены анализу уроков великой стройки.

Лев ЮДОВИЧ (ФРГ)

ПОЕЗД ИДЕТ НА ВОСТОК

На церемонию окончания строительства дороги в столицу БАМа Тынду прибыла партийно-правительственная делегация во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК В.И.Долгих и зав.отделом строительства ЦК И.Н.Дмитриевым. Предполагалось, что символом завершения стройки станет последний, "серебряный" костыль. Однако от традиционного, но неблагозвучного "костыля" позднее отказались, заменив его то ли серебряным, то ли золотым звеном.

В своей речи В. Долгих сказал: "По размаху строительства, введенным в действие людским и материальным ресурсам, сложности технических проблем сооружение Байкало-Амурской магистрали является делом уникальным, не знающим аналогов в мировой практике".

Событие обсуждалось на заседании Политбюро ЦК КПСС. Политбюро отметило, что "завершение строительства главного железнодорожного пути и открытие рабочего движения поездов на всем протяжении БАМа имеет огромное политическое и народнохозяйственное значение".

На БАМе действительно выполнен большой объем строительного-монтажных работ. Проложено более 5 тысяч км железнодорожных путей (длина самой дороги — около 3200 км). В земельное полотно насыпано свыше 570 миллионов кубометров грунта, сооружено 4200 мостов, тоннелей и иных объектов. Построено два города (Тында и Се-

веробайкальск) и множество станционных поселков. Работы велись в трудных погодных условиях, зимой морозы доходили до 50–55°C.

Прямых сведений о стоимости строительства нет. Известно, однако, что бюджет Министерства транспортного строительства (в планах которого БАМ был главным объектом) составлял в 1984 г. колоссальную величину — около 5 миллиардов рублей. Если учесть, что в сооружении дороги участвовало примерно 2 тысячи предприятий и организаций, а само строительство длилось никак не менее десяти лет, то сумма получится впечатляющая — десятки миллиардов рублей.

Согласно официальной версии, строительство БАМа преследовало исключительно экономические цели: ускорить освоение северных районов Сибири и Дальнего Востока, ввести в оборот новые залежи полезных ископаемых, разгрузить Транссибирскую магистраль, которая не справлялась с возрастающим объемом перевозок.

Однако истинные мотивы строительства выглядят несколько иначе. Советское руководство всегда уделяло повышенное внимание Дальнему Востоку, рассматривая его, с одной стороны, как плацдарм для наступательных действий в Азии, с другой — как крайне уязвимый район страны. В Военно-энциклопедическом словаре (1983 г.) эта мысль выражена достаточно четко. Согласно словарю, Дальний Восток — "один из величайших стратегических районов мира, значение которого обусловлено наличием огромных людских ресурсов, высокоразвитой промышленностью (Япония), большими запасами полезных ископаемых, выгодным географическим положением, наличием многочисленных незамерзающих портов, военно-морских и военно-воздушных баз, позволяющих контролировать международные морские и воздушные коммуникации".

Географически Дальний Восток — регион площадью в 9 миллионов кв. км, на котором сейчас живут около 800 миллионов человек и расположены Япония, Филиппины, Корея и восточная часть Китая. Советскому Союзу в этом регионе принадлежит территория площадью в 3,1 миллиона кв. км. Слабо связанный с центральной частью страны, этот район имел очаговую инфраструктуру и слабозащищенные границы огромной протяженности. Единственной коммуникационной линией была до последнего времени Транссибирская магистраль, значительные участки которой проходят в непосредственной близости от границы с Китаем.

В годы Второй мировой войны это соседство не представляло особой опасности; сама же дорога — построенная в 1891–1904 гг. одноклейка, "модернизированная" в 1932–1939 гг. (строительство вторых путей на участке Иркутск–Владивосток) — сыграла в годы войны огромную роль. По меньшей мере дважды — под Москвой и Сталинградом — переброшенные по этой дороге сибирские дивизии определили успех сражения.

В 60-е годы ситуация изменилась. Резкое ухудшение отношений с Китаем поставило под прямую угрозу эту прежде безопасную магистраль. Понимая, что в прямом противоборстве с Советским Союзом у Китая почти нет шансов, китайские военные руководители сформулировали доктрину партизанской войны. Планировалось создать партизанскую армию из диверсантов-саботажников. Такая армия, составленная из групп по пять-шесть человек, должна была насчитывать миллионы людей. В ее задачу входило проникновение на территорию врага, уничтожение его военных и промышленных объектов (заводов, электростанций, линий связи), но главное — разрушение полотна, мостов и тоннелей Транссибирской магистрали.

Тогда-то, во второй половине 60-х годов, и возникла мысль о строительстве второй, тоже "сугубо мирной" дороги, проходящей гораздо севернее, подальше от границ с Китаем. Трудность тут была одна, но значительная — отсутствие средств. Конечно, не денег (их можно было напечатать) и не людей (их можно было найти), а техники. Своим техническим средствам советские руководители не слишком доверяли, для покупки оборудования за границей нужна была валюта, которой не было.

Одно время казалось, что выход нашли: СССР предложил США и Японии — в рамках детанта — остроумную сделку. Обе страны предоставляют кредит на строительство дороги, а Советский Союз расплачивается с ними поставками сырья из месторождений, которые в дальнейшем будут освоены.

Остроумие идеи состояло не только в том, что помощь в строительстве дороги неизбежно рассорила бы эти страны с Китаем. Еще важнее, что дорога приобрела бы особое стратегическое значение как раз в случае войны с Японией и Соединенными Штатами. Иначе говоря, этим странам предлагалось кредитовать покупку той самой веревки, о которой в свое время говорил В. И. Ленин.

В последний момент сделка сорвалась¹. Тогдашний советский вождь Л. Брежнев прореагировал на это кисло: мол, не вышло и не надо, не очень и хотелось.

Но хотелось очень — по крайней мере, военным руководителям. И уже в 60-е годы на трассе начались изыскания. В конце 1971 года было создано управление строительством — Бамстройпуть. Именно с этого времени, а отнюдь не с июля 1974 г., когда ЦК КПСС и Совет Министров СССР задним числом приняли соответствующее постановление, и следует вести счет началу строительства.

Официально стройка была объявлена комсомольско-молодежной. В действительности основную массу строителей составляли: а) путейцы-профессионалы; б) военно-строительные отряды; в) заключенные; г) "химики" (т. е. условно освобожденные из лагерей и условно осужденные); д) иностранные рабочие (северокорейцы или вьетнамцы), "одолженные" Советскому Союзу.

В советских военных кругах особое значение придавалось восточному участку — от Тынды до Комсомольска-на-Амуре. Именно здесь были сосредоточены военно-строительные части. Работая в условиях сибирской зимы, солдаты жили в палатках и временных городках.

Никто не знает, во сколько человеческих жизней обошелся БАМ. Известно, однако, что сотни обмороженных доставлялись в госпитали на вертолетах. Известно также, что в частях, строящих БАМ, вспыхивали многочисленные эпидемии. Но все это не имело значения: человеческий фактор в расчет не принимался. Задача состояла в том, чтобы досрочно завершить прокладку основного пути.

Хотя некоторые участки магистрали прокладывались по трассе, освоенной еще в 1940 г., все фактически приходилось делать заново. К примеру, построенный тогда Дуссе-Альцинский тоннель был забит льдом, вырубать его пришлось вручную.

Войска на трассу забрасывались по системе десантов. Как объяснил позднее командующий железнодорожными войсками генерал-полковник М. Макарецев, эта практика была обусловлена не экономическими или хозяйственными соображениями, а тем, что военное руководство не имело право допустить снижения боевой готовности войск.

Разумеется, попутно с основными, военно-стратегическими задачами предполагалось решить и гражданские: освоение новых месторождений полезных ископаемых, создание промышленных предприятий, строительство городов и поселков. Но все эти задачи были столь явно подчинены главной, что решались постольку-поскольку, без особого рвения. В результате как раз работы гражданского комплекса оказались практически невыполненными.

Председатель Научного совета Академии Наук СССР по проблемам БАМа академик А. Аганбегян выразил эту мысль достаточно откровенно: "Стыковка рельсов всей магистрали не означает окончания строительства... впереди еще треть строительно-монтажных работ, которые должны обеспечить достижение конечной цели: постоянный ввод в эксплуатацию всей магистрали с ее многочисленными мостами и тоннелями, вспомогательными службами и предприятиями."

¹ Об этом подробно писал журнал "Континент", № 36, 1983.

Начальник Байкало-Амурской железной дороги В. Горбунов был еще более определен: "в постоянной эксплуатации находится *менее половины* магистрали, с учетом так называемого малого БАМа — меридиональной линии от Транссиба на юг Якутии. На остальных километрах осуществляется временное и рабочее движение поездов".

При проектировании магистрали планировалось прежде всего обеспечить ускоренное развитие топливно-энергетической базы и создание одиннадцати территориально-производственных комплексов. Большинство этих заданий не выполнено. Это относится к производственной и социально-бытовой подготовке территории, созданию ремонтных предприятий, объектов энергетики и энергосетей, строительной индустрии, стройматериалов и т.д. На трассе длиной более 3 тыс. км нет ни локомотивных, ни вагонных депо, нет и специально проектировавшегося для БАМа тепловоза. Наконец, вовсе не решена проблема снабжения населения всей этой обширной зоны продуктами питания.

В перспективных планах предполагалось привязать БАМ к Нерюнгринским и Ургальским угольным бассейнам, комплексному минеральному сырью Кадаро-Удоканского горного района и ряду других месторождений полезных ископаемых Дальнего Востока. В этой связи ожидали, что сразу после окончания строительства магистраль позволит получить реальную отдачу. И хотя БАМ уже сейчас используется для перевозки угля, леса и стройматериалов, отдача настолько незначительна, что в управлении дороги о ней предпочитают не говорить, поскольку "измерить какой-то конкретной цифрой отдачу всей дороги затруднительно". Затраты же на строительство дороги, как мы уже отмечали, составляют десятки миллиардов рублей.

Добыча угля на месторождении Нерюнгри

Планы хозяйственного освоения зоны БАМа и пуска магистрали в постоянную эксплуатацию ныне решено перенести на конец XII пятилетки, а освоение месторождений — и вовсе на последние годы века. Таковы "исторические достижения" Стройки века.

В последние годы обстановка на границе с Китаем стабилизировалась. Но это вовсе не значит, что БАМ утратил стратегическое значение. В работе "Военная стратегия" маршал Советского Союза В. Соколовский подчеркивает, что в условиях современной войны подготовка театров военных действий по-прежнему сохраняет свое значение. Эта подготовка, пишет он, "включает в себя обширный круг мероприятий, осуществляемых частью самими вооруженными силами и частью гражданскими министерствами и ведомствами в рамках общих государственных планов".

Сооружение Байкало-Амурской магистрали — наглядная иллюстрация того, как эти военно-стратегические концепции осуществляются на практике. Прокладка дороги позволила создать новый, четко очерчиваемый плацдарм на случай войны как с Китаем и Японией, так и с Соединенными Штатами. Советские дивизии, размещенные на границе с КНР, приобрели столь необходимый им тыл глубиной 400—600 км. И хотя инфраструктура этого района почти не развита (на это потребуется еще лет десять-пятнадцать), дорога заметно увеличила советский стратегический потенциал. В этом и состоит основное *политическое* значение БАМа, отмеченное Политбюро ЦК КПСС. ●

Рубен БАХТАМОВ (Багдад)

БАМ, ИЛИ МАКЕТ РЖАВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Приезжай ко мне на БАМ...

Фольклор

Глава первая

Сквозь сон. Нечто о сибирских ландшафтах

В детстве меня преследовал этот сон. Зеленые холмы на белом снегу, сверкающая на солнце колея и два поезда, несущиеся навстречу друг другу.

С невысокой, заросшей лесом сопки отчетливо видно ледяное ложе реки. Стиснутая камнем, Лена выписывает огромные петли: налево, направо, снова налево. Все вокруг в снегу, и на этом фоне отчетливо выделяются черная насыпь и сверкающая на солнце стальная колея. Вслед за рекой она заламывает крутой поворот и скрывается где-то там, за сопками. Машинально ищущими глазами вторую, парную колею.

— А где же вторая?

— Второй нет, — отвечает кто-то рядом. — Разве вы не знаете, что БАМ — одноколька?

Неловко. Собираясь в командировку на БАМ, я постарался прочесть все, что на эту тему написано. В общем все материалы сходились на том, что стройка и в самом деле необыкновенная: самая передовая техника, сетевой график, научная организация труда. Даже с учетом скидки на парадность картина получалась впечатляющая. А, собственно, что тут странного? В 70-е годы XX столетия не так уж трудно организовать одну образцово-показательную стройку. Особенно убеждали восторженные репортажи западных журналистов — уж им-то врать незачем. И писали они как раз отсюда, из Усть-Кута, столицы Западного БАМа.

Вспоминались, впрочем, и кое-какие мелочи, которые не совсем укладывались в общую схему. Например, "Правда" упомянула о том, что управление сибирской стройки почему-то расположено в центре Москвы, а связь — телефоны и радиотелефоны — не

работает. Промелькнуло и сообщение, что со снабжением не все в порядке: то пусто (и тогда бригады простаивают), то густо (и тогда люди работают и днем, и ночью). Или о том, что комсомольцы живут в палатках и плохо отапливаемых вагончиках, так что утром у девушек волосы примерзают к подушке. А в баню приходится ездить автобусом за 20 километров, автобусы же ходят редко. И вот еще уборные – от барачков к ним надо карабкаться в гору; темно, фонарей нет, и скользко вокруг и внутри, как на катке. Конечно, все это мелочи; может, оно даже и к лучшему – будет что вспомнить в старости. В основном же, главном, строительство ведется образцово: самая современная техника, сетевой график, научная организация труда.

И вдруг – однокорейка. Понятно, разъезды, автоматика, телемеханика. Однако понятно и то, что никакая техника не заменит обыкновенной второй колее. Значит, дорога с самого начала рождается однокорейкой, ее пропускная способность ограничена.

Позднее я обнаружил, что на готовых участках пути пробные поезда (тепловоз с одним-двумя вагонами) движутся со скоростью 5–10 километров в час и вести их разрешается только машинистам-испытателям. И на всем протяжении трассы расставлены ремонтные бригады, чтобы тут же восстанавливать осевшие участки.

За время, что я был на БАМе, таких неожиданных открытий набралось много. Но особенно поразило меня одно. Как-то в кругу местных инженеров зашла речь о предшественнице БАМа, Транссибирской магистрали. В 80-х годах прошлого века, когда намечалась трасса, было предложено два варианта: северный, очень близкий к нынешнему БАМу, и южный, Иркутск–Владивосток. У каждого варианта были, естественно, свои плюсы и минусы. Решило простое соображение: вечная мерзлота. При прокладке пути на севере некоторые участки должны были пересечь зону вечной мерзлоты, а мировая железнодорожная практика того времени не могла исчерпывающе ответить на вопрос, как поведет себя мерзлота в условиях интенсивного движения большегрузных поездов. Понятно, ни интенсивного движения, ни тяжелых поездов в те годы не было. Но дорога проектировалась с расчетом на будущее, на освоение всего этого огромного края.

С тех пор многое изменилось, и, конечно, думаю я, в мире накоплен достаточный опыт строительства и эксплуатации путей, проложенных по вечной мерзлоте. Хочу припомнить: где же? На Аляске таких дорог как будто не строили. В Гренландии? Тоже нет. У нас?.. В конце 30-х годов было открыто движение на участках БАМ–Тышдинская и Известковая–Ургал. Но движение было слабое, и в 1942 году пути демонтировали и передали на строительство военной дороги Саратов–Сталинград... Нет, не могу вспомнить.

– А тут и вспоминать нечего, – пожимает плечами инженер К., начальник одного из управлений, или, как тут говорят, СМП, строительно-монтажных поездов. – Данными об эксплуатации дорог в подобных условиях мировая практика не располагает.

– Но как же...

– Бог даст, пронесет.

– А если не пронесет?

– Тогда дорога просядет, провалится. Есть несколько опасных участков по многу десятков километров. Видели, как водят поезда машинисты-испытатели?

Видел, даже сам ездил в тепловозе. Это ведь только говорится, что поезда ведут машинисты-испытатели (стаж – двадцать лет и больше). На самом деле – подумаешь, сложность: локомотив с парой вагонов ведет помощник, а машинист, высунувшись из

окна по пояс, следит за полотном. Увидеть сверху, что полотно осело, и вовремя остановить поезд — для этого, действительно, нужен класс.

— Так он же еле тащится, пять километров в час, — возразил я машинисту.

— Не, — покачал он головой. — Пять — никаких нервов не хватит. Ездим десять, а то и пятнадцать, у кого нервы послабже.

— Это что, из-за мерзлоты?

— Какая там мерзлота, — махнул рукой машинист. — Просто так клали.

Тут тоже своя история. Когда дорогу проектировали, об организации снабжения строительства материалами как-то не подумали. То ли рассчитывали на реки, то ли не предвидели, что из-за спешки работы будут вестись сразу на многих участках. Ну, в Усть-Кут завезти материалы нетрудно, он связан железной дорогой с Тайшетом, в Совгавань можно доставить груз морем. А между ними?

Рек тут много, но текут они не как надо бы — с запада на восток, а с юга на север. Попробовали вертолетами — невероятно дорого. Когда инженер К. предложил на год отсрочить прокладку путей и начать с параллельной автомобильной дороги, его просто сняли с работы. Потом, правда, восстановили (заступился обком) и даже дорогу проложили. Но все это было потом. А на первом этапе осуществлялась гениальная идея: класть рельсы сначала вчерне, на живую нитку, только для подвоза материалов, а уже затем строить дорогу набело.

Не учли при этом одного — психологии. Люди, в массе своей и без того не очень опытные, быстро овладели искусством строить плохо. Платили им щедро, денег тогда хватало. Позже от тех же людей потребовали, чтобы за меньшую плату (средства, отпущенные на прокладку пути, уже съели) они работали хорошо. Представьте себя на их месте.

О сроках окончания строительства всегда говорилось глухо. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР речь шла о десяти годах. Но с какого времени вести счет? Видимо, с конца 1971 года, когда было организовано управление Бамстройпуть. Вначале лозунги и были приурочены к концу 1981 года. Затем фигурировали восемьдесят второй, восемьдесят третий. Это, разумеется, не помешало завершить стройку досрочно — в конце октября 1984 года...

Глава вторая

Предшественники. Даешь пути досрочные!

О предшественнике БАМа, а фактически — первом БАМе, Великом Сибирском пути (название "Транссибирская магистраль" появилось позднее) известно немногое. Проектировала его небольшая группа специалистов — в их числе Николай Георгиевич Гарин-Михайловский, не только теоретик народничества и известный писатель, но и талантливый инженер-путеец. И хотя Николай Георгиевич потом участвовал и в самом строительстве, не стоит искать у него романов о первом БАМе. Автор "Детства Темы" почему-то прошел в своей литературной деятельности мимо этого события. А ведь по тем временам это было действительно уникальное сооружение. Нужно было не только уложить тысячи километров пути, но и построить множество сложнейших объектов: мосты, тоннели, виадуки...

Ни грузовых машин, мощных кранов, бульдозеров и путеукладчиков, ни специализированных управлений и военно-строительных отрядов не было, стройка не объявлялась всенародной комсомольско-молодежной, каторжники и ссыльные (хотя их в Сиби-

ри хватало) на ней не работали. Строительство вели преимущественно частные подрядчики, грунт и гравий возили на лошадях, шпалы и рельсы укладывали вручную.

Работа длилась с 1891 по 1904 год — 13 лет, то есть ровно столько же, сколько строился БАМ. И сработана дорога была на славу: уже в 30-е годы поезда ходили по ней со скоростью ста и более километров. В Советском Союзе и сейчас немного дорог, по которым поезда могут ходить так быстро.

Конечно, нынешний БАМ строился севернее, в более трудных природно-климатических условиях. Но надо сделать и обратную поправку — на время. Восемьдесят лет по нынешним темпам жизни — целая эра. Так что по длительности обе стройки сравнимы. А вот по производительности труда (той самой, которая есть "самое важное, самое главное для победы нового общественного строя") — нет. На БАМе — в дополнение ко всем путеукладчикам, бульдозерам, машинам — работало не менее 150 тысяч человек, подобные масштабы строителям Транссибирской магистрали и не снились...

И еще одно важное обстоятельство. Магистраль проектировалась с учетом будущего. В частности, путь прокладывался так, чтобы рядом с первой колеей легко было, как только возникнет потребность, уложить вторую.

Если об истории первого БАМа известно немного, то об истории второго — вообще ничего. В советской печати, насколько я знаю, он вообще не упоминается. Так сказать, если оно было, как оно было, то его вроде как бы и не было. А между тем речь идет о грандиозном сооружении, которое официально именно так и называлось: БАМ, Байкало-Амурская магистраль, или Вторые пути. Оба названия оправданы: дорога должна была связать Иркутск с Владивостоком второй колеей.

Потребность во вторых путях ясно обозначилась в начале 30-х годов. Не потому, что вырос объем грузов: с гражданскими перевозками магистраль справлялась. Но на востоке нарастала угроза войны с Японией, на западе маячила зловещая тень Гитлера.

Однако была и вторая причина — не менее веская. Близился к завершению Беломорско-Балтийский канал, первый крупномасштабный эксперимент по использованию на производстве труда заключенных. Сотням тысяч людей, и тем, что работали на канале, и новым, уже арестованным или запланированным для ареста, — нужно было найти дело. И его нашли: все пространство между Байкалом и Тихим океаном покрылось сетью лагерей, объединенных в гигантское управление БАМлаг.

Самое яркое впечатление моего детства — толпа народа на площади, кумачевые полотнощица и три тела с серыми, густо изрытыми оспой лицами. "Сегодня мы хороним..." Хоронили подрывников. Несколько зарядов динамита, заложенных в шпурсы, не взорвались — работа замерла. Не знаю, был ли приказ или эти люди добровольно вызвались исправить положение и подорвались, но точно знаю, что они не были заключенными: к динамиту заключенных не подпускали.

Здесь, на станции Ксеновская (ныне — Ксеновка) размещалось управление ЛО-3, Третьего лагерного отделения. По мере того как стройка сдвигалась на восток, переезжали и отделения. Одно время мы жили в городе Свободном (как еще может называться столица БАМлага?), потом отделение перебросили еще восточнее — на станцию Вяземская, в трех километрах от китайской границы. Тем, кому не ясны истинные причины строительства БАМ-3, стоило бы побывать на этой станции.

Не знаю, из скольких "единиц" состояло отделение. Видимо, из многих. Помню, что одни из них (с режимом полегче) назывались колониями, другие — лагпунктами. Времена (как сказала, кажется, Ахматова) были вегетарианские. Колонию окружало невысокое проволочное ограждение, заключенные ходили на работу в сопровождении

двух стариков с берданками, это называлось самоохраной. Колонна шла медленно, можно было выскочить из нее и забежать в магазин за махоркой и спичками, сонные старики ругались и цокали затворами больше для порядка.

Впрочем, тут же, на холме, размещался настоящий Лагерь (его так и называли: Лагерь). Три высоченных ряда колючей проволоки, на каждом углу по две вышки. На работу оттуда водили редко. С наступлением темноты Лагерь заливали мертвенно-желтые лучи прожекторов; чтобы выйти из барака на opravку (систему запираемых на ночь барачков и параш придумали, видно, позднее), надо было получить разрешение "попки". По вечерам мы слышали переключку: заключенные просили разрешения опраться, попки ругались.

Никто толком не знал, кто сидит в Лагере и за что. Политические? Но политических было сколько угодно на лагпунктах и даже в колониях. Говорили, что в Лагере сидели 25-летники. Не берусь судить: по кодексу максимальный срок заключения был 10 лет.

Но я отвлекся. Признаюсь с некоторой робостью, что, по-моему, заключенные в колониях жили примерно в тех же условиях, что комсомольцы на БАМе 70-х годов. Даже в клубе крутили по вечерам старые ленты. Только артисты из Москвы не приезжали. Правда, и особой надобности в этом не было: в лагерных агитбригадах было немало своих артистов из той же Москвы. Смутно помню отрывки песен, которые они пели.

**Третье отделение боевое,
И начальником Курилов наш.
Получивши знамя от райкома,
С гордостью путейцам передашь!**

или:

**Даешь пути досрочные,
Даешь бетон!**

Начальником БАМлага был Нафтали Френкель — человек, имя которого стало всемирно известным благодаря А. И. Солженицыну. Это действительно был необыкновенный человек. Мы, мальчишки, с энтузиазмом бегали смотреть на поезд "самого" Френкеля. Этот поезд — несколько классных вагонов с платформой впереди — ходил без расписания и мог неожиданно вынырнуть в любом месте. Никому не доверяя — ни заключенным, ни сыльным, ни охране, — Френкель метался из одного конца дороги в другой, рассыпая своим негромким голосом угрозы и приказания. Его боялись как огня; может быть, именно потому, что, обладая властью египетских фараонов, он никогда не повышал голоса.

Вечерами у нас собиралась компания инженеров из "бывших" (не дворян, понятно, а заключенных). О чем бы ни толковали, разговор непременно упирался в Френкеля. Любить его было не за что, но инженеры (а были среди них путейцы с мировыми именами), соглашались, что дело Френкель понимает. Бывший коммерсант, считавший себя агрономом, он хорошо знал и технику железнодорожного строительства, и каждый участок пути. Наверно, он не поверил бы, если бы ему сказали, что через сорок лет руководить подобным строительством будут из Москвы...

Всезнающая статистика не сохраняла данных о том, сколько людей нашли свой конец здесь, на БАМ-2. В бараках было тепло, но в той же Ксеновской температура минус пятьдесят считалась заурядной. Правила разрешали не выводить заключенных на работу при температуре ниже 40° с ветром. Но сильные ветры в тех краях редкость: зажженная спичка догорает до конца. А главное, дорога не могла ждать, за ходом строительства наблюдал товарищ Сталин.

Не берусь судить, был ли БАМ-2 закончен досрочно, — планы его строительства никогда не рекламировались. Но начатый в 1932 году, он в 1939-м (за семь лет) вошел в строй и, может быть, определил исход войны. Второй путь позволил дать зеленую улицу поездам с сибирскими дивизиями. По крайней мере дважды они спасли советскую армию от разгрома.

Нет, лучше все-таки не сравнивать. Советский хозяйственный механизм в 70–80 годы настолько разболтался и проржавел, что даже техника "на уровне лучших мировых стандартов" (западногерманские "Магирусы", японские краны, американские бульдозеры) ничего не могла изменить. И по организации труда, и по темпам строительства, и особенно по качеству Стройка века уступает и XIX столетию, и 30-м годам двадцатого. Будущих социологов, несомненно, заинтересует этот феномен: свободный труд, несравнимый по производительности и качеству с трудом заключенных, то есть рабов. Впрочем, и такое, кажется, уже было — в Римской империи времен упадка.

Глава третья

Как важно вовремя поставить точку

В самом деле, очень важно. Поставили бы ее сразу после серебряного костыля (то бишь "серебряного звена"), и все было бы в порядке. Так и остался бы БАМ в памяти благодарных поколений единственным и неповторимым, Стройкой века, детищем социализма, триумфом, зримым воплощением и всем прочим, ибо тираж советских газет — миллионы.

Беда (может быть, главная беда) советской власти в том, что она не умеет остановиться. Построить нечто, выдуть в фанфары звуки мажорного трезвучия — и на этом закончить. Нет, она норовит еще и пустить сооружение в ход, начать эксплуатировать. Естественно, обнаруживается, что сооружение (дом, завод, дорога) для этой цели мало приспособлено — так ведь не для того оно и строилось. Возникает некоторое недоумение, легкий шум. Даже привыкшие ко всему советские газеты начинают задавать наивные вопросы: с чего бы это? как же так? почему? Понятно, не всерьез, ибо если всерьез, то всем все давно ясно. И тем не менее из осторожных вопросов и еще более осторожных ответов узнаются интереснейшие вещи. Все-таки фанфары отдудели: теперь можно что-то сказать и по существу. И так...

Дорога построена, но... "В постоянной эксплуатации находится менее половины магистрали. На остальной части пока осуществляется временное и рабочее движение поездов ("рабочее" — значит, для нужд самой дороги. — Р.Б.) ... В 1985 году перед бамовцами поставлена новая задача. Предстоит ввести в постоянную эксплуатацию 278,8 километра главного пути на участке Дельбичинда—Нижнеангарск-1 и Ларба—Усть-Нюкжа. Кроме того, воины-железнодорожники (!) на восточном плече магистрали сдадут участок протяженностью 325 километров... Пятилетним планом предусмотрено сдать в постоянную эксплуатацию отрезок пути Тында—Усть-Нюкжа. Это 337 километров. Все-го же к концу года будет введено в постоянную эксплуатацию 1643 километра пути — это на сотню километров больше половины протяженности БАМа...

Другая цель бамовцев — электрификация дороги... Ныне нужно установить больше шести тысяч опор, смонтировать 565 километров развернутой длины контактной сети, построить тяговые подстанции и смонтировать там оборудование...

Как известно, строители БАМа встретили очень много препятствий при проходке тоннелей, особенно самого протяженного из них — Северо-Муйского. Сейчас, несмотря

на сложные горно-геологические условия, работа тут продолжается. А по Кодарскому тоннелю уже в нынешнем году намечаем открыть движение. Продолжим и обустройство дороги. Нужно возвести вокзалы, локомотивные и вагонные депо, объекты вспомогательного хозяйства...

Словом, на БАМе, как и раньше, горячая пора. Люди и техника работают с полной нагрузкой. Дел впереди очень много..." (*Правда*, 21 февраля 1985 г.)

Обратите внимание на дату. Статья написана не *до*, а *после* окончания дороги, она так и называется: "БАМ: после стыковки". Отметим, что в уже упоминавшемся постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР было сказано, что второй путь к океану должен отвечать "самым высоким технико-экономическим требованиям". А тут, оказывается, нет ни вокзалов, ни депо. "Что же касается принципиальных, основополагающих изменений в проекте, от которых зависит полнокровная, высокоэффективная деятельность дороги, то их, к сожалению, до сих пор нет". (*Известия*, 17 августа 1984 г.)

Другие объекты. "Некоторые жилые дома, производственные помещения деформируются, приходится даже иногда эвакуировать людей. Строители ругают железнодорожников, что они, мол, не умеют по-хозяйски беречь добро. Железнодорожники в свою очередь, критикуют строителей за низкое качество работ. Те и другие вместе поносят проектировщиков". (*Известия*, 17 августа 1984 г.)

"Бамовские города, если называть вещи своими именами, рождаются крепко хромыми, с неразвитой социальной инфраструктурой... Невесть чем руководствуясь, проектанты решили усугубить суровые природно-климатические условия БАМа неудобными, пятиугольными квартирами без балконов, именуемыми в просторечии "удавами". (*Известия*, 19 октября 1984 г.)

Но хоть бы этих квартир хватало. Увы. "...В очередь на благоустроенную квартиру вас поставят в пятой тысяче семей. Если есть дети ясельно-садикового возраста, вы будете 2600-м. Количество школьных мест находится в явном несоответствии с числом школьников..."

Снабжение продуктами. Небольшая сценка, которую я наблюдал. Зашел в магазин в Усть-Куте, стою у прилавка. Чувствую, за спиной начинается движение. "Гражданин, вы стоите?" — "Нет", — машинально отвечаю я. И тут в глубине, за прилавком появляется объявление. "Колбаса.....ая". Пробую угадать, подставляя знакомые названия: отдельная... чайная... вареная... копченая... Неужто... язык не поворачивается — краковская?! Да нет, куда там. Наконец прочел: мороженая.

С трудом выбираюсь из очереди, выхожу на крыльцо. Картина как на иллюстрациях к известной детской книжке: "Бим-бом, бим-бом, загорелся кошкн дом". Вся огромная площадь перед магазином заполнена бегущими людьми. Куда они бегут? Сюда! А вот и первые удачливые покупатели. Вырываются из магазина, победно неся в руках вязанки колбас. Так когда-то носили дрова.

Так — есть; а вот как будет? Уже сейчас в зоне БАМа живет 1 миллион 200 тысяч человек. По самым осторожным прогнозам, через пять лет здесь будет жить не менее 1,5 миллиона. "Завтрашний бамовский стол потребует ежегодно тысячи тонн зерна, мяса и картофеля, овощей и молочных продуктов, 460 миллионов штук яиц... Сделано же пока чрезвычайно мало. Один только пример: в Тынде живет уже более шестидесяти тысяч человек, а вблизи имеется всего два гектара пашни и сто коров на ферме. Для снабжения населения Тынды свежим молоком нужно шесть тысяч коров..."

Почти на две пятилетки затянулось начало строительства сельскохозяйственного комплекса вблизи Нерюнгри — первенца хозяйственного освоения зоны БАМа. С грубыми нарушениями технологии "освоены" некоторые участки земли у Северобайкальска...

Решать аграрные проблемы БАМа надо, естественно, комплексно. Однако строительство магистрали близится к завершению, а программы развития сельского хозяйства в ее зоне, утвержденной директивными органами, пока нет". (*Известия*, 3 августа 1984 г.)

Дорога без дороги. По официальной версии, главная цель постройки БАМа — освоение края. Если так, значит железной дороге необходимы другие дороги — автомобильные. Одна такая дорога проложена. Газета приводит справку: "протяженность притрассовой автомобильной дороги — 3224 километра. Категория — низшая. Земляное полотно. Дорожное покрытие — отсутствует. Мосты — в основном деревянные, выполненные по титулу временных сооружений". (*Известия*, 20 июля 1984 г.)

И дальше. "За восемь лет эксплуатации — кстати, поток грузов в шесть раз превысил расчетный — было полностью исчерпано (в свое время урезанное) финансирование..." Известно, что на строительство дороги было затрачено 218 миллионов рублей, а ее достройка потребует еще 300 миллионов. "Но ведь и окупаемость затрат очевидна: достаточно сказать, что машина на строительстве БАМа служит в три раза меньше, чем в других районах страны, и поэтому тысячи автомобилей, в том числе и импортные, "досрочно" превращаются в груды металла. А те, что на ходу, требуют в три раза больше запасных частей".

Одноколейка. Еще недавно об этой странной особенности БАМа либо вовсе не упоминали, либо объясняли, что автоматика, телемеханика и пр. делают вторую колею ненужной. Сейчас разговор иной. "Малый БАМ был построен полностью по проекту, который предусматривал выход дороги на намеченную мощность к 1988 году. А что же получилось? Объем перевозок уже сегодня превосходит возможности дороги. И эта диспропорция будет расти... уже утверждается техническое задание на строительство вторых путей. А ведь ценное время упущено — ушли строители, сняты производственные базы, заново надо создавать многие элементы производственной и социальной структуры. В общем теперь работа потребует и больше времени, и больше средств". (*Известия*, 17 августа 1984 г.)

Вечная мерзлота. "В поездке по БАМу мы столкнулись с последствиями неосторожного вторжения человека в природу — необоснованного проектирования и неумелого строительства, непродуманных вырубок лесных массивов, особенно в зоне вечной мерзлоты. Кое-что видели сами, многое узнавали из рассказов местных жителей об изменениях режимов водоемов и рек, о необычно высоких паводках, усилении эрозии, появлении снежных и селевых лавин..."

На Бурятском, Читинском участках БАМа, в ряде районов Амурской области леса малопродуктивны, значительная часть их находится в зоне вечной мерзлоты. Использование в хозяйственном обороте такого леса может привести к необратимым экологическим процессам. Известны печальные примеры, когда чрезмерные рубки, таежные пожары непосредственно у трассы, например в нижнем течении реки Муи, опасно нарушили естественный тепловой режим почв и горных пород. Началось протаивание мерзлых толщ со всеми неприятными последствиями. И все-таки кое-где продолжают вырубку леса для "местных потребностей" без знания экологических условий и соблюдения правил...

Институт мерзлотоведения
Сибирского отделения
АН СССР

Вообще в строительстве магистрали и освоении зоны БАМа специалисты столкнулись с недостаточно изученными природой, процессами и явлениями. Изучение их, экологический анализ и прогноз должны стать основой будущей комплексной схемы природопользования в зоне БАМа. Это работа не одного дня и даже не одного года". (*Известия*, 24 августа 1984 г.)

"...застраховавшись от землетрясений, строители пренебрегли требованиями, которые предъявляет работа в условиях вялых, оттаивающих мерзлот. И вскоре в ряде домов Северобайкальска появились деформации и разрушения конструкции. Такие же, что в Золотинке, Муртагите, Дипкуне, Тынде, Нерюнгри... на будущей крупной станции Чара фундамент котельной начал проседать от протаивания. Как быть дальше?" (*Известия*, 19 октября 1984 г.)

Резюме. И все-таки БАМ окончен? "Хочу еще раз подчеркнуть: БАМ далеко не окончен, его надо строить — солидно, основательно, с учетом перспектив..."

Еще рано говорить о завершении работ на Байкало-Амурской магистрали. Именно теперь и наступает время приниматься за важнейшую для нашей экономики часть задачи — хозяйственное освоение зоны БАМа. Сколько еще малых и больших проблем на этом пути, сколько сложных, неоднозначных вопросов возникает уже сегодня!.. Требуются очень и очень большие усилия, чтобы могущество страны прирастало богатствами зоны БАМа". (*Известия*, 17 августа 1984 г.)

"Хочу подчеркнуть, что завершается лишь первый этап стройки. Освоена только половина капитальных вложений. И на главной трассе предстоит немало работ, в частности электрификация. Одним словом, ни о каких чемоданах и обратных билетах не может быть и речи". (*Известия*, 8 июля 1984 г.)

И, наконец, последнее. Кажется, впервые за всю историю СССР советская газета напечатала выдержку из письма читателя, который не просто критикует отдельные недостатки, но ставит под сомнение мероприятие партии и правительства в целом. "Когда слышишь о трудностях, которые приходится преодолевать тем, кто прокладывает БАМ, о многомиллионных (в действительности — многомиллиардных. — Р. Б.) затратах средств на эту стройку, невольно возникает вопрос: а нельзя ли было обойтись без такой железной дороги?" (*Правда*, 21 февраля 1985 г.)

Можно было, конечно. Но тогда, пожалуй, пришлось бы усомниться и в целесообразности других, куда более ответственных начинаний. Ведь что такое великий БАМ? Малая модель большой действительности. ●

ВСТРЕЧНЫЙ БОЙ НА МОРЕ

Заметки о торговом флоте СССР

В тридцатые годы тоннаж советского торгового флота составлял всего около миллиона брутто-регистрационных тонн, и по этому показателю страна занимала одно из последних мест в мире. Это объяснялось многими причинами: и тем, что от царской России осталось сравнительно бедное наследство, и незначительным объемом внешней торговли, и недостатком твердой валюты, необходимой для постройки судов за границей, и несовершенством собственного судостроения.

Определенную роль, по-видимому, играли политические соображения. Страна была изолирована, официальная пропаганда кричала об опасности капиталистического окружения, и Сталин, которого эта изоляция устраивала, вовсе не хотел, чтобы советские граждане получили возможность собственными глазами увидеть это самое "окружение" и сравнить его с жизнью на родине. Правила поведения советских моряков за границей, обеспечивающие изоляцию и за пределами страны, не были еще в полной мере отработаны.

Русское чудо

Этот торговый флот, состоявший главным образом из судов, построенных до революции, был почти целиком потоплен в первые месяцы войны. Потери были отчасти возмещены судами, полученными от США по ленд-лизу. Опытный моряк, капитан дальнего плавания В.Лысенко¹ отмечает в своих воспоминаниях, что между Владивостоком и тихоокеанскими портами Соединенных Штатов в те годы плавало около двухсот судов, в том числе не менее ста восьмидесяти кораблей, переданных американцами — старых и новых, только что спущенных со стапелей.

После войны флот пополнился немецкими судами, частью полученными в счет репараций, частью поднятыми со дна в портах и прибрежных водах. Кроме того, Советский Союз захватил немало судов, принадлежавших бывшим сателлитам Германии. Так, у Румынии был отобран ее единственный океанский лайнер "Трансильвания" (формально его передали в распоряжение смешанной советско-румынской компании). У поляков "перекупили" трансатлантический лайнер "Ян Собеский", переименованный затем в "Грузию". В восточногерманских водах был поднят со дна немецкий океанский теплоход "Бремен", который по сей день плавает в Тихом океане под названием "Советский Союз".

С середины 50-х годов установилось твердое правило: строить у себя только те суда, которые по тем или иным причинам нельзя заказать на Западе (боевые корабли, танкеры и суда других типов, внесенные в запретный список НАТО). Для строительства использовались верфи стран Варшавского пакта, главным образом Польши и ГДР.

Среди прочего это было вызвано тем, что советские судостроительные предприятия не в состоянии строить суда достаточно высокого качества. Не берусь судить о бое-

¹ V. Lyssenko. Mémoires d'un capitaine au long cours de la marine soviétique. Ed. Maritimes et d'Outre-Mer. P. 1980.

вых качествах советских военных кораблей, но торговые и рыболовные суда, построенные в СССР, безусловно, не выдерживают критики, хотя чаще всего копируются с иностранных образцов.

Весьма дурной славой, в частности, пользуются николаевские судоверфи — завод "Русское чудо". Вот один из последних примеров его работы. При постройке серии океанских траулеров "Валдай" завод умудрился оснастить их двигателями локомотивов. Пришлось срочно на испанских верфях заменять отечественные двигатели западными "Зульцерами". Операция эта обходится едва ли не дороже, чем постройка нового судна. Другой пример. Отечественные судоверфи так и не смогли освоить строительство супертанкеров, на которых теперь перевозится основная часть нефти и нефтепродуктов.

К началу 60-х годов торговый флот дотянул до пяти миллионов брутто-регистрационных тонн. Это столько же, сколько имела в те годы Западная Германия. В результате СССР вышел по тоннажу своего торгового флота на 24-е место в мире.

Полный вперед

Положение резко изменилось в 60-е годы, когда соперничество между СССР и США сосредоточилось на странах Третьего мира и у Советского Союза появились заморские сателлиты: сначала Куба, затем другие — в Азии, Африке и иных районах мира. Для их снабжения (и контроля над ними) требовался огромный флот — и, разумеется, не только военный. Тем более что важным предметом экспорта в эти страны стало оружие, а оружие — товар особый, на случайном зафрахтованных кораблях его не повезешь.

Вообще приход к власти Брежнева привел к пересмотру военной и политической стратегии. Организованная на новый лад "борьба за мир" потребовала до предела растянутых коммуникаций и напоминала старую империалистическую тактику "канонерских лодок". Нужно было добиться убедительного перевеса на море.

Правда, как мы видели, производственные мощности и технический уровень отечественного судостроения мало отвечали подобной задаче. Строительство судов за границей требовало огромных валютных резервов. При определенных условиях эти резервы мог создать сам флот. Но для этого надо было выиграть бой с капитализмом на море, победить в конкурентной борьбе с международными судовладельческими компаниями.

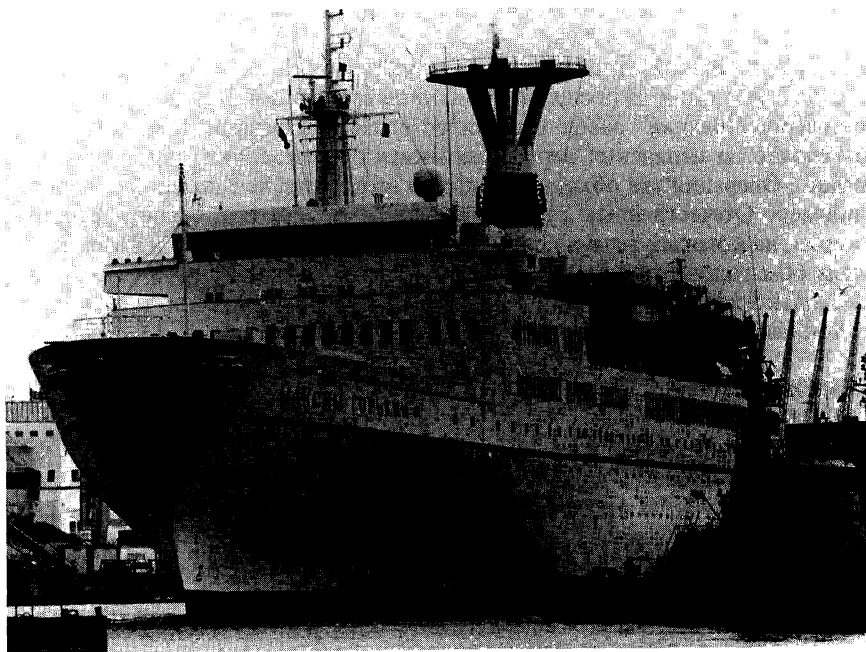
Задача для социалистической экономики нелегкая. Однако мы по опыту знаем, что когда речь идет о военно-стратегическом могуществе, Советский Союз готов противостоять всему миру.

Да и выхода иного не было. Создавая такую махину, как нынешний торговый флот, надо было найти для него заказчиков. Система самообслуживания уже не годилась: никакой бюджет не выдержал бы, если бы флот такого тоннажа пришлось хотя бы наполовину гонять с балластом. Внешнеторговой организации "Морфлот" волей-неволей пришлось учиться конкурировать с капиталистами.

Одновременно (об этом тоже можно прочесть в книге В.Лысенко) началась подготовка к тому, чтобы в случае войны быстро включить гражданские суда в состав военно-морского флота. В частности, корабли, построенные за границей и по своей конструкции не приспособленные к такому превращению, перед вводом в эксплуатацию подвергаются специальному переоборудованию.

Под дешевым флагом

Здесь следует напомнить, что в семидесятые годы уровень жизни на Западе резко поднялся, люди привыкли к комфорту и профессия моряка в большой мере утратила свою привлекательность. Чтобы укомплектовать экипажи судов, западным судовым

Лайнер "Максим Горький" производит годовой плановый профилактический ремонт на своей базе в Бремерхафене (ФРГ).

Морской буксир торгового флота ведет атомную подводную лодку, потерпевшую аварию в японских водах (август 1980 г.).

компаниям приходилось то и дело повышать ставки моряков. В результате зарплата стала основной статьей расходов и важнейшим фактором конкурентной борьбы. Эту ситуацию мгновенно учли владельцы судов, плавающих под так называемым дешевым флагом, иначе говоря, под флагами государств, где судовладельцам не предъявляют высоких требований: не настаивают на оплате труда моряков по твердым тарифам, не требуют взносов на социальное обеспечение и медицинское обслуживание, не слишком придирчивы к технике безопасности и т.п. Панама и Либерия имеют давние традиции торговли под дешевым флагом. В последнее время к ним присоединились Кипр и Сингапур.

Прежде под этими флагами регистрировались по большей части "старые калоши", принадлежавшие греческим и итальянским владельцам. Теперь, когда встал вопрос о том, чтобы выжить, под дешевый флаг ринулись американские и западногерманские компании.

А тут еще разразился нефтяной кризис: картель нефтедобывающих государств резко повысил цены на горючее. Жидкое топливо, на котором почти исключительно работают судовые двигатели, стало второй по значению расходной статьей морского транспорта.

Так советский торговый флот сразу получил два важнейших преимущества. Известно, что труд моряков оплачивается в СССР несравненно ниже, чем даже на судах под самыми неprestижными флагами, да еще собственной валютой — неконвертируемым рублем. Еще проще с топливом. Нефть своя, ее не надо покупать, и советские суда снабжаются ею по символическим ценам. Все это открывало для "страны победившего социализма" весьма заманчивые перспективы. С одной стороны, морской демпинг усугублял трудности западных стран, с другой — становился крупным источником валютных поступлений. Правда, для этого надо было работать дешевле не только солидных фирм, но и компаний под дешевыми флагами. Однако у соцстран было еще одно преимущество: они имели возможность выгадывать на обязательной страховке судов, сводя и эту статью расхода к минимуму. В итоге Советский Союз и другие страны СЭВ взяли верх в конкурентной борьбе на море, круто — на одну треть и даже еще больше — снизив фрахтовые ставки. Частные предприниматели угнаться за ними не могли, так как не были в состоянии долго работать в убыток.

Не приходится удивляться тому, что советская стратегия пагубным образом отразилась на всей западной экономике. Порты забиты новыми, только что построенными судами, стоящими на приколе. Причем не только западными, где действуют высокие тарифные ставки, но и теми, чьи владельцы соблазнились на дешевый флаг, так как в условиях демпинга и они теряют конкурентоспособность.

Цифры и цитаты

Ограничимся, чтобы не утомлять читателя статистикой, немногими цифровыми данными, заимствованными из выходящей в Гамбурге газеты торгового флота ФРГ "Täglicher Hafenbericht". С 1982 по 1983 г. тоннаж мирового торгового флота (включая рыболовные суда) сократился более чем на два миллиона брутто-тонн — на полпроцента — и к концу года составил круглым счетом 422,6 млн. брутто-тонн.

За это же время морской тоннаж стран СЭВ увеличился на три процента: в конце 1983 г. он составлял уже 33,6 млн. брутто-тонн, или почти 8% всего мирового тоннажа. Не так много, но все же контраст с недавним прошлым разительный. К началу 1984 г. у социалистических стран было 9597 торговых и рыболовных судов.

Основная часть этого богатства принадлежит Советскому Союзу: 7753 корабля общим тоннажем 24,5 млн. брутто-тонн. На втором месте стоит польский флот: 812 судов, около 4 млн. брутто-тонн. В отличие от советского торгового флота польс-

кий в последние годы не рос: борьба "Солидарности" за права трудящихся привела к тому, что морякам стали платить больше, — конкурентная способность флота упала. Зато третий по величине флот Румынии переживает крутой подъем: за год он увеличился на 8 с половиной процентов. Не оттого ли, что труд румынских моряков эксплуатируется так же беззащитно, как и советских?

Советскому Союзу принадлежит ныне и почти неоспоримая монополия морских пассажирских перевозок, — точнее, в области морского туризма, так как собственно пассажирский транспорт давно уже уступил место воздушному, а современные морские лайнеры выполняют функции гигантских плавучих отелей для увеселительных круизов.

Почему именно в этой сфере советский флот опередил своих западных конкурентов, понять нетрудно. Судовые двигатели пассажирских лайнеров потребляют неимоверное количество топлива; на советском лайнере, совершающем круиз, от 200 до 400 человек команды — на двух пассажиров приходится не менее одного обслуживающего.

В этих условиях западные судовладельцы уже в 70-е годы начали продавать свои лайнеры, либо их приходилось ставить на прикол. Эта тенденция сохраняется и сейчас. Например, спущенный со стапелей ФРГ в 1982 г. суперновойший лайнер "Астор" проплавал под черно-красно-золотым флагом лишь 14 месяцев, после чего компания была вынуждена продать чудо современной техники и комфорта в Южную Африку, где его переняла низкооплачиваемая чернокожая команда. (Купить лайнер пытался и Советский Союз, но южноафриканцы заплатили больше.)

Сейчас на крупных морских вокзалах мира пассажирские лайнеры встретишь почти исключительно под советским флагом. Вот что писала об этом упомянутая выше газета "Täglicher Bericht" в феврале 1984 г.:

Причал Колумба в Бремерхафене (когда-то крупнейший в Европе трансатлантический морской вокзал. — Ю.Ц.) все больше превращается в базу советского пассажирского флота. После того как в прошлом году советская внешнеторговая нефтяная компания "Боминфлот" перекупила у межнационального нефтяного концерна "ЭССО" морскую заправочную станцию, советские круизные лайнеры имеют возможность, как дома, бункероваться собственным жидким топливом. В этом сезоне ожидается не менее 42 выходов в море советских "лайнеров с музыкой" и только 7 — западных. Если бы не новая "Европа", принадлежащая компании "Хопаг-Ллойд"; и не "Колумбус Ц" — старая "Европа",¹ работающая для итальянской компании "Коста-Лайн", на причале Колумба остались бы только лайнеры из Одессы, Ленинграда и Риги.

Примерно та же картина в двух других крупных европейских пассажирских портах Генуе и Пирее. На генуэзских причалах нередко швартуются 5–6 пассажирских лайнеров под красным флагом. На Канарских островах, принадлежащих Испании, отечественным горючим заправляются не только советские лайнеры, но и рыболовные траулеры и грузовые суда.

Газета поясняет, каким образом "Морфлоту" удастся вытеснить из морского туристского бизнеса западных конкурентов:

Цены путевок на круиз по Атлантическому океану на лайнере "Белоруссия" покрывают лишь стоимость питания на борту, все же остальное, включая увеселительные программы, — бесплатно; круиз в каюте на двух человек (цена по проспекту 6640 немецких марок) реально можно купить всего за 1760 марок, а в каюте "люкс" (цена по проспекту 10860 марок) — за 1980 марок (все цены из расчета на двух человек, включая питание, увеселительные программы и многое другое)

¹ Затонула в июне 1984 г., сев на мель около Кадиса. — Прим. автора.

Конечно, это не значит, что и экипажу кораблей создана райская жизнь. Капитан дальнего плавания В.Лысенко рассказывает о буднях "Морфлота":

Однажды мы пришвартовались в Антверпене вблизи стоявшего там на ремонте нового крупного пассажирского лайнера, который возит в круизные рейсы западных туристов. Я решил нанести визит капитану и заодно познакомиться с лайнером. Капитана на борту не было. Меня встретил молодой славный старпом, показал судно, а потом пригласил на чашку кофе. Мы разговорились, и он стал рассказывать о своей "приятной" работе: о всевозможных противоречивых директивах разных береговых инстанций, о присутствии на судне целой когорты благодетелей из КГБ на ролях всевозможных заместителей помощников капитана..., о жизни команды.

Команда такого лайнера — более 200 человек. Так как возят почти исключительно иностранцев, платящих западной валютой, то официантками, горничными и буфетчицами работают девушки, окончившие институты иностранных языков. Эти интеллигентные девушки с высшим образованием получают 80 рублей в месяц. Они пошли на такую работу, чтобы посмотреть мир, приодеться. Щедрые иностранцы, видя их положение и жалея, как правило, подбрасывают им чаевые. На эти чаевые живут частенько не только они, но и их кавалеры — моряки.

— И вот, пожалуйста! — говорит старпом. — Новый приказ — сдавать чаевые... Конечно, сдают не все. Часть наверняка утаивают, и тем не менее полюбуйтесь на суммы, которые на этом дополнительно зарабатывает государство...

Он показал мне ведомость сданных ему чаевых в валюте с подведенным пятизначным итогом.

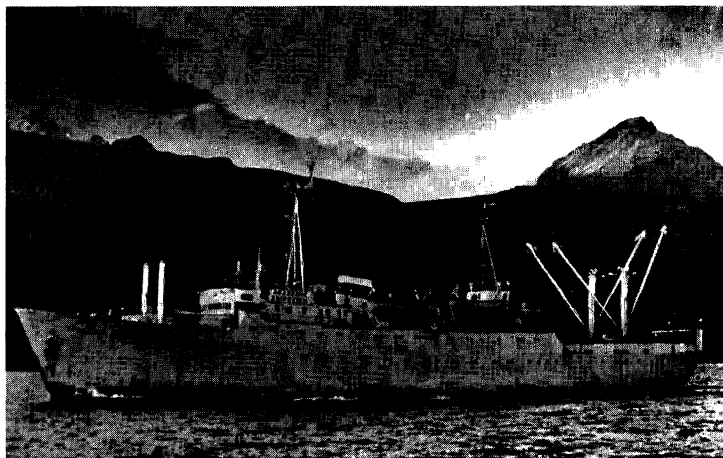
Да, подумал я. Не моряки, а вот кто наживается даже на милостыне, подбрасываемой из жалости иностранцами!

Заслуживает упоминания — раз уж зашла речь о способах добывания валюты — новая форма торговли со странами Третьего мира: продажа советских моряков. Еще в 50-х годах советское правительство заключило сделку с Индонезией о предоставлении ей судоводителей и механиков. В 70-е годы был подписан советско-иракский договор, по которому наши капитаны, штурманы, механики и радисты плавали на иракских танкерах. В те годы советские судовые специалисты работали на тех же условиях, что и все советские служащие иностранных фирм за границей: они обязаны были перечислять в рублях на свои сберкнижки только 33% получаемой ими зарплаты. Наконец, в восьмидесятые годы советское правительство стало практиковать продажу целых команд траулеров Ираку, Гвинее-Бисау и другим странам Третьего мира, включая в договоры оплату помполитов. Когда торговля людьми приняла массовый характер, "слуги народа" решили, что две трети зарплаты в валюте — слишком жирно. Теперь рыбаки получают в валюте лишь 33% своей зарплаты, остальное загребают Госбанк, выдавая взамен обесцененные советские рубли.

Торговля с мечом в руках

Последние годы в морских штабах западных стран возникло некоторое беспокойство. Специалисты пришли к выводу, что советский морской демпинг представляет собой не только экономическую, но и военную угрозу. Существует мнение, что в дальней перспективе советский торговый флот таких размеров, каких он достиг, даже опаснее, чем военный, ибо он уже в мирное время затрагивает нервные узлы Запада.

Характерен в этом смысле доклад, прочитанный в марте 1984 г. в боннском министерстве обороны капитаном первого ранга Клаусом Менером из штаба военно-морско-

Научно-исследовательское судно "Академик Книпович" у берегов Огненной земли в дни вооруженного конфликта Англии и Аргентины из-за Фолклендских островов (апрель 1982 г.)

го флота ФРГ. Доклад был посвящен советской политике морского демпинга. Штаб склоняется к мысли, что торговый флот СССР, наряду с военно-морским, служит орудием притязаний на мировое господство. Причем здесь, в невоенной сфере, Советский Союз не сталкивается с превосходящей техникой Запада, но, наоборот, имеет возможность ею пользоваться. Кроме того, единая организационная структура и централизованное распределение ресурсов позволяют ему использовать слабости свободного рынка и отсутствие у стран Запада единой стратегии. По мнению К.Менера, чем строже Запад будет придерживаться законов рыночного хозяйства, тем проще Советскому Союзу захватывать транспортные рынки Запада.

Кроме того, сказал докладчик, советский торговый флот легко может быть введен в компетенцию советского военно-морского командования. Особое беспокойство вызывает постройка советских судов типа "Ро-ро" с горизонтальным способом погрузки, ибо суда эти явно предназначаются для переброски десантных войск, численность которых за последние годы увеличена на 30%. Суда этого типа, водоизмещением до 40 тыс. тонн, приписаны главным образом к балтийским портам, большая часть их постоянно находится в районе Балтийского моря. На эти суда можно незаметно погрузить войска и через территориальные воды стран советского блока быстро доставить их в тыл западной обороны.

И все же наблюдателей на Западе беспокоит не столько военная проблема, сколько собственно торговая экспансия, угрожающая поставить западные страны в зависимость от советского торгового флота. Автор доклада привел следующие данные.

С 1960 года советский торговый флот, занимавший тогда (как уже говорилось) 24-е место в мире, переместился на шестое. Сейчас СССР принадлежит 5,6% всего мирового тоннажа, тогда как ФРГ – всего 1,9%. При этом, однако, доля Советского Союза в мировой морской торговле составляет лишь 3%, доля ФРГ – 7,5%. В 1982 году морской товарообмен между СССР и ФРГ на 77% производился советскими судами и только на 6% – западногерманскими.

Увеличение тоннажа советского торгового флота в 1980–1981 гг. много выше того, что объявлено официально. Характерно, что за те же годы советский экспорт морем не только не вырос, но даже сократился. Хотя нищенская зарплата советских моряков и дешевое горючее обеспечивают низкую себестоимость перевозок, "Морфлот" готов нести убытки, назначая цены ниже себестоимости, лишь бы одолеть конкурентов. ●

Ричард ПАЙПС (Гарвард)

ТРИ ДОРОГИ В БУДУЩЕЕ

Возможны ли реформы в Советском Союзе?

1.

Существует два подхода к советско-американским отношениям. Приверженцы первого пользуются, так сказать, методами метеорологии, проводя регулярные наблюдения над климатом, установившимся в отношениях между Востоком и Западом. Приемы этого климата они ищут в риторике, исходящей из Вашингтона и Москвы, в том, ведутся или нет переговоры и диалоги, в том, с какой энергией Вашингтон и Москва соперничают друг с другом в районах, не находящихся под их непосредственным контролем. Такого подхода придерживаются журналисты, ибо он позволяет сосредоточиться на конкретных событиях, о которых можно сообщать в новостях и которые поддаются непосредственному анализу. Подход этот также преобладает в либеральных кругах, где полагают, что между нациями нет существенных различий в системах ценностей и интересов и конфликты между нациями коренятся во взаимном непонимании или отсутствии стремления к соглашению, в основном со стороны американской администрации.

Другой подход более напоминает геологический. Его приверженцы сознают, что конфликт Востока и Запада коренится в фундаментальных различиях между двумя обществами, различиях, основы которых заложены в идеологии и политической структуре соответствующих стран. Твердая дипломатия и военная готовность могут предотвратить превращение этих разногласий в открытую вражду, но не могут изменить врожденного антагонизма. Этот второй подход господствует среди западных консерваторов, его придерживается и советское руководство.

Ни один из этих подходов нельзя считать полностью удовлетворительным. Безусловно, отношения между суверенными государствами — это нечто большее, чем колебания политического барометра. Несомненно, имеются существенные различия в природе и образе жизни демократического и коммунистического общества, различия, которые нельзя устранить ни путем развития контактов между людьми, ни посредством доброй воли, ни при помощи соответствующей техники переговоров. Эти различия воздействуют на отношения между двумя обществами, поскольку между внутренними условиями в стране и ее внешним поведением существует прямая и тесная связь: иностранная политика, в конце концов, движима в основном внутренними интересами и формируется политической культурой общества. Если это так, то решающие факторы, влияющие на

Ричард Пайпс — профессор истории Гарвардского университета, автор книг "Образование Советского Союза", "Россия при старом режиме", "Советско-американские отношения в эпоху разрядки". В 1981–1982 гг. был заведующим восточноевропейским и советским отделом в Национальном Совете безопасности США. Настоящая статья, предложенная Пайпсом редакции, является расширенным и переработанным вариантом главы из книги "Выжить недостаточно", которая выйдет по-русски в издательстве Chalidze Publications. По-английски статья опубликована в журнале "Foreign Affairs".

развитие отношений Востока с Западом, следует искать вовсе не в ежедневных решениях лидеров соответствующих блоков. Чтобы понять сдвиги в этих отношениях, нужно предпринять большие усилия, нежели просто глядеть на политический барометр, колеблющийся между крайностями солнечной разрядки и суровой холодной войны. Интересующие нас факторы следует искать в политических, общественных и экономических системах и культурах, господствующих в западном и восточном обществе.

Сторонникам этой консервативной точки зрения можно возразить, что в природе нет ничего постоянного и неизменного. В конце концов даже геологические образования подвергаются изменениям, пусть медленным и незаметным для человеческого глаза. Если континенты сдвигаются, то это тем более верно для созданного руками человеческими. Если принять, что внешняя политика есть функция политики внутренней, то можно полагать, что при изменении внутренних условий внутри блоков изменится и их внешнее поведение. Руководители Советского Союза крайне озабочены тем, чтобы создать впечатление, будто все изменения, происходящие в стране, есть результат их собственных сознательных и обдуманных решений. Очевидно, однако, что они должны реагировать на перемены, вызванные действием таких независимых факторов, как давление большого слоя хорошо образованной технической интеллигенции, демографические сдвиги, изменения в настроениях молодого поколения.

2.

Однако западные специалисты, обсуждающие отношения между Востоком и Западом, упорно игнорируют связь между внутренними условиями в СССР и советской внешней политикой. Анализ этого вопроса в литературе, включая многие академические монографии, редко поднимается над средним журналистским уровнем. Внимание концентрируется на действиях и событиях, а не на структурах и процессах. Внешнюю политику рассматривают так, как если бы она полностью зависела от свободной воли ее руководителей. При этом совершенно игнорируются глубокие наблюдения наиболее выдающихся диссидентов из СССР и Восточной Европы — А.Сахарова, А.Солженицына, М.Джиласа и А.Михника, которые усматривают корни советской агрессивности и создаваемой ею угрозы международному миру во внутренних условиях, господствующих в коммунистическом блоке. Эти авторы доказывают, что то, каким образом самозванная элита в этих странах относится к собственным гражданам, определяет и ее отношение к другим государствам. Отсюда они выводят, что Запад должен уделять пристальное внимание политическим и экономическим условиям внутри коммунистических обществ не только по филантропическим и идеалистическим мотивам, но также и по мотивам чисто эгоистическим. В обращении к западным "мирным" движениям, действующим в убеждении, что существование оружия ставит под угрозу мир, группа польских интеллектуалов — сторонников "Солидарности" формулирует эту точку зрения совершенно определенно:

"Государства с тоталитарной политической системой угрожают международному миру; необходимость агрессивной экспансии возникает повсюду, где власть основывается на силе и лжи, где общество лишено возможности влиять на правительственную политику, где правительства боятся тех, кем они правят и против кого они ведут войну... Единственной идеологией тоталитаристов является удержание власти любой ценой. В условиях современного кризиса они могут счесть, что ради такой цели можно решиться даже на войну."

На это можно было бы возразить, что даже если приведенный тезис правилен, он не имеет отношения к делу, ибо тоталитарные режимы по определению неспособны к внутренней эволюции и отвергают любое влияние извне; следовательно, попытки Запа-

да ослабить советскую агрессивность должны ограничиваться лишь скромными усилиями по ликвидации основных источников трений, путем заключения договоров и ведения "диалога". Это возражение неубедительно. Более глубокий взгляд на внутренние условия в коммунистических обществах, в том числе и в Советском Союзе, показывает, что эти общества переживают спазмы серьезного системного кризиса, а это рано или поздно потребует от руководителей решительных действий — таких, которые в свою очередь окажут глубокое воздействие на советскую внешнюю политику. Другое дело, приведет ли это изменение внутреннего курса к усилению или ослаблению жесткости внешней политики, выразится ли оно в повороте к мирным реформам у себя дома или будет искать выхода вовне в усилении военной агрессивности как суррогата реформ.

Современный кризис советской системы — двоякого рода: политический и экономический. Говоря более широко, и тот, и другой возникли из растущего несоответствия между бременем ответственности, которое коммунистическая элита взвалила на себя дома и за рубежом, и человеческими и материальными ресурсами, которыми она располагает, чтобы нести это бремя. Политический кризис — прежде всего и более всего — есть кризис коммунистической партии как института. Партия первоначально была задумана как абсолютно послушный инструмент в руках ее руководства, при помощи которого можно заставить сопротивляющееся население двигаться навстречу мечте об утопическом обществе, придуманном группой радикально настроенных интеллектуалов. С течением лет, однако, партия превратилась в привилегированный, служащий собственным интересам класс, который в высшей своей части образовал чисто паразитический слой, номенклатуру. Развращенный привилегиями и коррупцией, этот слой после смерти Сталина потерял даже следы чувства долга, служения каким-либо идеалам, будь то идеал коммунизма или нации. Он настолько страшится любых изменений сталинистской системы, которая является источником его власти и привилегий, что в качестве своих лидеров избирает все более слабых генеральных секретарей. Поглощенная собственными интересами, отчужденная от населения, ослабленная отсутствием решительного руководства, партия серьезно рискует утратить контроль. Это продемонстрировали события в Польше 1980—1981 гг., когда коммунистическая партия обнаружила, что недовольное население просто отодвинуло ее в сторону, и была вынуждена вручить власть военным. Политический кризис поразил всю советскую империю, которая чрезмерно разрослась и обитатели которой все активней предъявляют политические и иные требования, а Москва более неспособна ни удовлетворить их, ни подавить.

Экономический кризис вызван низкой производительностью труда. Это, в свою очередь, обусловлено двумя факторами: чрезмерной централизацией экономических решений в руках партийных органов и недостаточными материальными стимулами для рабочих и крестьян, которым, в сущности, платят не по тому, что они производят, а в зависимости от того, сколько времени они тратят на работу. Падение скорости экономического роста неблагоприятно влияет на способность Москвы ввязываться в амбициозные военные и имперские авантюры. Вот уже больше десяти лет плановые органы вынуждены перекачивать значительные средства из сектора капитальных вложений в военный сектор. В долговременном масштабе это делает неизбежным дальнейшее падение промышленного роста. Производительные ресурсы страны подавлены экономической системой, которая предназначена в первую очередь для того, чтобы обеспечить номенклатуре безопасность и власть. Теоретически правительство может, но на практике не решается снизить и без того нищенское потребление из-за боязни забастовок и волнений в промышленных центрах, предпочитая этому риск подрыва промышленного будущего страны.

3.

Кризис таких масштабов, маскируемый широчайшей дезинформацией и милитаристской пропагандой, вполне подходит под понятие "революционной ситуации", как ее определил Ленин. Для него этот термин означал тупиковую ситуацию, когда верхи не могут, а низы не хотят жить по-старому. Общество, зашедшее в тупик, можно считать объективно созревшим для революционного взрыва. Но для того, чтобы революция произошла, требуется еще и субъективный момент, а именно способность и желание действовать. "Старое правительство... никогда, даже и в эпоху кризисов, не "упадет", если его не "уронить".¹ Когда этот субъективный элемент отсутствует, как это было в Германии и России XIX в., революционная ситуация рассеивается без каких-либо последствий.

Если бы Ленин жил сегодня, он, вероятно, пришел бы к выводу, что условия, сложившиеся в его стране, удовлетворяют критериям "революционной ситуации". Безусловно, советский блок переживает куда более глубокий экономический и политический кризис, чем и Россия и Германия в XIX в. Не хватает, однако, субъективного элемента, то есть способности и желания превратить революционную ситуацию в революцию. Способность совершить революцию подорвана обширным аппаратом подавления, который коммунистические режимы развили в неведомых дотоле масштабах именно потому, что, придя к власти в результате революции, они решили не потерять ее тем же способом.

Однако, как показали события в Венгрии, Чехословакии и Польше, при наличии революционной воли даже это препятствие можно преодолеть. В России революционная воля отсутствует. Исторический опыт заставляет людей любой политической ориентации бояться падения власти еще больше, чем деспотизма, и отвергать насилие как путь к переменам. До 1917 г. русская интеллигенция безгранично верила во врожденную доброту и демократический дух своего народа. Она была убеждена, что как только падет царизм, на смену ему придет демократия, которая и восторжествует по всему фронту. События революции разрушили эти иллюзии в духе Руссо. Нынешнее поколение образованных людей в Советском Союзе исцелилось от революционного романтизма. Оно полагает, что в случае падения советской власти возникнет политический вакуум и четверть миллиарда жителей страны начнут друг с другом сводить старые счета: деревня пойдет на город, русские — против евреев, мусульмане — против русских, армяне — против мусульман; начнется апокалиптическая война всех против всех. Но даже те немногие, кто готов заплатить такую дорогую цену, лишь бы освободить страну от коммунистической тирании, не ждут от революции ничего путного. Испытав революцию во всей ее ярости и жестокости, русские узнали не только ужасную ее цену, но и тщетность. Сколько яиц было разбито, а яичницы не получилось!

Итак, в Советском Союзе ощущается всеобщее разочарование в стратегии политического насилия. По крайней мере, ни один выдающийся диссидент демократического или националистического направления не выступает в ее защиту. Оба оппозиционных лагеря сходятся на том, что Россия может выйти из кризиса только путем постепенных и мирных перемен. Если для этого требуется, чтобы Политбюро и номенклатура остались у власти, пусть так... по крайней мере, на некоторое время. Следующий отрывок из самиздатской брошюры резко антикоммунистического содержания весьма характерен в этом отношении:

"Население СССР в своей массе еще далеко не готово к непосредственному народовластию. И, скажем, новая революция в СССР была бы подлинным несчастьем для

¹ В. Ленин, Крах Второго Интернационала, ПСС, т. XXI.

страны. Солженицын считает даже, что моральный уровень народа сейчас ниже, чем в 1917 г. Не знаю. Может быть. Во всяком случае, совершенно очевидно, что без достаточно продолжительного опыта последовательной демократизации ныне действующей социально-политической системы нельзя идти на риск вовлечения миллионных масс политически не искушенного населения в архисложное дело социально-политического переустройства страны... Структурное совершенствование системы предпочтительнее ее слома. Реформированная система имеет массу преимуществ перед заново созданной. Опыт западных демократий служит нам в том порукой. Там, где строго соблюдается принцип преемственности между старым и новым..., там получается устойчивая система представительной демократии типа английской или шведской”¹.

Политический консерватизм, широко распространившийся в образованных слоях общества, конечно же, не дает гарантии того, что революция не вспыхнет сама по себе, неожиданно-негаданно, в результате падения власти. Ленинское положение ”правительство не упадет, если его не уронить” представляется нам слишком жестким, так как царское правительство сломилось под тяжестью собственного веса, будучи неспособным справиться с тяготами военного времени. Как бы то ни было, вероятность революционного взрыва в Советском Союзе безусловно ослаблена тем, что по этому вопросу общественное мнение находится на стороне номенклатуры. По существу оппозиция не хочет свергнуть номенклатуру и взять власть в свои руки, а надеется ограничить пределы ее правления посредством расширения частного сектора. Такие намерения, возможно, и представляют некоторую опасность для тоталитарного режима, но отнюдь не угрожают ему неконтролируемым насилием.

4.

Если революция исключена, перед советским режимом открываются три возможности: возврат к сталинизму, более интенсивная внешняя агрессия, ведущая к глобальному вооруженному столкновению, и внутренняя реформа.

Среди номенклатуры, а также в малообразованных слоях общества ощущается ностальгия по сталинским временам, разумеется, не по массовым репрессиям, а по идеализированному режиму порядка и дисциплины, при котором каждый делает свое дело, а коррупция неизвестна. Может показаться, что такой приукрашенный сталинизм даст советскому обществу возможность выйти из затруднительного положения без опасных реформ. Но это — чистая утопия. Сталинизм невозможно восстановить по целому ряду причин, главным образом из-за того, что сегодня нельзя управлять сложным военно-промышленным комплексом страны при помощи грубой силы, в изоляции от остального мира. Да и сама номенклатура не забыла, как опасно и трудно она жила при Сталине, сколь многие из ее среды погибли в результате так называемых чисток. Во всяком случае, после тридцати лет постепенного разрушения и распада сталинизма бессмысленно говорить о его возрождении. Его пришлось бы создавать и внедрять заново. Складывается впечатление, что те, кто с такой тоской говорят о сталинизме, знают это и никогда бы не примирились с возвратом к нему. Ностальгия по сталинской эпохе напоминает тоску бюрократических и консервативных кругов России периода ”революционной ситуации” 1870—80 гг. по золотым старым денечкам Николая I, когда крестьян держали в узде крепостным правом, а правительство не допускало никакого инакомыслия. Сегодня, как и тогда, эта привычка оглядываться на прошлое говорит о

¹ Ю.К.Петров, *Метаморфозы русского либерализма*. Самиздат.

нежелании правящего аппарата считаться с меняющейся действительностью и решиться на болезненные, но неизбежные реформы.

В некоторых отношениях самый легкий, хотя и самый опасный выход из кризиса — нагнетание международной напряженности. Военный психоз, один из основных продуктов советской пропагандистской машины еще с двадцатых годов, отвлекает внимание масс, дает возможность требовать от трудящихся чрезвычайных жертв и подавлять оппозицию во имя патриотического долга. С этой целью советская пропаганда без конца воскрешает память о Второй мировой войне и твердит о связях фашизма с американским "империализмом". Однако военные психозы опасны, ибо имеют обыкновение выходить из-под контроля, а логичным их итогом являются войны. Нельзя исключить, что номенклатура решится на войну, лишь бы избежать внутренних реформ. По мнению некоторых наблюдателей, номенклатура пошла бы на такой риск, почувствовав достаточно сильную угрозу своему существованию внутри страны. Чем больше вероятность быстрой и недорогой победы, тем сильнее соблазн использовать этот выход из невыносимо трудного положения. Совершенно очевидно, что военная контрподготовка Запада делает такой план менее привлекательным.

Если считать невероятной революцию из-за отсутствия поддержки в обществе, если исключить возврат к сталинизму из-за утопичности этой идеи и обращение к войне — из-за неопределенности ее исхода, то реформа остается единственным выходом из "революционной ситуации", переживаемой Советским Союзом. Жизненно важный вопрос для России, покоренных ею народов и остального человечества состоит в том, увидит ли советская номенклатура стоящие перед нею трудности в реальном свете, возобладают ли беспристрастный анализ фактов над блефом и принципом "после нас хоть потоп". И в прежние времена правящим элитам приходилось выбирать между попытками удержать всю власть со всеми привилегиями, рискуя при этом потерять все, и решением частично поступиться привилегиями в надежде сохранить остальное. История знает примеры обоих вариантов. Англия сумела избежать революции на протяжении трех веков, потому что монархия, аристократия и среднее сословие понимали неизбежность перемен и своевременно шли на уступки. В империалистической России возобладали позиция твердолобых консерваторов. То же относится к современной Латинской Америке.

Специалисты расходятся в мнениях о том, как поведет себя советская номенклатура, которая оказалась теперь в подобных обстоятельствах. Довольно пессимистическая оценка принадлежит югославу Миловану Джиласу, автору книги "Новый класс". Будучи ближайшим соратником Тито, Джилас имел возможность лично изучить образ мыслей советской элиты. Он пишет:

"На мой взгляд, перемены в советской системе менее всего возможны. Хотя бы в силу того обстоятельства, что она больше других пронизана, можно сказать, империалистически-классовыми привилегиями. Я думаю, что советская система не имеет внутренних потенций к изменению, так же как и советский империализм не способен сам по себе остановиться. Теоретически единственная возможность перемены внутри советской системы — это создание какой-то формы просвещенного самодержавия, которое могло бы начать с реформ, но и в этом случае процесс демократизации может быть задушен бюрократическим надзором. Однако и для появления такого просвещенного самодержавия необходим какой-то национальный кризис: военный или революционный, или то и другое вместе. Такая перспектива, как можно заметить, согласуется с русской историей".¹

¹ "Синтаксис", № 6, 1980.

Убежденность Джиласа в том, что ничто, кроме катастрофы, не заставит аппарат пойти на реформы, разделяют многие диссиденты, а также наиболее здравомыслящие из лояльных коммунистов.

Другие полагают, что номенклатура вскоре окажется в безвыходном положении и сама жизнь направит ее на путь реформ. Авторитетным представителем этой более оптимистической точки зрения является Валерий Чалидзе, один из основоположников правозащитного движения в СССР:

”Страна полна острейших противоречий. Их так много, что иногда кажется, что так и задумано — чтобы одно противоречие затмевало другое. Но если все эти противоречия о себе заговорят, власть не сможет ограничиться обещаниями и репрессиями, как теперь, ибо весь народ втянут в этот клубок разнообразных противоречий. И тогда власти придется заняться расхлебыванием этих противоречий, придется заняться совершенствованием внутреннего порядка, устройением экономических и социальных отношений. И тогда все имперские мечты на время померкнут по сравнению с важностью внутренних проблем.

Могут, однако, предостеречь, что власти не станут возиться с устройением социальных отношений, а применят массовые репрессии. Я думаю, что этого не случится. Страной правит слой профессионалов, заинтересованный в стабильности и величии империи. Любая вспышка недовольства может быть подавлена силой — о морали правителей вспоминать не приходится. Но нарастающая социальная напряженность во всей стране, обострение многих противоречий заставит этих профессионалов реагировать так, чтобы не ставить под угрозу стабильность своего положения, стабильность империи. Это вынудит к социальным преобразованиям, и эти преобразования должны будут быть частичным, постепенным переходом к более демократическому правлению. Власть готова к таким преобразованиям, если они не затронут стабильности; будучи постепенными, они и не затронут”¹.

5.

Две эти концепции отличаются друг от друга только степенью оптимизма. Чалидзе считает, что острый кризис в СССР наступит быстрее, чем думает Джилас. Однако оба согласны в том — и это очень важно для западной политики, — что реформы мыслимы лишь как следствие крупных внутренних и внешних провалов и будут осуществлены только после того, как номенклатура осознает необходимость заплатить эту цену, чтобы выжить.

Прослеживаемая Джиласом тесная связь между кризисами и реформами подтверждается всем ходом русской истории. Россия настолько консервативна, что даже ее социализм принял крайне реакционный характер. Страна так обширна, сложна и непрочно сколочена, что ее руководители всегда боялись перемен и редко шли на них добровольно. Они соглашались изменить что-либо только под угрозой унижительных поражений на международной арене или политических переворотов у себя дома. Так было с реформами Петра Великого, Александра II и Николая II. Даже Ленин склонился к более либеральной политике лишь после того, как в 1921 г. социальные волнения и неминуемый крах экономики поставили под угрозу самое существование режима.

Таким образом, русская история подсказывает, а хорошо информированные наблюдатели в России подтверждают, что перемены к лучшему в советском государстве и его отношениях с остальным миром наступят только вследствие поражений, нестабильности и боязни краха, а не в результате растущего чувства безопасности и уверенности в себе.

¹ ”Проблемы Восточной Европы”, № 2, 1981.

Это противоречит точке зрения, на которой основана разрядка и которая поныне господствует среди дипломатов и в либеральных кругах Европы и Соединенных Штатов: чем увереннее и надежнее чувствует себя советская элита, тем сдержанней будет ее поведение. Этот тезис не подтверждается ни одним фактом из прошлого. Порогидить его могло только незнание психологии советского руководства и знакомство с русской историей.

Безусловно, ответ на вопрос, какая из этих двух точек зрения верна, имеет чрезвычайно важное значение для внешней политики США. Предположим, что тезис о связи реформ с кризисом верен и "революционная ситуация" дозреет до такого состояния, когда что-то сделать придется. Какие реформы логично было бы ожидать от советского руководства в этом случае?

В самых общих чертах, беда современного советского режима состоит в том, что в нем совмещаются отрицательные черты обеих мировых систем. Он страдает всеми недостатками режимов, построенных на принципе принуждения, но растерял многие из их преимуществ. Человека побуждают к действию страх или надежда, угрозы или награды. Коммунисты всегда предпочитали полагаться на страх и угрозы. Такая тактика не обеспечила им экономическую устойчивость и производительность, характерную для демократических обществ свободного рынка, но всегда позволяла сосредоточить ограниченные ресурсы на целях, которым отдавалось главное предпочтение. Недостаточное количество, качество и разнообразие ресурсов удавалось компенсировать возможностью мобилизовать эти ресурсы для решения конкретных задач.

В последнее время этот козырь перестает работать. Нынешний кризис коммунизма в некотором смысле обусловлен тем, что режим прозябает на своего рода нейтральной полосе между принуждением и свободой, не будучи в состоянии воспользоваться преимуществами ни того, ни другого. Всепроницающий страх сталинского времени улетучился, и на угасающую память о нем нельзя положиться, чтобы заставить людей тяжело трудиться и бездумно подчиняться. Для граждан коммунистического блока моложе 40 лет, то есть для большинства населения, сталинизм — древняя история. Страх, однако, не сменился надеждой и положительными стимулами. В результате творческая энергия людей, живущих при режимах советского типа, направляется по каналам частного предпринимательства и иной оппозиционной деятельности, не только не принося какой-либо пользы режиму, но причиняя ему прямой урон. Нормальный и здоровый дух деловой предприимчивости, лишенный узаконенных возможностей проявления, ищет выхода в полуправильной и просто нелегальной деятельности, связанной со "второй экономикой", взяточничеством, черным рынком. Граждане, озабоченные общественными делами, склоняются к скрытому или открытому инакомыслию, которое режим не может истребить, а пытается лишь удержать в относительно безопасных границах. Другими словами, динамичные созидательные силы в хозяйственной и интеллектуальной сферах деятельности направляются системой по криминальным, с точки зрения системы, каналам. Силы, которые должны были бы укреплять режим, принуждены так или иначе подрывать его.

Такова вкратце проблема, с которой пришлось столкнуться коммунистическим режимам послесталинской эпохи. И рано или поздно эту проблему придется решать. Нужно каким-то образом примирить интересы государства и его правящей верхушки с созидательной энергией народа. Это может быть достигнуто только при готовности элиты пожертвовать толикой власти в пользу общества.

6.

Нет нужды подробно расписывать возможные программы реформ для Советского Союза и его колоний. Гораздо полезнее указать те принципы, которые должны быть воплощены в этих реформах, чтобы принести успех. Основная задача заключается в том, чтобы поставить созидательные силы страны на службу обществу, ликвидировать разрыв между интересами общества и личной выгодой, стремление к которой составляет в настоящее время цель жизни подавляющего большинства граждан коммунистических стран, включая их руководителей. Существенными представляются три реформы.

Во-первых, реформа того, что называется законностью. Гражданин коммунистического общества необязательно должен участвовать в законодательном процессе — этим правом номенклатура по доброй воле никогда не поступится, — но он должен быть уверен в том, что принятые законы обязательны для всех, в том числе и для представителей власти. Для нормального функционирования общества совершенно необходимо, чтобы гражданин знал, что он может, а чего не может делать. Между прочим, это непреложное условие означает строгий юридический контроль над партией и государственной бюрократией, конец унаследованного от царизма традиционного представления о том, что слуги правительства находятся выше закона. Поскольку законность совместима с авторитарными методами правления, это новшество не должно показаться неприемлемым, если номенклатура решится на проведение реформ.

Вторая реформа должна открыть более широкий простор для частного предпринимательства. "Первая" экономика должна сомкнуться со "второй" и усвоить ее динамизм. Это, вероятно, потребует децентрализации управления хозяйством, роспуска колхозов, внедрения в промышленность и сельское хозяйство подрядного принципа в качестве правила, а не исключения, и передачи в руки частника значительной части производства товаров массового потребления, а также сектора бытовых услуг. Следствием такой реформы была бы смешанная экономика, при которой государство и его партийная верхушка сохранили бы свою огромную власть, но не сдерживали бы развитие производительных сил. Частичная потеря власти в сфере управления народным хозяйством была бы с лихвой возмещена увеличением продуктивности.

Третья реформа — децентрализация административного управления Советским Союзом. Номенклатуре придется признать, что время колониализма прошло и ей никогда не удастся создать синтетический "советский народ", растворив этнические меньшинства в русской среде. Маловероятно, чтобы советское правительство добровольно раздробило СССР на самостоятельные республики, но можно представить себе ту или иную форму подлинного федерализма с широким самоуправлением для меньшинств. Для этого потребовалось бы лишь превратить конституционные фикции в реальность. Такой шаг существенно смягчил бы напряженность нынешних отношений между народами Советского Союза.

На первый взгляд может показаться, что судьба реформ в коммунистических обществах представляет для граждан других стран чисто теоретический интерес. В конце концов, не их дело учить русских жить. Важно лишь, чтобы Советский Союз соблюдал международные нормы поведения и воздерживался от агрессии. Но есть глубокая связь между внутренней системой страны и ее поведением в мире. Советский милитаризм и агрессивность вовсе не являются, как многие полагают, результатом мифической паранойи, вызванной столетиями иностранных интервенций. Достаточно чуть пристальней взглянуть в историю России, чтобы понять, что эта страна сама совершала агрессию

против своих соседей гораздо чаще и упорнее, чем соседи против нее.¹ Империализм присущ советской системе частью потому, что ее правящая элита не имеет иных оправданий для сохранения своей власти и привилегий, кроме как создание призрака постоянной внешней угрозы самому существованию страны, частью же потому, что проявления внешней мощи призваны компенсировать гражданам те лишения, которые они терпят у себя дома. Корень проблемы — и главная угроза миру во всем мире — это политическая и экономическая система сталинизма, которую наследники Сталина сохранили, хотя и отправили создателя этой системы в небытие. Пока номенклатура остается такой, какова она сейчас, пока в Советском Союзе царит беззаконие, пока скована творческая энергия его народов, никто в мире не может чувствовать себя в безопасности.

7.

Ключ к миру, следовательно, лежит во внутреннем преобразовании советской системы: в экономической децентрализации, в расширении масштабов подрядных работ и свободного предпринимательства, в национальном самоопределении. Препятствия на пути к таким реформам огромны. Номенклатура будет сопротивляться изменениям всеми силами и так долго, как только сможет, другими словами — до тех пор, пока сможет компенсировать свои внутренние провалы триумфами за рубежом. Она всегда предпочтет агрессивную внешнюю политику решению внутренних проблем, ибо в первом случае можно тактическими маневрами выиграть время, внутренние же проблемы требуют структурных изменений, решиться на которые гораздо труднее.

В любой стране большинство населения мало интересуется внешней политикой. Люди могут быть уязвлены унижениями, которые переживает их страна, и воодушевлены ее триумфами, но все эти события лишь косвенно задевают их. Зато домашние дела имеют к ним прямое и непосредственное отношение: здесь каждый гражданин — эксперт. В соревновании с демократиями, которые хотят только, чтобы их оставили в покое, чтобы они могли следовать своим коммерческим интересам, правительства, подобные советскому, могут занимать только наступательную позицию. Дома же, напротив, они всегда ведут оборонительную кампанию против собственного народа, который, конечно, пользуется любой возможностью, любым признаком слабости, чтобы захватить себе больше экономической, да и политической свободы. Отнять у него присвоенные им позиции очень трудно.

Сталинистская система, ныне господствующая в Советском Союзе, пережила себя. Силы, влекущие ее к переменам, становятся почти неодолимыми.

Если Советский Союз обратит свою энергию вовнутрь, его политика неизбежно станет менее милитаристской и экспансионистской. Реформы в СССР, как уже сказано, возможны лишь в том случае, если номенклатура частично поступится властью в пользу управляемого ею народа, ограничит самоуправство своих представителей и позволит закону и договорным отношениям сменить бюрократический произвол. Все что ни делается в этом направлении будет тормозить безудержное дотоле стремление режима к

¹ В 1898 г. императорский Генеральный штаб завершил изучение боевых действий русских войск на протяжении нескольких веков. В заключительном томе редактор заверяет читателей, что они могут гордиться прошлым своей страны и уверенно глядеть в будущее: из 38 военных кампаний, которые Россия вела за последние 200 лет, 36 были наступательными и лишь две — оборонительными. (Н.Н.Сухотин, Война в истории русского мира. СПб, 1898).

завоеваниям, ведь как бы ни льстила мощь России ее гражданам, у них есть и другие заботы, ближе к дому. Огромное дело внутреннего переустройства России немислимо при сохранении военных расходов на нынешнем уровне. Сокращение же военного бюджета потребует более миролюбивой внешней политики. Другими словами, чем сильнее давление, заставляющее коммунистические режимы заниматься подлинными проблемами дома, а не искусственно созданными кризисами за рубежом, тем больше эти режимы зависят от своих граждан, тем больше граждане способны отвлекать помыслы правителей от внешнеполитических авантюр. Об этом когда-то писал Энгельс:

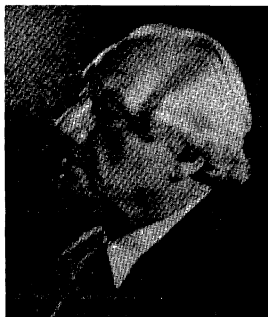
”Вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест на традиционной завоевательной политике своих царей и вместо фантазий о мировом господстве заняться своими собственным жизненными интересами внутри страны, интересами, которым угрожает крайняя опасность.”¹

Тем, кто сомневается в правоте этих слов, достаточно обратиться к событиям в Китае после смерти Мао. Пока диктатор правил Китаем, страна проводила чрезвычайно жесткую внешнюю политику, грозя поджечь Третий мир кампаниями за ”национальное освобождение” и не страшась ядерной войны. В свое время Вашингтон настолько серьезно отнесся к этой угрозе, что послал в другое полушарие сотни тысяч военнослужащих, чтобы доказать свою способность противостоять китайской опасности. Однако преемники Мао перешли к модернизации экономики, и как только это решение было принято, воинственные заявления и авантюры прекратились как по мановению волшебной палочки. Перестройка экономики повлекла за собой ряд реформ, включая децентрализацию управления, роспуск народных коммун, предоставление большей свободы частному сектору. Одновременно были сделаны попытки укрепить законность в отношениях между государством и населением. Бюрократия потихоньку саботировала эти новшества, тем не менее они оказали поразительное влияние на внешнюю политику. Конечно, Россия — не Китай. И все же почему бы не повторить его опыт?

Отсюда следует важный урок для западных политиков. Им следует сделать все возможное, чтобы помочь внутренним силам, которые толкают правителей к переменам. Силам, которые подтачивают сталинистские основы коммунистических режимов. Им, этим силам, можно помочь прежде всего твердым сопротивлением советской экспансии и военному шантажу: такое сопротивление помешает номенклатуре компенсировать внутренние провалы триумфами за рубежом. Во вторых, отказывая советскому блоку в экономической помощи, можно усилить давление на его разваливающуюся экономику. Это подтолкнет коммунистические режимы к общей либерализации и примирению с Западом, станет способом уменьшить военные расходы и получить от Запада помощь для модернизации.

Опыт учит, что попытки сдерживать советскую агрессивность при помощи смеси наказаний и наград не достигают цели, ибо они направлены на внешние симптомы болезни, а не на ее причину, то есть не на политическую и экономическую систему, которая вызывает агрессивное поведение. Следовательно, Запад в собственных интересах должен поощрять антисталинистские силы и процессы в советском блоке. Наша политика должна быть нацелена не на то, чтобы подорвать коммунизм, а на то, чтобы дать коммунизму подорваться самому. ●

¹ Ф.Энгельс, О внешней политике русского царизма. Die Neue Zeit, Stuttgart, vol. VIII, 1890.

Двадцать лет назад в Мюнхене умер русский философ Федор Августович Степун. Он был одной из последних звезд угасшего на наших глазах поколения мыслителей начала века, времени, которое называют Серебряным веком русской культуры, хотя в истории русской философии оно было скорее золотым веком и вместе с тем — ее блестящим закатом. Ф.А.Степун учился академической философии в Гейдельберге, затем вернулся в Россию, где много писал и читал лекции по эстетике, религиозной философии и литературе. После Февральской революции он принял весьма активное участие в политических событиях, был делегатом Первого Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, занимал пост начальника политического отдела военного министерства при Временном правительстве, но довольно скоро понял, что не годится для этой роли, и, разочаровавшись в Керенском, отошел от политической деятельности. В 1922 г. Степун был выслан из Советской России вместе с Н.Бердяевым, С.Франком, Н.Лосским и другими. Все остальные годы своей жизни он прожил в Германии. Здесь были опубликованы важнейшие из его произведений послереволюционного периода: "Лик России и лицо Революции", "Большевизм и христианское существование", философский роман в письмах "Николай Переслегин".

Яркое литературное творчество Ф.А.Степуна, мыслителя романтического склада, сумевшего соединить абстрактную мысль с художественным воображением, находится в известном противоречии с его собственным учением о принципиальной враждебности жизни и творчества, которое, как он считал, всегда заканчивается крушением, ибо творческий акт неспособен охватить жизнь и выразить ее мистическую сущность. Можно говорить только о подлинности творчества, которая достигается эротическим погружением творца в свой предмет. Однако бездуховное общество, "отменившее человека", отменяет и внутреннюю трагедию творчества: художник, находящийся на службе у "тоталитарной демократии" (термин, которым Степун обозначает коммунистический и фашистский режимы), превращается в имитатора искусственной действительности. Такова в двух словах проблематика собственно философских построений Ф.А.Степуна; подобно другим представителям "философии жизни", с которой у него много общего, он не создал замкнутой системы, и его учение скорее можно назвать философствованием на вечные темы. В изгнании Степун глубоко задумался над причинами победы коммунизма в России; он полемизировал с Бердяевым, для которого советский режим был законным детищем русской истории, но отмежевался от идеологов разгромленного белого движения, убеждавших себя и других, что революция — результат западной инфекции и дело рук инородцев.

Журнал "Страна и мир" обратился к известному западногерманскому писателю и литературному критику Гансу-Эгону Хольтузену с просьбой рассказать о Федоре Степуне. Сокращенная запись беседы, которую вели с Г.-Э. Хольтузеном Юрий Мельников и Борис Хазанов, приводится ниже. Мы предлагаем читателю также несколько фрагментов из мемуаров Ф. А. Степуна "Бывшее и несбывшееся", выпущенных в 1956 г. издательством им. Чехова (Нью-Йорк) и давно ставших библиографической редкостью.

В последний раз я видел Федора Степуна перед самой его кончиной: это было вечером 23 февраля 1965 года, через несколько дней после того, как ему исполнился 81 год. Мы возвращались из Баварской Академии изящных искусств, где он выступал с докладом, он все еще был возбужден, с жаром разглагольствовал о чем-то, наконец машина остановилась перед его домом, он попрощался со мной, вылез и, не дойдя до подъезда, упал. Его успели поднять наверх, через несколько минут он умер.

Наше знакомство продолжалось, я думаю, лет восемнадцать. У меня был знакомый врач, русский эмигрант по имени Габричевский, человек почти святой, похожий на князя Мышкина. Не удивляйтесь, мы ведь привыкли видеть Россию и русских сквозь литературные очки. Уверяю вас, это не худший способ любить чужую страну... Ну так вот, этот Габричевский представил меня однажды Степуну. Оказалось, что мы соседи, мы вместе жили в Швабинге, — между прочим, недалеко от вашей редакции. У Степуна и его жены Наташи была квартира на Айнмиллерштрассе, той самой улице, где когда-то

жил Василий Кандинский... Степуна многое связывало с Германией, в том числе и происхождение: если не ошибаюсь, его предки были выходцами из Восточной Пруссии. Перед Первой мировой войной он защитил в Гейдельберге диссертацию о Владимире Соловьеве. Словом, можно понять, почему он в двадцать втором году очутился не в Париже, как Бердяев и большинство других, изгнанных из России вместе с ним, а у нас. Через несколько лет он получил кафедру в Дрездене. В 1937 году нацисты выгнали его из университета, потом началась война, он уехал в деревню и жил в каком-то домишке возле Тегернзее, провел там все эти страшные годы... Зато после войны все изменилось, специально для него была основана кафедра "духовной истории России" — так она называлась — в Мюнхенском университете; в Мюнхене мы и познакомились и, смею сказать, подружиться.

Вы спрашиваете, как можно было русскому интеллигенту, патриоту своей страны, — а Федор Степун был истинный патриот, он сам говорил, что Германия вернула его к "русскости", — вы спрашиваете, как можно было жить в этой стране и в это время, не заключая сделки со своей совестью. Позвольте мне сказать то, в чем я глубоко убежден: Степун не был конформистом. Мы сами пережили нечто подобное. Что делать человеку, если почему-либо он не может эмигрировать, если уму некуда деться, если вдобавок он врос в немецкую культуру, укоренился в языке? Существует понятие внутренней эмиграции. В годы нацизма и войны Степун сделался, если можно так выразиться, двойным эмигрантом. Две революции он увидел своими глазами, сначала социалистическую в России, потом национал-социалистическую в Германии, и, так сказать, закончил здесь свое образование. Я знаю, что он занял видное место в духовной жизни своей страны еще до отъезда из России. Но по-настоящему он "созрел", если угодно, лишь здесь.

Мне кажется очень важным подчеркнуть, что он был противником не только большевизма, но и нацизма. Видите ли, — вам, собственно, это известно лучше, чем мне, — большевизм выступал, по крайней мере на первых порах, под интернационалистическими лозунгами. Нацизм же и на словах, и на деле был движением националистическим. Многие национальные романтики угодили в его сети. У себя на родине Степун испытал сильное разочарование в либеральной политике Керенского, в либерализме вообще. Сам Степун не был практическим политиком. Он был романтиком, я бы сказал — консервативным романтиком. Ему было свойственно трагическое переживание жизни; для человека такого умонстроения Любовь и Смерть — это полюсы существования. Он выступал, например, за сохранение смертной казни, что, на мой взгляд, тесно связано с национализмом. Все это, знаете ли, сильно напоминает тот хорошо известный комплекс, который у нас здесь, в Западной Европе, многих привел к фашизму. Консервативный романтизм выражен в формуле Эллиота: "В политике я роялист, в поэзии классицист, перед Богом — католик". Но в противоположность Эллиоту, Степун не был ни анти-семитом, ни вообще человеком, сколько-нибудь восприимчивым к идеологии фашизма. Он очень интересовался социологией, правда, не совсем в том смысле, который сейчас вкладывается в это слово, и достаточно рано — если не ошибаюсь, еще в 1910 году — распознал новый тип человека XX столетия, который шел на смену *belle époque*, "прекрасной поре", как ее называли, и который тогда только нарождался: военизированный, спортивный, молодежный, с особой отрывистой манерой говорить, короче — фашистский тип. Я думаю, что иммунитет Степуна по отношению к фашизму был связан прежде всего с двумя обстоятельствами: во-первых, с его пониманием христианства, во-вторых — с тем, что он видел нацизм вблизи, так сказать, невооруженным глазом. Для него в нацизме не было ничего романтического. "Нацизм — плоско смонтированная бессмыслица. Большевизм — глубоко внедренное безумие". Красивое *mot*, не правда ли? Он был мастером таких изречений. Вот, например, еще одно: "Крушение монархии было победой революционного университета над реакционным министерством."

Вообще Степун, надо вам сказать, был прирожденным оратором. Конечно, не такого

типа, как Ленин, у которого, по-моему, было что-то, чрезвычайно сближавшее его с народом; но Степун был тоже весьма далек от того, что называется кабинетным мыслителем, и не принадлежал к тем, кто выражает себя исключительно в письменном слове. Я бы сказал, что он всегда был где-то посредине между Bühne и Tribüne, сценическими подмостками и политической трибуной. Не зря он отдал дань и театру, и политике.

Кстати, мне вспоминается один случай, это было тоже тут, в Мюнхене, в 1954 году, когда мы отмечали семидесятилетие Степуна. Настоящий русский праздник, с водкой, с замечательным угощением, которое приготовила Наташа. Собралась тьма народу. Степун был великолепен, весел, остроумен, расхаживал среди гостей. Вдруг какой-то старик, сидевший молча в углу, встал и попросил слова. Он говорил десять минут, по-французски, безукоризненным языком, и закончил свой спич в честь Степуна словами: Vive la R-russie! — знаете, так по-славянски с раскатистым "р". Я спросил у соседа: кто это? "Керенский", — сказал он...

К тому, что я говорил выше, я бы еще добавил, — если вы разрешите мне продолжить эти мысли вслух, — что мирочувствие Федора Степуна было окрашено особым эротизмом. Он был сыном той самой "прекрасной эпохи", о которой я уже упомянул и которая вся дышала особым парфюмерным эротизмом: военные мундиры, изысканность и избыточность туалетов дам... — он описал эту эпоху в "Переслегине". Но дело не только в этом. Тема романа "Николай Переслегин" — воспринятое от Соловьева противопоставление чувственности и любви, напряжение между этими полюсами. А далее — эротика национализма, влечение к стихии народного духа, любовь к родине как эротическое переживание. Все это, знаете ли, и нам очень знакомо.

Что за человек был Федор Степун? Я уже говорил, что всю войну (и первые послевоенные годы) Степун прожил в деревне, на берегу Тегернзее в Баварских Альпах. Сам я был, естественно, на фронте; возвращаюсь и встречаю одного знакомого, который побывал у нашего русского друга. И вот он рассказывает: над столом у Степуна висят три портрета Федора Степуна. "Вот это, — сказал хозяин, указывая на первую фотографию, — портрет профессора Степуна до Николая Переслегина. Это (вторая фотография) — во время Переслегина. А это (третья) — портрет Степуна после Переслегина!" Таким образом, все, о чем я вам рассказывал, было "после Переслегина". Степун был тщеславен. А кто из писателей не тщеславен, не чувствителен к известности и вниманию? Важно, с какими свойствами души соединяется эта черта. Если она сочетается с человеколюбием, с любовью и вниманием к другим, — тогда с тщеславием легко примириться, оно становится даже симпатичной чертой. Степун был для нас всех во многих отношениях образцом русского человека, — я бы сказал, полномочным представителем Святой Руси. Это был необычайно добрый, щедрый и открытый человек. Здесь, в этом городе, он стал живой легендой. Он всегда был окружен людьми. Правда, это были по преимуществу не литераторы — может быть, по той самой причине, о которой я только что сказал. Окружали его главным образом светские люди, врачи, адвокаты, кое-кто из представителей первой русской эмиграции — и, конечно, красивые женщины.

Мне остается ответить на ваш последний вопрос. Каким он был в жизни? Фотография,¹ которая была помещена в номере "Süddeutsche Zeitung" от 25 февраля 1965 года, рядом с написанным мною некрологом, очень похожа. Но, пожалуй, он выглядит на ней чересчур аккуратно причесанным. На самом деле он был похож на русского крестьянского Бога. Громадная голова, лучше сказать — глава, с развевающимися белыми волосами. Среднего роста, полный, даже тучный. Шумный, многоречивый, размахивающий

¹ Воспроизведена на стр. 60. — Ред.

руками, бесконечно обаятельный. Homme de fortune, человек удачи, — хоть и эмигрант. И умер он счастливой смертью.

Видите ли, у всех нас была общая родина — старая христианская Европа. Духовная родина, где ты вырос, куда можно съездить на время, — в конце концов, в прошлое можно путешествовать, как путешествуют в дальние страны. Но жить в этой Европе больше невозможно, по той простой причине, что ее больше нет. ●

Федор СТЕПУН

БЫВШЕЕ И НЕСБЫВШЕЕСЯ

Первый съезд советов. "Есть такая партия!"

Убеждение, что в случае дальнейшей отсрочки заключения мира Ленин одержит легкую победу над Керенским, сложилось во мне уже на первом Всероссийском съезде советов, где военный министр как будто бы одержал блестящую победу над большевиками.

Начавшийся 3 июня, Съезд длился очень долго, чуть ли не около трех недель. Только что вызванный Станкевичем с фронта, я с тоскою и тревогою ходил накануне открытия Съезда по классам и залам Кадетского корпуса, присматриваясь и прислушиваясь ко всему происходящему.

Момент созыва Съезда внушал революционной демократии большие опасения. Подготавливая наступление, Керенский ощутимо натягивал вожжи. Только что за несвоевременностью был запрещен Украинский воинский съезд и восстановлена статья 129 старого уголовного положения, угрожавшая тремя годами тюрьмы за подстрекательство к уголовным преступлениям, неподчинение властям и натравливание одной части населения против другой. В армии за неповиновение начальству, братание и сношение с неприятелем вводились еще более тяжелые кары в виде катаржных работ, лишения избирательных прав, лишения прав на землю и т.д.

Весьма раздражало демократию и то, что одновременно со Съездом советов в Петрограде заседали Офицерский и Казачий съезды и нарасхват раскупалась простонародьем "Маленькая газета" талантливых братьев Сувориных, которая под флагом независимого социализма твердо держала буржуазный курс и не без успеха шопотом призывала к национальной диктатуре.

Приезд делегатов начался задолго до торжественного открытия Съезда. Огромное здание Кадетского корпуса уже к первому июня было запружено чуть ли не двухтысячной толпой, провинциальная часть которой тут же и ночевала. В синих от табачного дыма гулких коридорах стоял неумолкаемый шум. Вокруг бойких ораторов и делегатов с мест жадно теснились возбужденные слушатели. Чтобы понять, какие где ведутся речи, знакомому с советской средой человеку не нужно было прислушиваться к ним. Намеганному глазу издали было видно, какого толку жестикулирующий в конце коридора или в углу класса оратор. Левых социалистов-интернационалистов окружали потрепанные серо-черные пиджаки; большевиков — те же пиджаки, но с сильною примесью распоясанных и расстегнутых солдатских гимнастеров. Вокруг правительственных партий, блок которых (как впоследствии выяснилось) составлял пять шестых съезда, широко разливался защитный цвет, на фоне которого виднелось много офицерских, главным образом прапорщичьих кителей и вполне приличных интеллигентских пиджаков.

Особенно сильная давка замечалась, как всегда, у книжных киосков и в тесной, мрачноватой столовой, где шла постоянная борьба за стакан чаю и тарелку щей.

Вдали ото всей этой суматохи и суеты, за закрытыми дверями огромных классов, где еще недавно чинно сидели за партами стриженные машинкой кадеты в своих туго перетянутых ремнями форменных рубашках, шли непрерывные фракционные заседания. Правые эсеры делали последние усилия, чтобы справиться с возникшей в партии левой оппозицией Комкова. Правые меньшевики вели такую же борьбу со своим теоретически сильным, но практически слепым, крайне интернационалистическим крылом. Благодаря такому аналогичному расколу в обеих партиях, традиционное разделение революционной демократии на народников и марксистов осложнялось тактическим объединением правых народников с марксистским центром и левых марксистов-интернационалистов с левыми эсерами интернационалистами, настроенными на большевистский лад.

Этот сложный переплет фракционных точек зрения запутывала еще и скрытая от непосвященных глаз борьба между евреями-националистами и интернационалистически настроенным еврейством. На почве быстро развившегося меньшинственного сепаратизма и той большой роли, которую евреи играли в Совете рабочих и солдатских депутатов, эта внутриеврейская борьба приобретала очень большое значение в политике русских меньшевиков. Гномообразный, желтолицый Либер с ассирийской бородой настойчиво защищал национально-культурную автономию, а бритый, скептически-брезгливый Суханов считал членом незадолго до Съезда советов собравшейся в Киеве Украинской рады за "безответственных интеллигентов и патриотов несуществующего украинского народа".

Нетрудно себе представить, что при таком положении вещей всякий попадавший в советский аппарат вопрос бесконечно затягивался решением. Обыкновенно он вообще не разрешался, а лишь перетирался на идеологической терке. За редкими исключениями в результате многодневных прений вызревало не решение, а всего только ничего не разрешающая резолюция.

Полагаю, что большинство советских лидеров прекрасно понимало ненормальность создавшейся практики, но отойти от навыков своей работы не могло; просто не знало, что же вообще можно делать в жизни, если не заседать, не обсуждать докладов, не выносить резолюций и, главное, не бороться с правительством. Все несчастье заключалось в том, что годами налаженный, освященный традицией и "кровью героев" партийный аппарат и в новой обстановке продолжал работать по-старому.

Остановить эту бесплодную работу революционная демократия не могла, не рискуя остаться не у дел. Не мог остановить ее, то есть попросту разогнать Совет, как требовали правые круги, и Керенский, так как в мешавшем ему управлять страной многофракционном демократическом аппарате было объединено большое количество преданных ему политических сил, без поддержки которых ему было бы очень трудно вести борьбу против правых элементов. Правда, в победе правых ничего угрожающего не было: революция смела столь многое, что о возврате к старому не могло быть и речи. Страшно было лишь то, что роспуск Совета усилит позицию большевиков, которые, в отличие от правых, с самого начала имели все шансы на победу.

Искренне защищая на этом основании Всероссийский совет рабочих и солдатских депутатов, как необходимый при создавшихся условиях базис власти, я приходил в полное отчаяние при виде того, что творилось на его заседаниях: бесконечно-многословные доклады и бесконечные прения по ним, ни малейшего чувства эпохи и темпа событий, болезненный интерес к тончайшим оттенкам отвлеченных точек зрения и полное отсутствие серьезной озабоченности фактическим состоянием России. Во время немногих деловых докладов — полупустующий зал и зевки на всех скамьях. Общее впечатление то, что для "товарищей" Россия — труп, на котором они со страстью изучают анатомию революции.

Занятый организацией своего культурно-просветительного отдела, я не очень часто заглядывал в Кадетский корпус и ничего, кроме общего удручающего впечатления, не выносил.

Ярким пятном стоит в памяти лишь появление Ленина. Тайнственно скрывавшийся в недрах своей партии вождь впервые выступил на Съезде после докладов Либера и Церетели по вопросу о власти, то есть по вопросу об отношении к Временному правительству. В длившихся целых пять дней прениях Ленин говорил одним из последних. Хорошо помню, что время ораторов было уже ограничено пятнадцатью минутами.

Из 777 делегатов с установленной партийностью большевиков было всего только 105 человек. Говорить среди врагов много труднее, чем среди единомышленников. Впрочем, Ленину было на что опереться и во враждебной ему аудитории. Как-никак он был знаменитостью и возбуждал к себе величайший интерес.

Первое впечатление от Ленина было впечатление неладно скроенного, но крепко сшитого человека. Небрежно одетый, приземистый, квадратный, он, говоря, то наступал на аудиторию, близко подходя к краю эстрады, то пятился вглубь. При этом он часто, как семафор, вскидывал вверх прямую, несгибающуюся в локте правую руку.

В его хмуром, мелко умятом под двухэтажным лбом руссешем, с монгольским оттенком лице, тускло освещенном небольшими, глубоко сидящими глазами, не было никакого очарования; было в нем даже что-то отталкивающее. Особенно неприятен был жестокий, под небольшими подстриженными усами брезгливо-презрительный рот.

Говорил Ленин немзыкально, отрывисто, словно топором обтесывая мысль. Преподавал он свою серьезную марксистскую ученость в лубочно-упрощенном стиле. В этом снижении теоретической идеи надо, думается, искать главную причину его неизменного успеха у масс. Не владея даром образной речи, Ленин говорил все же очень пластично, не теряя своеобразной убедительности даже при провозглашении явных нелепостей. Избегая всякой картинности слова, он лишь четко врезал в сознание слушателей схематический чертеж своего понимания событий. Был в его распоряжении и юмор, не тонкий, но злой. Самое же главное, что связывало Ленина с рабочей аудиторией, была непосредственно ощущаемая в нем привязанность — не любовь — к рабочему классу. Недаром он за границей, как рассказывает Крупская, охотно обедал в рабочих харчевнях не ради дешевизны, а потому что в них, по его мнению, готовили вкуснее, чем в дорогих ресторанах.

Содержание ленинской речи произвело на всех присутствующих, не исключая и некоторых большевиков, впечатление какой-то грандиозной нелепицы. Тем не менее его выступление всех напрягло и захватило.

Прежде всего Ленин заявил, что вопреки мнению господина министра почт и телеграфов гражданина Церетели, будто бы в России нет партии, готовой принять всю власть целиком, такая партия в России имеется. Большевики не только в принципе готовы принять всю власть, но готовы сделать это завтра же.

Переходя к вопросу внутренней политики, Ленин удивил всех предложением немедленно же арестовать несколько сот капиталистов, дабы сразу прекратить их злостную политическую игру и объявить всем народам мира, что партия большевиков считает всех капиталистов разбойниками.

По вопросу о внешней политике прославленный вождь отделался заявлением, что после принятия власти его партия немедленно выступит с предложением всеобщего мира. Нового в этом ничего не было, так как предложения о заключении мира уже не раз делались, как Временным правительством, так и Советом. О сепаратном мире не было сказано ни слова.

Ленину с большим ораторским подъемом и искренним нравственным негодованием возражал сам Керенский. С легкостью разбив детски-примитивные положения Ленина, он все же не уничтожил громадного впечатления от речи своего противника, смысл

которой заключался не в программе построения новой жизни, а в пафосе разрушения старой.

Многочисленные враги Ленина чаще всего рисуют его начетчиком марксизма, схоластом, талмудистом, не замечая того, что кроме марксистской схоластики в Ленине было и много бакунинской мистики разрушения. Быть может, Ленин был на Съезде единственным человеком, не боявшимся никаких последствий революции и ничего не требовавшим от нее, кроме дальнейшего углубления. Этою открытостью души навстречу всем вихрям революции Ленин до конца сливался с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс. Не буди Ленин самой ухваткой своих выступлений того разбойничьего присвиста, которым часто обрывается скорбная народная песнь, его марксистская идеология никогда не полонила бы русской души с такой силою, как оно, что греха таить, все же случилось.

После обсуждения вопроса об отношении к власти перешли к обсуждению вопроса о войне. Многочасовой доклад скучно читал хриплый Дан-Гуревич. Снова в многодневных прениях выступили все ораторы от Керенского до Ленина. Благодаря тесной связанности обоих вопросов, во всех речах повторялись все те же мысли и даже те же обороты речи, что и в предыдущих прениях. Казалось, что перед тобою вертится какая-то словесная карусель. Было и безнадежно скучно, и предельно страшно: как раз в эти дни на Юго-западном фронте шли последние приготовления к наступлению, а по Петрограду расползались слухи о готовящемся выступлении большевиков в целях свержения Временного правительства.

Несмотря на то, что громадное большинство Съезда явно стояло на стороне Временного правительства, оппозиционные течения все же вели страстную борьбу против лидера правительственного большинства Ираклия Церетели (нельзя же не использовать всероссийской народной трибуны). Группа Мартова непонятным образом защищала идею всеобщего перемирия, не вдаваясь в обсуждение вопроса о мире. Сухановцы хитроумно, но беспредметно ратовали за немедленный разрыв с союзниками и "за сепаратную войну революционной России с империалистической Германией" в случае, если бы последняя и после разрыва Петрограда с Парижем и Лондоном не отказалась от своих "грабительских" целей.

Большевики же шли еще дальше, проповедуя священную войну русской революции против всех европейских империализмов за освобождение всех попранных народностей Азии и Африки.

По сравнению с этими беспредметными программами правительственный план — восстановление боеспособности революционной армии и оказание дальнейшего давления на европейскую демократию, а через нее и на союзнические правительства, в целях прекращения войн, — казался верхом политической разумности. Керенский в эту разумность верил.

В июне 1917 года мало кому было ясно, *насколько легче революции входят в логику своего безумия, чем в разум своей истины.*

Октябрь

Монументальность, с которою неистовый Ленин, в назидание капиталистической Европе и на горе крестьянской России, принялся за созидание коммунистического общества, сравнима разве только с сотворением мира, как оно рассказано в книге Бытия.

День за днем низвергал он на взбаламученную революцией темную Россию свое библейское: "да будет так".

Да будут солдаты дипломатами и да заключат они на собственный риск и страх перемирие с неприятелем...

Да будут рабочие контролерами промышленности: пусть раскрывают торговые книги фабрикантов, пусть сами устанавливают размеры производства и цены на фабрики.

Да будут бедняки хозяевами земли.

Да перейдут помещичьи земли в распоряжение земельных комитетов.

Да будут народы России хозяевами своей судьбы: если им мало самоопределения в пределах России, пусть отделяются от нее.

Да будут школьники хозяевами школы: пусть их коллективной воле подчиняются учителя и родители; в детях, а не в стариках залог счастья грядущего мира.

Да будут художники глашатаями будущего.

Да здравствуют футуристы, ломающие старые формы искусства, как революция ломает формы старого быта.

Да не будет Бога, да не будет церкви, да будет коммунизм.

Декреты оглашались один за другим, но коммунизма не получалось.

В ответ на ленинские "да будет так", жизнь отвечала не библейским "и стало так", но всероссийским "и так не стало". Перенесенное в плоскость человеческой воли творчество из ничего не создало новой жизни, а лишь разрушало старую.

Увидав это и испугавшись сделанного, большевики решительно переменили курс. Как бы вспомнив победоносцевское: "Россию надо подморозить", они отказались от своего анархо-коммунистического законодательства и повели энергичную борьбу за централизацию и бюрократизацию власти.

Под наркозом соответственно измененной агитации началась быстрая демобилизация всякой власти на местах. Рабочий контроль был перемещен в "главки". В Москве появились всевозможные "главбумы", "главлесы", "главсахары" и т.д. Власть волостных земельных комитетов была сильно урезана. Власть в школах была возвращена учителю-коммунисту, а в армии комиссару и красному офицеру. Национальностям, входящим в состав России, было объявлено, что самоопределяться вплоть до отделения могут только свободные, то есть управляемые коммунистическими советами народы. Практически это означало, что отделяться от РСФСР имеют право лишь те национальности, которым и в голову не может придти отделиться от Красной Москвы. За желающими же отделиться нациями это право признано быть не может, так как принцип Интернационала не совместим с пережитками мелкобуржуазного национализма.

Под знаком этой своеобразной, но вполне последовательной, с большевистской точки зрения, логики большевики и начали свое кровавое собиранье грозившей распасться России, оправдывая своей политикой мудрое слово Жореса, что малая доля интернационализма удаляет от национализма, а большая — возвращает к нему.

Нельзя сказать, чтобы новая, бюрократически-централизованная система управления устраивала бы жизнь лучше анархо-коммунистической. На починку сарая мужику в "Главлесе" было еще труднее получить тесу, чем в "Волисполкоме". Бумага "Главбумом" отпускалась исключительно на партийную литературу. О сахаре в России в те времена никто не мечтал.

Управу на продолжавшую произвольничать местную власть в высших инстанциях можно было найти только тому, у кого в Москве были личные или партийные связи. Людям без связей лучше было и не соваться в центр, так как вокруг "красных" председателей всевозможных "главков", красных директоров и даже красных писателей и ученых сразу же начала слагаться такая густая атмосфера интриг, доносов, шпионажа и взяточничества, что было трудно дышать и страшно двигаться. Со дня на день креп террор, людей преследовали не только за их деяния и мысли, но и за их бездейственное, немое бытие. Смертные приговоры выносились и приводились в исполнение не в порядке на-

казания за преступление, а в порядке ликвидации чужеродного и потому не пригодного для социалистического строительства материала. Помещики, буржуи, священники, кулаки, белые офицеры так же просто выводились в расход, как в рационально поставленных хозяйствах выводятся в расход одна порода скота ради введения другой.

Под угрозой этого хладнокровного, рационального террора во всей непролетарской России начался небывалый по своим размерам процесс внутреннего и внешнего перекрашивания в защитный цвет революции.

Тысячи и тысячи людей, насильнически выгнанных революционным законодательством и произволом масс из своих помещичьих усадеб, городских особняков и даже скромных интеллигентских квартир, бросали вместе с накопленным добром и весь свой мирозерцательный багаж, дабы хоть кое-как устроиться под спасительной крышей марксистской идеологии. Толпы этих обнищавших, внутренне неприкаянных переселенцев заполняли собою в качестве служащих, а зачастую даже и руководителей всевозможные советские учреждения, придавая жизни неуловимо-призрачный, двоящийся характер. Охваченные со всех сторон партийным шпионажем, эти новоявленные "товарищи" легко запутывались в нем и, спасая себя, выдавали других. Нет сомнения, что безликий и вездесущий шпионаж был самою страшною стороною террористической системы большевизма. Сердце каждого человека билось не в собственной груди, а в холодной руке невидимого "чекиста".

Несмотря на этот ужас, в нашей советской жизни первых лет было нечто, по своей значительности, весомости, а минутами даже и просветленности решительно несравнимое со всем, что мы переживали до революции в России и после нее в Европе. Быть может, В.В.Розанов наиболее точно указал на это ни с чем несравнимое, назвав свои записки о советской жизни "Апокалипсисом нашего времени". Действительно, в первые годы большевистской революции во всех кругах было чувство, что старый мир кончился и что на смену ему идет новое и небывалое...

В нашей внешней до убожества упрощенной жизни в те дни на каждом шагу совершались сложнейшие нравственные процессы, руководить которыми не могли ни привычные точки зрения, ни унаследованные нормы. Чтобы устоять, чтобы огрести себя от самого страшного, от гибели души и совести, надо было иметь живые, неподкупные глаза и владеть даром интуитивного распознавания "духов". Жизнь на вершинах становилась биологической необходимостью; абсолютное "бытие" переставало быть возвышенным предметом философского созерцания и поэтического вдохновения, с каждым днем оно все больше становилось единственно возможною опорой нашей каждодневной жизни. Без веры в свой долг, в свою звезду, в свою судьбу, в Бога нельзя было трястись в тифозном вагоне за хлебом для стариков и детей, нельзя было быть уверенным, что близкий человек не предаст тебя на допросе и что ты сам скорее умрешь, чем предашь его.

Так всякий час, всякий взор, всякий жест наполнялись предельною серьезностью и первозданным значением.

Это вынужденное восхождение душ — о, конечно, не всех, но тех, в которых спасалась душа России, — к вечным ценностям глубже всего свершалось в Москве, которая не была отнюдь только грязным и разваливающимся, но и совершенно фантастическим городом, в котором призрачно переплетались все времена и пространства русской истории.

В центре и на окраинах высились недостроенные дома, леса и стены которых быстро разбирались населением на разные домашние нужды, главным образом на дрова и печки. Тут время текло не вперед, а как бы вспять. По-новому ощущались и пространства Москвы. По всему городу, в особенности же в кольце Садовых, просторными пустырями переливались через растасканные заборы еще Герценом прославленные московские

дворы. По этим просторам в разные стороны разбежались утопанные тропки, по которым с утра до ночи с оглядкой спешил нагруженный кладью люд. На предвокзальных площадях древними кочевьями темнели толпы народа, сутками ожидавшие отхода поезда. Изредка по заваленным мусором улицам проходили непривычные для городского глаза крестьянские обозы, запряженные мелкорослыми тощими лошаденками. По ночам от всеобщего беспорядка часто горели деревянные окраины города. Тогда казалось, что Москва бежит от француза и, спасаясь, сжигает себя.

Особенно призрачно бывала Москва зимою: сравненные с мостовой тротуары, суженные снежными заносами улицы, целые сугробы на площадях и особенно на ветреных перекрестках; фонари не горят, окна темны. В Кремле злой и таинственный враг. В белесой от снега темноте изредка слышатся торопливые шаги запоздалых прохожих.

Помню, как мы с Наташей возвращались однажды ночью с Арбата на Тверскую. Может быть, потому, что уж очень призрачен и мертвенен был лунный свет, идти было страшнее чем обыкновенно. Шли мы озираясь, нет ли где за углом чекиста-опричника или просто пьяного хулигана с наганом за пазухой. Вдруг позади послышался скрип полозьев. Мы невольно остановились пропустить сани. Когда с нами поровнялись горой нагруженные розвальни, мы с ужасом увидели, что из-под прикрывающего кладь брезента торчат голые человеческие ноги...

За годы военного коммунизма всего не хватало в Москве. Люди тысячами умирали с голоду, от тифа и "испанки". Очереди на гробы были такие же длинные, как на хлеб. Только одного было вдоволь — трупов в анатомическом театре. По свидетельству известного врача, у большинства из них были прострелены затылки.

Две революции. Духовная жизнь на развалинах

Величайшая разница между национал-социалистической и большевистской революциями заключается в том, что национал-социалисты все заранее продумали, большевики же в технических отношении переворота не подготовили. Национал-социалисты пришли к власти с готовыми списками министров, гаулейтеров (губернаторов) и всех остальных более или менее важных государственных чиновников и партийных руководителей. В портфелях этих будущих правителей задолго до переворота лежали детально разработанные планы постепенных мероприятий по переустройству либерально-парламентарного государства в однопартийную диктатуру вождя — Гитлера. Революционный беспорядок длился в Германии всего только несколько дней. С тревогою "древнего хаоса", которая охватила Россию осенью 1918 года, немецкий беспорядок не имел ничего общего. Это был тот простой профессиональный беспорядок, что неизбежен на всякой фабрике во время расширения дела и установки новых машин. Наскоро установив свои идеологические двигатели и повсюду проложив свои узкоколейные организационно-административные рельсы, национал-социалисты так быстро вынесли сор и вымели двор, что приехавшему извне человеку никак нельзя было догадаться, что в Германии только что произошла величайшая революция.

Казалось бы, из такого положения вещей должна была вытекать гораздо большая, чем в большевистской России, свобода. На самом же деле получилось как раз обратное. По крайней мере год в большевистской Москве можно было говорить и творить вещи, за которые в Германии тебя сразу же посадили бы в концентрационный лагерь. Объясняется это, конечно, не большею либеральностью большевиков, а тем, что в насквозь проорганизованном гитлеровском государстве властям все до последней мелочи было видно и слышно. В России же, благодаря нехватке пригодных для управления лю-

дей, долгое время царил такой хаос, в котором осмотрительному человеку было возможно укрыться от глаз Чека.

Удайся Ленину сразу же на немецкий лад прозрачно заморозить Россию, никому из помещиков, буржуев и политических противников большевизма не удалось бы пережить первого периода революции. Спасибо марксизму за его теорию необходимого разрушения буржуазно-государственного аппарата. Не последуй Ленин этому учению, ему было бы легче скрутить непокорную Россию. Но он последовал. Сразу же разрушил недоразрушенные Временным правительством учреждения и принялся все строить заново. Наскоро созданный им партийно-государственный аппарат работал решительно, но технически из рук вон плохо. Его беспомощность и была нашей свободой.

...Да, все относительно. Кто бы мог думать, что о страшных годах военного коммунизма, в продолжение которых было расстреляно около двух миллионов людей и десятки миллионов погибли от голода, тифа, в ссылке и в гражданской войне, пережившие ежовщину советские граждане будут вспоминать, как о сравнительно легком и даже чуть ли не счастливом времени.

Ужасов в ней было достаточно, но все же она не была сплошным мраком. В ней еще горела напряженная духовная жизнь, еще дышала вера, что все, быть может, скоро сгинет, в ней еще ходило по сердцам и устам слово возмущения и протеста, во многих еще жила надежда на Белую армию...

Ставя на футуристов, как на разрушителей буржуазной эстетики и глашатаев новой революционной культуры, власть инстинктивно понимала, что футуристы в учителя и педагоги не годятся. Создав в столицах очаги пролетарской культуры, так называемые "пролеткульты", она пригласила в качестве преподавателей лучших поэтов предшествующей эпохи. В стихотворном отделе Московского пролеткульта преподавали Вячеслав Иванов, Андрей Белый и Владислав Ходасевич. Вячеслав Иванов, кроме того, работал сначала еще и в театральном отделе наркомпроса. Попытка разъять символическую поэзию на приемлемую для пролетариата методику стихосложения и неприемлемое для него содержание и механически перенести выработанные символизмом литературные приемы в мир революционно-пролетарских сюжетов удачи, конечно, не могла. Все же пока эта неудача выяснялась, "принявшие" по-своему революцию поэты-символисты жили в какой-то иллюзии свободы творчества. Некоторые из них, как например Белый, имели среди молодой пролетарской аудитории определенный успех. Хорошо помню рассказ Белого о том, как горячо молодые пролеткультисты пытались защитить его от нападков узкоколейного марксиста Лебедева-Полянского.

Это подземное просачивание живой воды со временем, как известно, прекратилось. С зимы 1929–30 года в наркомпросе начался период литературного террора. Писатели и поэты подвергались преследованиям и опале решительно за все, так как под категорию контрреволюционности начали подводить не только вредные для пролетарской революции произведения, но и мало для нее полезные. По сравнению с гнетущею скукою этого завершенного безумия мы жили еще богатою духовною жизнью.

В 1922 году в книгоиздательстве "Шиповник" вышел под моей редакцией первый номер одноименного журнала. Выпустить его мне стоило больших усилий. Каждую статью и каждый рассказ приходилось зубами выдирать у цензуры, но зато и результат получился исключительный. В конце концов мы с цензором Мещеряковым, старым большевиком, умным, внимательным и мягким человеком — спасибо ему, — выпустили литературно-философский сборник, ни одним словом не свидетельствующий о том, что он вышел в советской Москве, а не в эмигрантском Париже...

Одною из наиболее центральных фигур философской, да и вообще духовной жизни советской Москвы был вплоть до нашей с ним высылки Николай Александрович Бердяев. Большевистский вихрь не только взволновал его, как всех нас, но и оплодотворил, как немногих. В его голове и сердце неустанно хлопотали тысячи мыслей и страс-

тей. Ни раньше, ни позже не чувствовал я вулканической природы бердяевского духа так сильно, как в последние годы нашей жизни в Москве...

Если бы в моей памяти не темнел небольшой кабинет Николая Александровича и не светилась красными бликами шелковая обивка его гостиной, мне было бы много грустнее вспоминать нашу подсоветскую жизнь. В те годы насильнического попираания свободы и личности с особою силою ощущались "первозданные" реальности жизни и общение в духе становилось такою же неотъемлемою потребностью, как еда и сон.

Всех, кто собирался за чайным столом Бердяева, освещенным керосиновой лампой (чай, брусничный пирог, по размерам символический, по субстанции ржаной), не припомню. Из старых членов Религиозно-философского общества многих уже не было в Москве. Князь Трубецкой был на белом Юге, Вышеславцев жил где-то под Москвой и кормился при каких-то бывших помещиках, которые, как и Никитины, еще ковырялись на нескольких десятинах оставленной им земли.

Как и встарь, неугомонно бурлил на собрании седой, пунцоволикий Рачинский, как и встарь, радовал глаз своею внешностью и пленял дух богатством мыслей и изысканностью речи горько бедствовавший Вячеслав Иванов; бывал у Бердяева и Айхенвальд, переживавший тяжелую трагедию в связи с небезопасными для семьи коммунистическими настроениями сына. Жалкою тенью себя самого, но все же милым сердцу образом праздной, никчемной, но и богатой талантами дворянско-помещицкой России захаживал мой старый гейдельбергский знакомый — Базилевич. Из новых лиц наиболее живое участие в академии принимали: приехавший из Саратова профессор Франк, один из самых значительных русских философов, и два доцента Московского университета — юрист Гольдштейн и экономист Букшпанни. На многих докладах бывали снедаемые в серой, грязной Москве тоскою по синей, светлой Италии редакторы "Софии" Грифцов и Муратов, а также, конечно, Гершензон и Андрей Белый...

Вернется ли кто-либо из нас, младших собратьев и соратников, на родину — сказать трудно. Еще труднее сказать, какою вернувшиеся увидят ее. Хотя мы только то и делали, что трудились над изучением России, над разгадкой большевистской революции, мы этой загадки все еще не разгадали. Бесспорно, старые эмигранты лучше знают историю революции и настоящее положение России, чем иностранцы. Но, зная прекрасно политическую систему большевизма и ее хозяйственное устройство, ее громадные технические достижения и ее непереносимые нравственные ужасы, ее литературу и науку, ее церковь, мы всего этого по-настоящему все же не чувствуем; зная факты и статистику, мы живой теперешней России перед глазами все же не видим. В голове у нас ясно, а перед глазами мрак.

За последние годы из этого мрака вышли нам навстречу новые, взращенные уже Советской Россией люди. Будем надеяться, что они, если мы только не оттолкнем их от себя и поможем им преодолеть свою "окопную" психологию, помогут нам разгадать страшный облик породившей и воспитавшей их России.

Каюсь, иногда от постоянного всматривания в тайну России, от постоянного занятия большевизмом, в душе подымается непреодолимая тоска и возникает соблазн ухода в искусство, философию, науку.

Но соблазн быстро отступает. Уйти нам нельзя и некуда.

20 декабря 1948 г.

Юрий КАРАБЧИЕВСКИЙ (Москва)

ВОСКРЕСЕНИЕ МАЯКОВСКОГО

Мало кому приходило в голову, что самоубийство Владимира Маяковского весной 1930 года есть символическое событие русской культуры, обозначившее конец целой эпохи. Мало кто соглашался связать это имя с самим понятием "русская культура": от времен желтой кофты и до конца дней своих поэт-горлодер воспринимался скорее как явление антикультуры и в любом контексте постоянным эпитетом, прилагаемым к нему и его творчеству, был эпитет "советский". Ходасевич величал его советским буржуем; для Пастернака, соратника футуристической юности, послереволюционный Маяковский был "никакой Маяковский" — фанерный, пустопорожний псевдопоэт; "картонная поэма" — это словечко Шкловского можно было бы отнести не только к "Хорошо", но и к доброй половине написанного Маяковским в двадцатые годы. Это тот, всерьез поверивший в фантомную пролетарскую культуру Маяковский, чей циклопический памятник украшает площадь его имени в Москве, чье официальное бессмертие хранится в помпезном мраморном музее напротив здания КГБ, отгроханном с завидной расточительностью, где на самом деле поэту принадлежит лишь узкая полутемная комната. Но сегодня, на расстоянии полувека, мы видим автора "Облака в штанах", "Про это" и "Во весь голос" глубже, сложнее и объемнее. Эпоха авангарда, противопоставившая себя старой культуре и ушедшая с Маяковским, сама стала частью этой культуры.

В этом номере мы начинаем публикацию избранных глав из книги Ю. Карабчиевского "Воскресение Маяковского". Книга выйдет в этом году в издательстве "Страна и мир". Автор — поэт, прозаик и эссеист Юрий Карабчиевский, член французского ПЕН-клуба, получил литературную известность как один из участников альманаха "Метрополь" (1979 г.). Он живет и работает в Москве.

*Маяковский вот...
поищем ярче лица,
недостаточно поэт красив...
Крикну я
вот с этой,
с нынешней страницы:
— Не листай страницы!
Воскреси!*

Маяковского сегодня лучше не трогать.

Потому что все про него понятно, потому что ничего про него не понятно.

Что ни скажешь о Маяковском, как ни оценишь: возвеличишь, низвергнешь, поместишь в середину, — ощущение, что ломишься в открытую дверь, а вломившись, хватаешь руками воздух. Бесконечно размноженный, он всюду с нами, тот или иной — у всех на слуху. Но любая попытка с к а з а т ь и н а з в а т ь — кончается крахом, потому что всегда остается чувство, что упущено главное.

Маяковского лучше не трогать, так спокойней, так безопасней. Но тронув, вспомнив, заговорив — пусть случайно, в разговоре с другом, мимохо-

дом, — чувствуешь каждый раз необходимость хоть какую-то мысль довести до точки, хоть какому-то суждению об этом поэте придать полноту и определенность, достаточную если не для общего пользования, то для собственного душевного равновесия.

Это чувство и вынуждает рискнуть.

Но уж если решиться говорить о Маяковском, то только будучи абсолютно уверенным в своей в данный момент беспристрастности. Главное — это не быть предвзятым. Не искать подтверждений — вот что главное. Не иметь никаких предварительных мнений, никакого счета не предъявлять, а открыть и читать стих за стихом, как читают неизвестного ранее поэта, выстраивая тот мир и тот образ автора, какие выстроятся сами собой.

Так бы требовалось, но так невозможно, к чему притворяться. Маяковский — это не просто литературный факт, это часть нашей повседневной жизни, нашей, как принято говорить, биографии. И поскольку мы родились не сегодня, то могли бы сказать его же словами, что стихи его изучали — не по Маяковскому. Мы изучали их по воспитательнице в детском саду, по учительнице в классе, по вожатой в лагере. Мы изучали их по голосу актера и диктора, по заголовку газетной статьи, по транспаранту в цехе родного завода и по плакату в паспортном отделе милиции. И заметим, что никогда, ни в какие годы наше отношение к этим источникам не вступало в противоречие со смыслом стихов. Не было необходимости умолчания, не требовалось круто оборвать цитату, чтобы ограничить ее содержание тем, что полезно вожатой или милиции.

В газетах цитируют ведь и Блока. "О доблестях, о подвигах, о славе". Стандартный заголовок. Тоже надо было заработать, дается не всякому. И однако именно это — не Блок. Потому что соответствующая строчка Блока, хоть и состоит из тех же слов, означает иное и звучит иначе. Потому что она — часть иного целого, и уже следующая строка, необходимо и естественно ее продолжающая, — губительна для газетного заголовка.

С Маяковским такого не происходит. Он весь — предшествование и продолжение не столько даже собственных строк, сколько цитат, из них извлекаемых. Можем ли мы об этом забыть, приступая к чтению?

Мы вечно помним Пушкину те два или три стиха, да еще три-четыре странички интимной прозы, где он, как нам кажется, поддался не вполне благородным мотивам. Мы с легкостью проклинаяем и с трудом защищаем Некрасова за единственный его подобострастный стишок, сочиненный в минуту страха и слабости. Мы даже для Мандельштама держим за пазухой (мало ли, авось пригодится) тот пяток неумело нацарапанных отрывков, который под пыткой вырвала у него эпоха. И вот мы начинаем разговор о поэте, у которого на десяток томов т а к о г о приходится едва ли один как будто не этого...

Тут, конечно, с готовностью возникает вопрос об искренности, измене и верности. Маяковский, допустим, был верен себе в служении аду, а Пушкин

кин, всегда служивший добру, однажды ему изменил. Хороший повод для разговора о смысле этих важнейших слов.

Но об этом, быть может, позже, сейчас интересно другое. То, что мы, совершенно непреднамеренно, поставили рядом два этих имени и тем уже одним в значительной мере предварили оценку. Противопоставили, но это не так уж важно. Ведь нельзя же противопоставить Пушкину — Демьяна Бедного. "После смерти нам стоять почти что рядом..." Неужели — пророчество?

Сформулируем самую беспристрастную версию, наиболее популярный портрет героя.

Молодой блестящий поэт, человек большого таланта, новатор и реформатор стиха, бунтарь и романтик, увидел в Революции¹ сначала также романтику, затем — объективную необходимость и самоотверженно бросился к ней в услужение. Постепенно он втягивается в ее крутоверть, становится глашатаем насилия и демагогии и служит уже не Революции, а власти. Здесь он растрчивает свою энергию и весь свой талант, попадает в тиски цензуры и бюрократии, видит несостоятельность тех идеалов, которым служил, мучается совестью, мучается раскаянием, обо всем сожалеет и в полном отчаянии кончает жизнь самоубийством. Еще одна жертва, скажем, сталинских лет...

У этой картинки странное свойство. В общем она как будто бесспорна, однако в отдельности каждый пункт, каждая ее деталь под вопросом. Вопрос не обязательно выражает сомнение, он может лишь требовать разъяснений, но так или иначе все утверждения колеблются и слегка расплываются, и каждый отдельный вопрос еще разветвляется и порождает другие, побочные, любой из которых может, как знать, обернуться главным. Нет смысла пытаться ответить на них по порядку. Почитаем, подумаем, поговорим — авось что-то и прояснится.

Первое непосредственное впечатление от чтения раннего Маяковского — безусловная исключительная одаренность автора. Нет, в этом нас не обманули. Перед нами совершенно новый поэт, даже теперь, через семьдесят лет, ничего или почти ничего не утративший от своей новизны и оригинальности, неустанно изобретательный в обращении с предметом и словом. Не только все актуальные средства, но и отходы поэтического производства, все то, что отброшено профессиональной поэзией в область любительства и графоманства, используется им с неожиданной смелостью и становится полноправным, необходимым качеством сильного, насыщенного стиха. Еще даже не ясно, о чем и зачем, но сразу ощутима напряженность речи, звуковая, ритмическая, эмоциональная и все строки пронизывающая энергия.

¹ Здесь и далее, если нет пояснений, революция имеется в виду Октябрьская.

Убьете,
похороните —
выроюсь!
Об камень обточатся зубов ножи еще!
Собакой забьюсь под нары казарм!
Буду,
бешеный,
вгрызаться в ножища,
пахнувшие потом и базаром.

Странный, принудительный ритм, как бы выкручивающий руки фразе, усиливает это чувство напряженности, создает почти физическое ощущение муки, едва ли не пытки. Душевная мука — первый личный мотив, на который мы отсылаемся в стихах Маяковского и в подлинность которого не можем не верить. Между тем, при сегодняшнем внимательном чтении, уже с первых стихов выявляется многое, что мешает почувствовать и оценить эту подлинность.

Прежде всего — вполне сознательная, провозглашенная выраженность приема, необходимость читательского его использования и м н о г о к р а т н о г о в о з о б н о в л е н и я. Первое чтение — почти всегда черновое. Требуется сперва отыскать рифму, оценить, хотя бы бегло, степень ее смысловой необходимости, соответственно расставить акценты в строке, вогнав вылезавшие куски, а потом уже, все это помня, читать набело. Чтение Маяковского — это декламация, где всякое непосредственное впечатление перебивается памятью о репетициях. Оттого любой стих Маяковского, даже самый страстный и темпераментный, остается искусным пересказом чувства, но не его прямым выражением.

Так, одновременно с первым восхищением, возникает и наше первое сомнение: ощущение постоянной, необходимой дистанции между тем, что сказано, и тем, что н а с а м о м д е л е. Эта двойственность — первая дурная двойственность, сопровождающая чтение Маяковского. Есть, однако, и вторая, и третья.

Среди самых ранних стихов существует один, достаточно часто цитируемый, где, быть может, всего пронзительней звучит душевная мука и жалоба.

Кричу кирпичу,
слов испуганных вонзаю кинжал
в неба распухшую мякоть:
"Солнце!
Отец мой!
Сжался хоть ты и не мучай!
Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою дольней.
Это душа моя
клячьими порванной тучи
в выжженном небе
на ржавом кресте колокольни!
Время!
Хоть ты, хромой богомаз,

лик намалкой мой
в божницу уродца века!
Я одинок, как последний глаз
у идущего к слепым человека!"

Это очень талантливые стихи. Здесь один из тех, скажем сразу, не столь уж частых моментов, когда хотелось бы соединиться с автором, пережить его боль, как свою.

Хотелось бы — но никак не возможно, более того — абсолютно исключено. Потому что начинается этот стих со строчки чудовищной, от кошмарности которой горбатится бумага, со строчки, которую никакой человек на земле не мог бы написать ни при каких условиях, ни юродствуя, ни шутя, ни играя, — разве только это была бы игра с дьяволом.

Я люблю смотреть, как умирают дети.

Это полезно перечитать дважды, чтобы после вернуться к тому отрывку, к боли и жалобе. Не правда ли, он выглядит теперь немного иначе?

Мы вдруг замечаем новую двойственность — двойную чувственность, двойную мораль, на которую сперва не обратили внимания. "Тобою пролитая кровь" — слезная жалоба автора, но ведь сам же он только что с таким сладострастием: "Слов вонзаю кинжал..." А тогда и порванная в клочья душа, и хромой богомаз и уродец-век, и последний глаз, и слепые — не слишком ли густо? Не слишком ли много членовредительства, чтобы сказать о своем одиночестве?

Повторим общеизвестную формулу: ранний Маяковский — поэт обиды и жалобы.

В чем состоит обида Маяковского? В равнодушии к нему окружающего мира. Мир живет отдельно, сам по себе, не торопится прославлять Маяковского, любить его и ему отдаваться. И за это мир достоин проклятья, презрения, ненависти и мести.

Святая месть моя!
Опять
над уличной пылью
ступенями строк ввысь поведи!
До края полное сердце
вылью
в исповеди!

Эти строки, по сути, тавтологичны, потому что святая месть поэта — это именно то, чем полно его сердце и в чем состоит его исповедь. Месть и ненависть — "КО ВСЕМУ!" — так и называется стихотворение.

Неутолимая жажда обладания — вот первоисточник всех его чувств. Здесь, конечно, на первом плане женщина — как реальный объект вполне реальных и вполне понятных желаний ("Мария — дай!"). Но это одновременно еще и знак, физиологически ощутимый символ отдающегося — НЕ отдающегося! — мира.

Вся земля поляжет женщиной,
 заерзает мясами, хотя отжаться.
 Вещи оживут —
 губы вещицы
 засюсюкают:
 "цаца, цаца, цаца!"

Любопытно, что почти во всех вообразенных картинах его будущего признания и величия, где сознательно, а где бессознательно, где развернутой сценой, где одним промелькнувшим словом, — присутствует этот навязчивый образ ("Проститутки, как святыню, на руках понесут..."). Но все это в будущем, в светлом далеком завтра. Пока же мир не спешит отдаваться ни в виде женщины обобщенной, ни в лице конкретной желанной женщины. Не любит, не отдается, не обожает — значит, должен быть уничтожен! Но сначала — проклят и опозорен, втопан в грязь, изруган, оплеван. И здесь, в ненависти и проклятиях, с максимальной, никем не превзойденной силой проявляется подлинный талант Маяковского, его неиссякаемая энергия, его неукротимая изобретательность. Именно здесь, в этой странной и жуткой области, он достигает самых высоких высот или, если угодно, самых низменных бездн.

Теперь —
 клянусь моей языческой силою! —
 дайте
 люблю,
 красивую,
 юную,
 души не растрочу,
 изнасилую
 и в сердце насмешку плюну ей!

Есть одна очень важная формальная особенность, роднящая эти безумные строки со строкой об умирающих детях: их принципиальная непроизносимость. Разумеется, читая, мы их произносим и даже, быть может, достаточно четко и громко. Но язык наш не может при этом не испытывать неловкости, тяжести, сопротивления, как будто он движется в налипшем тексте. "Изнасиловать" и "в сердце плюнуть" — эти действия невозможны в первом лице, да еще в будущем времени. Мы стараемся поскорей проскочить мимо этих кошмарных слов — дальше, в следующую строфу, в свободное пространство стиха. А там:

Севы мести в тысячу крат жни!
 В каждое ухо ввой!..

и т. д.

От обиды — к ненависти, от жалобы — к мести, от боли — к насилию. Только между этими двумя полюсами качается маятник стихов Маяковского. Изредка возникает третий мотив: любовь к неким обобщенным людям — но это всего лишь промежуточная точка на пути между ненавистью и обидой, едва различимый знак той земли, которая заерзает мясами, хотя от-

даться. Реальных же, достоверно существующих точек — две, только две. Две точки, два полюса, две морали. Величайшая в мире боль, когда обидели Маяковского, — и физиологическая сладость насилия, когда обладает Маяковский, мстя за обиду. Причем и то, и другое чаще всего выражается одними и теми же словами. Это как-то само собой разумеется. Здесь он не видит противоречий, для него их просто не существует. Между тем, самые сильные и яркие, самые напряженные стихи и поэмы строятся на таких, предельно противоречивых, по сути несовместимых друг с другом кусках.

Все вы на бабочку поэтиного сердца
нагромоздитесь, грязные, в калошах и без калош.
Толпа озверев и будет тереться,
ощетинит ножки стоголавая вошь.

А если сегодня мне, грубому гунну,
Кривляться перед вами не захочется — и вот
Я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам
я — бесценных слов транжир и мот.

Эти мастерские строки звучат энергично и страстно, так и просятся в цитату и выкрик — если воспринимать их у поверхности смысла и чувства. Любая попытка реализовать этот образ спотыкается о несовместимость его составляющих. Одно из двух: или нежная бабочка сердца — или грубый гунн, сначала кривляющийся, а потом радостно плюющий в лицо. А тогда уж и толпа, **г р о м о з д я щ а я с я** на бабочку, — как-то не очень осуществимо.

И чем они все так противны поэту? Тем, что на женщине "белила густо", а у мужчины "в усах капуста"? Эта противность не только не убедительна, она вообще не свойство объекта. Очевидно, что она привнесена, навязана автором. Любому, чтоб было легче ненавидеть, можно навесить в усы капусту, согласимся, это несложно... Здесь первична, исходна — ненависть, а все остальные страшные ужасы — лишь ее оправдание и иллюстрация.

Через час отсюда в чистый переулочек
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир.
А я вам открыл столько стихов шкатулок,
я — бесценных слов мот и транжир.

Прямолинейная наглядность образа требует и прямолинейной реакции. "Обрюзгший жир" — это те самые люди, которые в данный момент сидят в зале и слушают стихи поэта. Трудно поверить, чтобы слушать с т и х и пришли одни лишь обрюзгшие и жирные. За что ж он их так? А ясно, за что: за "столько стихов шкатулок". Им не нравится, они не любят, не обожают, не отдаются, ерзая мясами. И тогда разговор с ними один: в усы — капусту, на щеки — белила, обозвать вошью и плюнуть в лицо.

И кстати... Плюну в лицо вам, в сердце насмешку плюну... Оказывается, не так уж много этих самых слов, чтобы можно было их транжирить и про-

матывать. Например, не любящие Маяковского — это всегда жир и обжорство, слепая кишка, желудок в панаме — прототип буржуа из окон Роста, обобщенный образ обидчика... Но, пожалуй, интереснее всего другое: как по-разному оценивает Маяковский одинаковые или близкие слова и образы в зависимости от того, к кому они относятся: к нему ли самому или к кому-то другому, кого он в данный момент назначает врагом.

Вот он издевается над лирическими поэтами: "Вы, обеспокоенные мыслью одной — *изящно пляшу ли*". И тут же: "невероятно себя нарядить, пойду по земле, *чтоб нравился и жегся*". (Курсив мой. — Ю. К.) Он достает из-за голенища сапожный ножик, чтобы раскроить небо "отсюда до Аляски", — и буквально в следующей строфе жалуется, что "звезды опять обезглавили". Он вытаскивает из груди собственную душу, чтоб ее, окровавленную, дать людям как знамя (вариант горьковского Данко), — а чуть позже, через пару страниц, предлагает сходные украшения, уже совсем из другой материи:

Чтоб флаги трепались в горячке пальбы,
как у всякого порядочного праздника —
выше вздымайте, фонарные столбы,
окровавленные туши лабазников.

У него — окровавленная душа, у лабазника — окровавленная туша, всего-то и разницы. Но в первом случае это боль и жертвенность, во втором — веселье и праздник.

Я выжег души, где нежность растили...

Предельная громкость произнесения маскирует смысл произносимого. На крике все звучит одинаково, и то ли да здравствует, то ли долой, не сразу разберешь, да и нет возможности вдуматься. Но послушаешь раз и другой, адаптируешь ухо — и одно серьезнейшее подозрение возникает в сознании, и растет, и утверждается с каждым стихом. Ведь если верно, что выжег души... И если неверно. Если это всего лишь пресловутый эпатаж, что по-русски, как ни крути, означает неправду, то и тогда человек, такое повторяющий, и очень изобретательно, и очень настойчиво, не может быть искренним, говоря:

Но мне —
люди,
и те, что обидели, —
вы мне всего дороже и ближе.

Ясно, что это только маневр, рассчитанный на потерю бдительности. Поверят, а он подберется поближе — плюнет с размаху в лицо, а то и похуже: возьмет да тукнет в затылок кастетом...

Но еще прежде чем в нашем сознании утвердится этот образ губительного двуличия, мы ощутим другой оталкивающий импульс. В нас сработает

как бы условный рефлекс, инстинкт самосохранения чувств. И не проклятья, не ругань, не эпатаж нас оттолкнут, Бог с ним, с эпатажем, — а тот материал, из которого сделаны самые яркие, наиболее выразительные части стихов Маяковского.

”Окровавленные туши, душу окровавленную, окровавленный песнями рот, окровавленный сердца лоскут, багровой крови лилась и лилась струя...”

”У раннего солнца вытекал глаз, жевал невкусных людей, туч выпотрашивает туши багровый закат-мясник, сочными клочьями человеческого мяса, на сажень человеческого мяса нашинковано...”

Поэт не человек поступка, он человек слова. Слово и есть поступок поэта. И не только слово-глагол, слово-действие, но любое словое, его фактура, его полный внутренний смысл и весь объем связанных с ним ощущений. Те слова, что звучат из уст Маяковского на самых высоких эмоциональных подъемах его стиха, что бы ни пытался он ими выразить: гнев, жалобу, месть, сострадание, — живут своей независимой жизнью и вызывает то, что и должны вызывать: простое физиологическое отталкивание. Впрочем, очень скоро по мере чтения пропадает и это чувство. Нагнетение анатомических ужасов не усиливает, а ослабляет стих, вплоть до его полной нейтрализации. И не только оттого, что притупилось восприятие, но еще и от отсутствия однозначной нагрузки. Нравственный смысл, психологическая направленность того или иного кровавого пассажа не есть его собственное внутреннее свойство, а каждый раз произвольно задается автором. Отрицательные ужасы ”Войны и мира”, положительные ужасы ”Облака в штанах” и ”Ста пятидесяти миллионов”, отрицательные а также положительные ужасы внутри чуть не каждого стиха и поэмы... Ужасы, ужасы...

Но и уста, такие говорящие, не могут остаться девственно-чистыми. Здесь работает закон обратного действия слова. Человек, многократно и с удовольствием повторяющий: ”кровь, окровавленный, мясо, трупы”, да еще к тому же время от времени призывающий ко всякого рода убийству, — неминуемо сдвигает психику в сторону садистского сладострастия.

В раннем, романтическом Маяковском этот сдвиг очевиден.

Именно, здесь, на этом сдвиге, в такой романтике — произошла его главная встреча с Революцией.

Ко времени пришествия Революции Маяковский, единственный из всех современников, был уже готовым ее поэтом. И дело тут не в идейной его подготовленности, которая, кстати, очень сомнительна. Никакого марксизма, никаких социальных аспектов, насыщавших журналы и книги десятых годов, мы не встретим в тогдашних его произведениях. Даже слово ”пролетарий” или хотя бы ”рабочий” — тщетно искать, он такого как будто не слышал. Его народ — ”студенты, проститутки, подрядчики”. Но все это не имеет никакого значения, здесь важно другое.

К семнадцатому году молодой Маяковский оказался единственным из известных поэтов, у которого не просто темой и поводом, но и самим материалом стиха, его фактурой, — были кровь и насилие. Тот, кто на протяжении нескольких лет сладострастно копался голыми руками в вывернутых кишках и отрубленных членах, был вполне готов перейти к штыку и нагану.

На словах, только на словах. Но об этом только и речь.

У него была удивительная способность к ненависти. Он мог ненавидеть все и вся, от предметов обихода до знаков препинания. ("С тех пор у меня ненависть к точкам. К запятым тоже.")

Каждый новый пункт его автобиографии кончается признанием в какой-нибудь ненависти.

Эта ненависть была в нем и металась, прорываясь то в одну, то в другую сторону. В этом было что-то несомненно истерическое. Революция явилась для Маяковского благом, прежде всего, в том оздоровительном смысле, что дала его ненависти направление и тем спасла его от вечной истерии. На какое-то время он успокоился, обрел равновесие. Он стал ненавидеть только т у д а. Вся энергия была брошена в одну сторону. Концентрация при этом вышла фантастической, даже для привычного к Маяковскому уха, так что многим пришлось привыкать заново.

Пусть горят над королевством
бунтов зарева!
Пусть столицы ваши
будут выжжены дотла!
Пусть из наследников,
из наследниц варево
варится в коронах-котлах!

А еще Революция дала ему в руки оружие.

Раньше это было только нож и кастет, теперь же — самые различные виды, от "пальцев пролетариата у мира на горле" до маузера и пулемета. Он и пользовался ими отныне по мере надобности, но всем другим предпочитал — штык. Это слово стало как бы материальным выражением его отношения к миру. "Пугаем дома, ошетинаясь штыками, штыки от луны и тверже и злей, встанем, штыки ошетинивши, дошли, штыком домерцав, как штыком, строкой просверкав..." Ряд достаточно однообразный, но он продолжается в бесконечность.

Странно, именно этот ряд, с поворотом простого короткого слова, в большей мере, чем любые другие страшные ужасы, заставляет задуматься над вопросом: обладал ли Маяковский воображением, этим первейшим свойством поэта, то есть попросту, видел ли он то, что писал?

Представлял ли он, к примеру, в момент произнесения, как работает

его любимый инструмент, как он туго разрывает ткань живота, как пропарывает кишки, дробит позвоночник?

Мы знаем, что в жизни Маяковский не резал глоток, не глушил кастетом, не колол штыком. Он и на войне-то ни разу не был и даже в партию, как сам признается, не вступил, чтобы не попасть на фронт. Он всегда действовал только пером. ("Перышко держа, ползет с перержавленным".) Так может быть, это такая система образов, и знаменитое "я хочу, чтоб к штыку приравняли перо" следует прочитывать наоборот? В том смысле, что штык — это не штык, а перо, пулемет — пишущая машина, а кастет... ну, допустим, сильное слово? И все это — только символы?

Теперь не промахнемся мимо.
Мы знаем кого — мети!
Ноги знают, чьими
Трупами им идти.

Это как раз стихи о направлении, о том, что теперь-то оно известно. Но и это не страшно и не буквально. "Не промахнемся, мети" — все это символы... Прекрасно, но что символизируют трупы?

А мы — не Корнеля с каким-то Расином —
отца, — предложи на старье меняться, —
мы и его обольем керосином
и в улицы пустим для иллюминаций.

Нет, не выходит, не вытанцовывается. Есть слова, столь сильные сами по себе, что не могут быть тенью других слов, не могут выражать иные понятия, кроме тех, что положены им от века. Труп — это всегда труп, отец — это всегда отец, и поэт — это всегда поэт, человек с гипертрофированным воображением. Так представлял ли он себе все то, что писал, видел ли, допустим, эти самые трупы, ощущал ли чье-то мертвое тело под твердыми знающими своими ногами? Или, опять же, своего отца, объятого пламенем и бегущего по улице, — видел Маяковский или не видел?

Ситуация складывается таким образом, что любой ответ на этот вопрос — губителен для поэта.

Если самые страшные в мире слова — это только символы чего-то иного, более мирного и обыденного, то что означают все остальные? Цена слова в такой языковой системе в конце концов свелась бы к нулю.

Если же значение слов не снижено...

Не станем притворяться, будто нам неизвестно, что метафора — всегда аналогия. Но аналогия предполагает мгновенное равенство, эквивалентность чувственного восприятия. "Идти трупами" не обязательно значит идти трупами — но нечто столь же жестокое и страшное: убивать много и без пощады, не жалея, не оглядываясь, не задумываясь. Поэтическая метафора тем и отличается от обыденного речевого штампа, что не является только тенью реальности, а имеет собственную живую плоть, вполне реальную в мире воображения. И в этом смысле "идти трупами" — это значит

именно идти трупами, именно этот, буквально понятый, смысл должен рождать необходимое ощущение.

Например, Маяковский говорит:

Ко мне,
кто всадил спокойно нож
и пошел от вражьего тела с песнею!

Вполне возможно, что это всего лишь аллегория — жестокой твердости и верности делу мщения. Но аллегория эта начинает работать только с того момента, как мы вообразим себе ж и в о г о человека, производящего описанные действия. Человека, безусловно, ненормального, безумца-садиста: кто иной станет всаживать нож с п о к о й н о, да еще и петь после этого!

Итак, все эти чудовищные строки, непроизносимые слова и невообразимые картины, Маяковский употребляет только как символы, только во втором, переносном значении, уподобляя их речевому штампу (как говорят: "убийственно красив, смертельно устал"); если он не чувствует их собственного жуткого смысла — то значит, он человек без воображения, и поэзия — чуждая ему область.

Но если он все это видит и чувствует, если все слова на своих местах и означают то, что должны означать — то дела обстоят, быть может, еще печальней. Тогда перед нами очень страшный и, вне всяких сомнений, больной человек. Перед нами тот самый садист-параноик, спокойно всаживающий нож по несколько раз на дню и шагающий трупами, от тела к телу, распевая свои сумасшедшие песни...

Я думаю, ни одна из этих гипотез не ложна, но и не верна до конца: истина, как это часто бывает в случае жестоких альтернатив, помещается где-то в иной плоскости.

Застывшая детская обида Маяковского, ненависть к могущим и имущим, месть не отдающим и не отдающимся — сплошь и рядом действительно несет в себе черты патологии. Но и цена сильных и страшных слов в его поэтическом мире иная, в общем случае — более низкая. Она снижена, во-первых, частым употреблением, постоянным доведением стиха до выкрика, до предела слышимости, где и слабые слова звучат, как сильные, а сильные уже почти не выделяются. А тогда и самые понятия и действия, обозначаемые этими словами, неизбежно падают в цене и утрачивают присущий им смысл. В этой неопределенности смысла теряется не только читатель, но и автор.

Я не знаю, плевков — обида или нет?

В самом деле, непрерывно плюясь, трудно выделить это действие из ряда прочих.

Но главное все же не в этом. Главное то, что все без исключения стихи Маяковского, каждый его образ и каждое слово, существуют в конеч-

ном, упрощенном мире, ограниченном внешней стороной явлений, оболочкой предметов и поверхностью слов.

Это мир геометрических построений, рациональных логических связей и простых механических взаимодействий.

Обладал ли Маяковский воображением? Разумеется, и очень мощным. Но вся его безудержная фантазия, как в области изобретения образов, так и в области слова и словотворчества, удерживалась границами этого мира, его механическими законами.

В этом — ключ ко всему Маяковскому.

Понятие поэзии достаточно расплывчато, ее определение нам вряд ли доступно. На него мог решиться лишь молодой Пастернак, да и то в форме суммы окольных утверждений, не имеющих прямого отношения к делу.

Это — круто налившийся свист,
 Это — щелканье сдавленных льдинок,
 Это — ночь, леденящая лист,
 Это — двух соловьев поединок.
 Это — сладкий заглохший горох

и т. д.

Согласимся, так можно до бесконечности.

Как все великие мировые понятия, поэзия не поддается определению, но мы можем попытаться найти названия хотя бы некоторым из ее особенностей, и если нам повезет, они могут оказаться главными.

Обратимся прежде всего к очевидному: поэзия занимается внутренней сутью явлений. Внешние качества людей и предметов, легко обнаруживаемые поверхностные признаки используются ею лишь как средство и способ для постижения тайного и скрытого.

Однако здесь существенна одна деталь. Внешнее не есть конечная цель, но оно и не препятствие к постижению внутреннего. Здесь неуместны геометрические аналогии, потому что внутреннее как предмет поэзии не содержится внутри внешнего, а пронизывает его и взаимодействует с ним. Поэтическое постижение — не анатомическое вскрытие, оно происходит не за счет разрушения оболочки, а за счет активного с ней взаимодействия. Великое значение поэтического образа, если можно о нем говорить обобщенно, в том именно и состоит, что с его помощью мы постигаем скрытую суть природы людей и событий, никак не нарушая их естественной целостности, не внедряясь, не ломая, не убивая.

Так живет поэзия, так живут поэты.

Но не так, совершенно иначе живет Маяковский.

Восприятие мира как чего-то целостного, пронизанного непостижимой тайной, было напрочь ему несвойственно. Он видел мир, как совокупность частей, имеющих определенную геометрическую форму, механически соединенных между собой и действующих также по законам механики (абсо-

лютно, кстати, ему неизвестным, но как-то самим собой разумеющимся). В этом мире форма всегда снаружи, содержание всегда внутри. Отсюда понятно, что надо сделать, чтобы увидеть и постичь содержание.

Детей (молодые литературные школы также) всегда интересует, что внутри картонной лошади. После работы формалистов ясны внутренности бумажных коней и слов. Если лошади при этом немного попортились — простите.

(“Как делать стихи”)

Внутренности — это и есть внутреннее. Так наивно и разоблачительно-просто истолковывает Маяковский сложные выкладки своих друзей формалистов. На таком детски-упрощенном представлении основано все его восприятие — и поэзии, и окружающей жизни.

Схематически это выглядит следующим образом.

Поэт — человек, умеющий говорить красиво и интересно. Его форма изъяснения — декларация. Он обращает на себя внимание, он привлекает к себе людей, он их убеждает и ведет за собой, куда посчитает нужным (трибун). Но объект его разговора ограничен всем тем, что находится в поле зрения: домами, людьми, лошадьми, трамваями... Все это, в обычном своем состоянии, не представляет ни для кого интереса, обо всем этом говорилось тысячи раз. Значит, надо сделать эти предметы необычными, привлекающими внимание. Для этого имеются две возможности:

— заставить их вести себя как-нибудь странно, как им несвойственно от природы;

— или же изменить их облик, исказить, деформировать, вплоть до выворачивания наизнанку, обнажения внутренностей, отсечения членов.

В мире нет ничего иного, только поверхность и внутренность. И всякое целое состоит из частей, каждая из которых, в свою очередь, состоит из частей и поверхностей. И материя бесконечна, как в макро, так и в микро... Но это уже далеко и абстрактно, достаточно нескольких звеньев. А чтобы увидеть нечто новое, надо соединить друг с другом поверхности, раздуть, увеличить до огромных размеров — или взять любую и разломать, вывернуть, разорвать на части, обнажить живые влажные внутренности. А еще — вырезать один из кусков и поднять высоко, так, чтобы всем было видно, как он посверкивает оборванным краем или ярко сочится кровью. “Буду дразнить об окровавленный сердца лоскут.”

И живое — неживое, подход одинаковый, разница чисто внешняя.

...там, где у человека вырезан рот, —
там у вещи пришито ухо.

Такова в основных чертах эстетика Маяковского. Так рождается его гигантизм, гиперболизм, и так же рождается анатомизм, страсть к расчленениям, к разъятию плоти. На мгновение он достигает эффекта, и порой даже очень сильного, — но именно эффекта и лишь на мгновение, пока не пройдет первая оторопь и страшная картина не станет привычной. А тогда

окажется, что все расчленения лишь подчеркивают поверхностность восприятия: известно, что суммарная поверхность частей всегда больше поверхности целого. И вскрытия, и выворачивания наизнанку опять не дают ничего нового: в поэтическом смысле внутренняя поверхность ничуть не содержательнее, чем внешняя. Но другого пути у Маяковского нет. Принуждение, насилие — вот его метод, здесь сошлись главные черты его личности: детская месть-обида, садистский комплекс — и поверхностно-механическое восприятие. Он просто постоянно насилует объект, чтобы добыть из него выразительность, и такое же насилие совершает над словом.

Его виртуозное словотворчество вызвано той же самой причиной, что и деформация материальных объектов. Чувством слова он был наделен замечательным — но только в ограниченном, поверхностном слое, доступном глазу и слуху. Правильно было бы о нем сказать, что он обладал чрезвычайно острым, порой гениальным, чувством словесной поверхности.

Это не значит, что он употреблял слова только в их прямом, обиходном смысле. Напротив, этого-то он как раз и не делал.

”Я знаю силу слов, я знаю слов набат...”

Силу слов он знал, но не знал их тайны. Знал слова, но не знал Слова. Набат — это он понимал, но магии простой человеческой речи для него вообще не существовало. Он не чувствовал в слове его судьбы, не видел в нем свойств индивидуальности, не доверял ему, не признавал за ним никакой свободы. Даже в самых лучших его стихах, да нет, именно в самых лучших, слова нанизаны на строку, как жесткий проволочный каркас, плотно пригнаны и прижаты друг к другу, каждое — на специальном месте, строго отведенном для него автором. Ни одно не может быть заподозрено в том, что заняло свое место само, по вольному выбору. Шаг влево, шаг вправо невозможен в этой жесткой конструкции. Тем, что сопротивлялись, свернули челюсть. И от этого слова, употребляемые прямо, лишены всякого люфта и объема, однозначны и плоски, как лист бумаги. Единственная возможность придать им объем — это употребить их в переносном смысле, что Маяковский в основном и делает. Образная плотность его стихов, их густая метафорическая насыщенность происходит, в сущности, не от хорошей жизни. Только так он и может избежать буквальности. Интуитивно он понимает необходимость расстояния между словом и понятием, но не признавая самостоятельной жизни слова, его свободного воздействия с контекстом, добивается этого расстояния искусственно, путем построения сложной конструкции или с помощью непрерывного притока энергии. У Маяковского слово не парит над понятием, ”как душа над брошенным, но не оставленным телом”, — оно просто приподнято и зафиксировано в нужной позиции. Нет буквальности, но нет и свободы, и круг возможных ассоциаций так же жестко теперь закреплен за словом, как в его повседневном употреблении был закреплен за ним его буквальный смысл. Все эти

построения, как угодно искусные, лишены пульсирующего объема, бесконечности ассоциативных ходов. Образ у Маяковского — не пучок ассоциаций, а линейный последовательный ряд, в лучшем случае разветвленный на два или три заранее заданных направления. Темперамент Маяковского, строго говоря, не темперамент, а энергетическое обеспечение. Постоянно чувствуешь жесткость исходной конструкции и принудительность тока энергии, не дающей строчке упасть на землю. Ощущаешь общее волевое усилие, группирующее слова определенным образом, напряженность, озабоченность и несвободу этого формально свободного стиха.

После перерыва, даже недолгого, возникает странное чувство: кажется, что если теперь вернуться к тем же страницам, то прежних стихов там уже не найдешь. Что все слова, оставшись без присмотра, порвали цепи и разбежались. Так оно, в сущности, и происходит, потому что опять и опять при повторном чтении необходимо собирательное усилие. Тяжелая работа — читать Маяковского, труд, утомительный чисто физически, лишенный творчества. Вся т в о р ч е с к а я работа за нас уже сделана автором. Нам остается повторить слово за словом, в нужном порядке, по возможности правильно расставив ударения, и воображать в точности то, что велено.

Маяковский вообще — поэт без читателя. Читатель Маяковского — всегда слушатель, даже если он сидит не в зале, а у себя дома, с книжкой в руках. Стихи Маяковского могут нравиться, ими можно восхищаться, их можно любить, — но их нельзя пережить, они не про нас. И это, конечно же, не оттого, что Маяковский пишет всегда о себе, а напротив, оттого, что о себе он не пишет. Его стихи всегда декларация, никогда не исповедь. И даже если он провозглашает: "исповедь!" — все равно декларация.

Избрав такой декларативный путь, он раз навсегда отказался от читателя, от партнера по творчеству, от равного себе собеседника. Он предпочел аудиторию. Любую, и даже враждебную.

"Это взвело на Голгофы аудиторий Петрограда, Москвы, Одессы, Киева. И не было ни одного, который не кричал бы: Распни, распни его!"

Ни одного! Это надо себе представить. К кому же он обращался?

Обращение к враждебной аудитории — вернейший признак иллюзорности стиха. Не бывает поэта без друга-читателя, и стихи, грамматически обращенные к врагу, акустически все равно обращаются к другу. Нет поэта без сочувствующего собеседника, и нет поэзии без читательского сотворчества, через которое — и только через него — происходит ее о с у щ е с т в л е н и е.

Если довести эту мысль до конца, до парадокса, то можно сказать, что стихов Маяковского вообще не существует в природе, потому что нет и не может быть такого читателя, через которого они могли бы осуществиться.

Собственно поэзию нельзя опровергнуть, ибо она ни на чем не настаивает. Ее дело — открытие и констатация, каждый случай для нее — частный,

каждый акт познания — индивидуален. Она самодостаточна и самоуверительна. Прекрасное должно быть величавым — именно в этом смысле.

Не то поэзия декларативная. Ее удел — постоянные хлопоты, та самая суета, которой не терпит служение муз. Декларация берет относительную истину и утверждает ее как абсолютную. Это может быть решительно что угодно, общий концептуальный вопрос или любая бытовая мелочь, важно то, что декларированная истина требует постоянной заботы и защиты и, будучи однажды произнесена, никогда не оставляет в покое ее автора.

Маяковский декларативен всегда и во всем, от политики до погоды и формы одежды. И потому он никогда не спокоен, а всегда возбужден и насторожен, пребывает в вечной суете и заботе. Это безумно занятый человек. Он не может позволить себе ни минуты простоя, потому что как раз за эту минуту что-то может подвергнуться чьему-то сомнению, чье-то убедительное возражение может остаться без должного ответа. И приходится поэту неустанно трудиться, выискивая новые доказательства, и вынужден поэт, как осмеянный им ученый, "ежесекундно извлекать квадратный корень."

Это тяжелая, хлопотливая — и сугубо бумажная работа.

Вот еще один парадокс Маяковского, один из связанных с ним обманов. Уличный горлопан, певец площадных чудес — был на самом деле сугубо бумажным автором.

Он провозгласил, он утвердил себя поэтом улицы, но и это ведь — только путем декларации, неустанно изобличая всех окружающих в том, что они не знают и не умеют того, что он умеет и знает. То была лишь одна, наиболее легкая, негативная сторона доказательства. "А вы ноктюрн сыграть смогли бы? Язык трамвайский вы понимаете?" Но когда "улица безъязыкая", наконец, с его помощью обрела дар слова, то какой застрявший было крик вырвался из ее измученного горла? "Идемте жрать!" Стоило ли столько хлопот и забот? Да и что иного, более интересного могла крикнуть эта обобщенная улица, улица-символ, улица-категория? На флейте водосточных труб никто не сыграл ноктюрна, но и Маяковский его не сыграл. Это было утверждение за счет отрицания, спор, выигранный на бумаге, при отсутствии другой стороны, в одинокой тиши кабинета, и уж после вынесенный — нет, не на улицу, а в закрытый, тесный и переполненный, враждебно-дружеский зал-аудиторию.

Известно, что он часто сочинял на ходу, распевая строчки себе под нос, и лишь после записывал в книжку. Но это не меняет дела. За каждым стихом и за каждой строкой стоит скрупулезный кабинетный труд, тяжкая бумажная работа. И даже не так: каждая строчка его стиха есть выражение этой работы.

Гвоздями слов
прибит к бумаге я.

Я хочу сказать, что стих Маяковского выражает не столько мысли и чувства, сколько все те ухищрения и приемы, с помощью которых эти мыс-

ли выражены. Трудом и потом пахнут его строки, потом автора и потом читателя.

Я раньше думал —
книги делаются так:
пришел поэт,
легко разжал уста,
и сразу запел вдохновенный простак —
пожалуйста!

А оказывается —
прежде чем начнет петься,
долго ходят размолов от брожения,
и тихо барахтается в тине сердца
глупая вобла воображения.

Это детское представление о поэтическом творчестве (сразу запел), то ли вспомненное, то ли придуманное Маяковским, в конечном счете ближе к истине, чем более позднее взрослое открытие: долго ходят.

Что говорить, тяжел литературный труд. Но работая, то есть взаимодействуя со словом, доводя каждую строку до последнего, до необходимого и единственного звучания, поэт как бы проявляет, проясняет образ, существовавший до и помимо него, вне зависимости от его усилий. Отсюда и естественность, живая самостоятельность готового, написанного стиха, отсюда и ощущение легкости при чтении ("легко разжал уста"). Я, конечно, имею в виду не смысловую облегченность, но отсутствие тягостной черновой работы с исходным, еще не поэтическим материалом. Этой работы стих не содержит, она остается за его пределами. И здесь нет маскировки, или игры в прятки, или иного какого обмана. Путь к гармонии всегда мучителен и тяжок и в значительной степени дисгармоничен. Но он есть путь, а не цель. Поэзии нет без поэтического труда, но поэтический труд не есть поэзия.

Этой суровой закономерности не знает, не хочет знать Маяковский.

Он думает, или хочет думать, что поэт, трудясь над черновиком, не ищет истину или гармонию, а напротив, уже зная, как она выглядит, выстраивает для читателя ее портрет, чтоб и ему, читателю, стало ясно. "Глупая вобла воображения" как раз и занимается поиском средств и необходимых строительных материалов. Футуристический лозунг "обнажить прием", так охотно подхваченный Маяковским, происходит именно от этой подмены, от идеи механического наслаивания, одевания, декорирования, маскировки, которая чудится Маяковскому повсюду в "классической" поэзии. В действительности подлинная поэзия никогда не маскирует и не прячет приема, хотя и не выставляет его напоказ. Она его просто использует. Труд поэта, конечно же, велик и тяжок. Но когда стих, наконец, написан, то его ценность в нем самом, а не в затраченных на него усилиях, о которых истинные поэты, как правило, тут же и забывают.

Маяковский не забывает о них никогда и не дает забывать читателю. Он убежден в самоценности своего труда, в поучительности его для других поэтов. Он списывает с черновика и публично демонстрирует двенадцать вариантов одной строки, включая самые неуклюжие, — и делает это, не теряя серьезности, с гордостью и удовольствием. Замечательно при этом, что все варианты действительно у него записаны. Замечательна также его уверенность, что это именно в с е варианты... ●

Продолжение в следующем номере

Марк ДЕЙЧ (Москва)

ТОСКА ПО НОСТАЛЬГИИ

*Сколько уже живу здесь, а ностальгии все нет и нет...
Из письма эмигранта Третьей волны*

4. ГЕРБ

Вот я все думаю: не слишком ли мрачно у меня выходит? Не слишком ли безысходно? И то мне не так, и это не нравится... Не упрекнет ли меня читатель в занудливом пессимизме?

Ну, с одной стороны, веселого у нас действительно мало, тут со мной вряд ли кто будет спорить. "Но ведь есть и другая сторона, — слышу я гневливый голос. — Достижений наших не счесть, а главное — люди! Люди-то у нас — золотые!..."

Спорить с подобным утверждением немислимо: уж очень непатриотично. Как-то даже язык не поворачивается. Да и у кого повернется? Разве что у иностранца.

"Здесьшний народ очевидно создан для слепого повиновения и безусловной покорности", — писал из России в конце XVIII столетия шведский посланник.

Так то иностранец. Ему можно. А нам нет. Ну, не то чтобы совсем нельзя: немножко и нам можно. Но только чуть-чуть.

Но и на "чуть-чуть" мы не способны. Стесняемся, что ли. А скорее всего — просто не видим оснований для критики в свой адрес. Мы же самые умные, самые передовые, самые гуманные... "Слава великому советскому народу!" И ведь без тени смущения взираем мы на сей лозунг. Хотя каждый из нас в отдельности вряд ли додумается до того, чтобы прогуливаться по улицам с плакатом: "Слава мне!"

Нет, не способны мы трезво, критично взглянуть на себя и дела свои. И, судя по всему, долго еще не будем способны на это. Самоосознание еще не пришло к нам. Зачерствелостью душ и нравственным инфантилизмом мы напоминаем детей, и так же, как дети, мы легко внушаемы. Потому-то так просто совладать с нами советской пропаганде.

...Стою я тут как-то в "Гастрономе" в очереди. А дело было как раз вскоре после того, как наши славные истребители ПВО в неравном бою сбили южнокорейский самолет, который был шпионский, а притворялся пассажирским. То есть поначалу-то наши истребители его вроде бы и не сбили вовсе. По советскому телевидению — как известно, самому правдивому в мире — показали маршрут нарушителя, забравшегося в наше воздушное пространство по причине злого умысла. Покрутился он, значит, у нас в атмосфере, нашпионил и в сторону нейтральных вод спокойно удалился. А истребители наши вежливо его проводили и даже на прощанье крыльями помахали...

Вот как все было.

А через день оказалось: кто-то там что-то напутал, и пришлось телевидению нашему с опровержением выступать. В том смысле, что так оно, конечно, все и было, кроме одной незначительной детали: на прощанье наши истребители не крыльями помахали, а —

все так же вежливо — выпустили парочку ракет, которые и указали нарушителю путь на дно океана. И правильно. Чтоб не нарушал. Потому как мы никому ничего такого не позволим.

Вот в очереди магазинной, где я стоял, так примерно и рассуждали. Что, дескать, правильно сбили. И дальше будем сбивать, ежели кто покусится. Еще и не так бы им...

Тут-то я и не сдержался. Язык мой частенько меня подводил; подвел и теперь. Мне бы поостеречься, смолчать, а я встрял. Ну, не то чтобы как-то активно и с возмущением. Наоборот — совсем тихо, словно бы даже извиняясь, я вставил в образовавшуюся паузу:

— Но ведь там же дети были...

Вся очередь, как по команде, повернулась ко мне, и я понял, что вот сейчас, безо всяких ненужных формальностей, свершится справедливый и гуманный советский суд. Короче говоря, еще мгновение и — побьют...

Спасла меня продавщица. Перекрывая волну взметнувшейся против меня ярости, она трубно закричала: "Чего разорались? А ну, тихо! А то отпускать не буду!"

Угроза оказалась действенной, и праведный гнев уступил место заботам о колбасе. Все сразу смолкли и потянулись к прилавку, образовав вокруг меня плотный вакуум подозрительности, недоверия и враждебности...

"Ну, нельзя же так! — слышу я все тот же голос, теперь укоризненный. — Людей этих, из очереди, можно понять: международная ситуация сейчас обостренная, страсти накалены, а нам и без того всегда и повсюду диверсанты мерещатся. Да и случай скорее всего единичный, а потому — неубедительный; не дает он оснований для столь мрачного пессимизма".

Неубедительно, значит? Ну, вот вам еще одна история.

Случилась она лет десять назад. Был я в то время преуспевающим советским журналистом, и хотя искренне восхищался песнями Галича и зачитывался Солженицыным, тем не менее свое "двомыслие" полагал естественным. Скорее всего, я бы даже удивился, скажи мне тогда кто-нибудь о том, что, дескать, не странно ли: восторгаться Солженицыным и — участвовать в газетной кампании по его травле (по долгу службы мне доводилось готовить к печати письма советских писателей, возмущенных "антисоветской деятельностью литературного власовца"). И кто знает: не случись эта история, о которой я хочу рассказать, — даже не история, а так, эпизод, незначительный и заурядный, — когда бы я еще задумался над тем, что же все-таки происходит с нами...

...Неподалеку от конечной станции, аэропорта "Домодедово", в вагон электрички вошли трое молодых людей. Они подсели к сидевшей у окна молодой женщине, и один из них продемонстрировал бордовую книжечку КГБ. Оставшиеся 10—15 минут пути они развлекались оживленной беседой, подчеркнуто обращаясь только друг к другу.

"Все ездит! — говорил один. — Уж лучше бы ехала к себе в Израиль, жидовская морда!..." (Женщина была русской, и смею предположить, что молодые люди прекрасно это знали.)

"Да кто ж ее выпустит? — подхватывал второй. — Нечего ей там делать. Давай лучше дверь приоткроем на ходу, да под колеса ее! Несчастный случай, а нам забот меньше..."

"Так когда-нибудь и сделаем, если не прекратит свои штучки, — добавлял третий. — А пока можно ограничиться мерами физического воздействия. Вот сейчас в аэропорт приедем..."

Ира Корсунская сидела молча, с каменным лицом. Друзья вряд ли узнали бы ее сейчас. Они привыкли к другой "Корсушке" — неугомонной, никогда не унывающей хохотушке с изумительно серебристым смехом... Но не было в электричке ее друзей. А сидели с ней трое разбитых молодых людей, которые всегда носят форму — даже тогда, когда они в штатском.

Теперь, пожалуй, самое время объяснить, чем же так прогневала Ира Корсунская наше замечательное щито- и меченосное заведение. Ни в правозащитном, ни в национальном, ни в религиозном движениях она не участвовала. Однако, с точки зрения вышеозначенного заведения, вина ее была поистине ужасна. Человек верующий, она считала своим христианским долгом помогать заключенным: переписываться с ними, отправлять им посылки, заботиться о них после освобождения... Более того: по большей части помогала Корсунская тем энкам, кого совершенно справедливо полагала самыми обездоленными и бесправными (если только имеет смысл говорить о каком-либо праве применительно к системе нашего ГУЛАГа), а именно — заключенным политическим.

Такой страшной антисоветчины наш славный Комитет снести не мог. Непроницаемо закрывшись щитом, он занес над Корсушкой свой длинный нержавеющий меч...

Много раз у нее устраивали обыски. Вызывали на допросы. Выгоняли с работы. Уволили с работы ее мужа. Все это чередовалось с оперативными "внеплановыми" мероприятиями: Ирину грозились изувечить, сбросить на рельсы метро, толкнуть под автомобиль. Короче говоря, "увещевали". И нельзя сказать, чтобы совсем уж бесполезно: она боялась. Боялась одна ходить по улицам, стоять близко у края платформы в метро... Тем, кто знаком с нашей действительностью, — да не покажутся чрезмерными эти страхи!

В конце концов ей предложили выбор: либо эмиграция, либо — обвинение в совершении уголовного преступления. "Какого же?" — спросила она на очередном допросе. "А это на ваш вкус", — ласково улыбаясь, ответил "компетентный товарищ".

Как вы, наверное, уже догадались, Корсунская живет теперь на Западе. Потому-то я так свободно называю ее по имени.

Но на эмиграцию она решится через несколько лет. А пока что едет она в полупустом вагоне электрички, и сидят рядом с нею словоохотливые молодые люди, наслаждаются разговором.

В аэропорту "Домодедово" Ира должна была встретить отбывшего срок энка. Но встреча не состоялась. В вестибюль аэропорта Ира вошла в плотном "сопровождении": двое по бокам и один, указывающий направление, впереди. А направление это, как она поняла, было куда-то вглубь, к служебным помещениям.

И тут, посреди аэропортовой толчеи, Ира крикнула.

Воспроизвести дословно, что именно, я не могу, потому как впоследствии она и сама не смогла в точности вспомнить свои слова. Ну, что-то вот такое:

— Товарищи! Меня задержали работники КГБ. Дома остался маленький ребенок, там будут волноваться. Пожалуйста, позвоните! Телефон...

И пока "сопровождавшие" не втолкнули ее в какую-то дверь, она успела еще дважды или трижды прокричать то же самое...

Никто не позвонил.

Вот тогда-то и стал зарождаться во мне мой нынешний пессимизм. Услышав от Иры Корсунской эту историю, я неожиданно стал задумываться над привычными вещами, нас окружающими, — настолько привычными, что мы попросту не обращаем на них внимания. И от этих размышлений мой пессимизм только усиливался.

Перво-наперво попался мне на глаза наш герб. Ну да, тот самый "сверху молот, снизу серп", в обрамлении не то колосков, не то цветочков. Уж сколько лет смотрим мы на него, а не видим. Привыкли не замечать. А тут что-то меня вдруг остановило, я в него и взгляделся пристально.

Величественный герб, ничего не скажешь. Особенно впечатляюще выглядит он в дни праздничных иллюминаций над входом в столичный Центральный телеграф: по бокам колоски-цветочки лампочками искрятся, сверху пятиконечная звезда сияет, а в

центре молот с серпом огнем горят. И в центре же, за серпом да молотом, — весь наш земной шар плавно вращается.

Такая вот, знаете ли, картинка. Привычная, не правда ли? А ведь в ней давно уже все заявлено: и идея непрерывной экспансии, и наш экстремизм, и неуважение к международному праву, и высокомерие в общении с другими государствами. И удивляться тут нечему: по замыслу отцов-основателей Советский Союз над всем земным шаром воспарить должен, объять всю нашу планету (как выясняется, не такую уж необъятную), что в гербе нашем со всей неотвратимостью и зафиксировано.

Однако не на пустом же месте возникли эти идеи, обогащенные столь откровенной символикой и спрессованные в герб. На мой взгляд, не последнюю роль в их становлении и укреплении сыграло историческое везение России в последние три столетия. За это время Европа съежилась, растеряла свои владения; Россия же, начиная с Петра, неуклонно расширялась, поглощая все новые и новые народы и территории. После чего вернуть захваченное нашу страну не мог заставить никто. Постепенно в государстве выработался некий "комплекс безнаказанности", определяющий поведение России — и Советского Союза — со всем прочим миром. Вот потому-то, мне кажется, и не стоит уповать на предоставление независимости, скажем, прибалтийским республикам. И надеяться на вывод советских войск из Афганистана тоже не следует. Потому как ежели к нам что попало, то для остального мира пропало бесповоротно.

И уж если так легко сходит нам с рук захват территорий, то можно себе представить, как уверенно и нагло чувствуем мы себя в таких сферах, как дипломатия и международное право. Тем более, что и в этих сферах традиции у нас славные. Еще в 1703 году наш "царь-плотник", осерчав за что-то на голландского посла, ударил его кулаком в ухо. Посланник, видимо, оказался человеком крепким и на ногах устоял, чем и привел нашего всемилостивейшего монарха в состояние крайнего раздражения: вытащив шпагу, Петр бросился на голландца.

Помешали придворные. Стряхнув оцепенение, они повисли на августейших руках, умоляя обожаемого монарха пощадить... нет-нет, не посланника: ну его к черту, безмозглого; это надо же — такого кроткого царя-батюшку из себя вывести, — умоляя его пощадить собственное здоровье. Дескать, не волнуйтесь вы так, Петр Лексеич, нервные клетки, говорят, не восстанавливаются, неужто тратить их на такое чучело заморское, была бы еще страна как страна, а то так, недоразумение одно, на карте и не видать совсем...

Словом, повезло тогда голландскому послу. Любопытно, что и сам он, и присутствовавшие при инциденте иностранные дипломаты восприняли все как должное. А голландец еще и рад был, что так легко отделался, смерти избежал. И никаких нот протеста с требованием извинений не последовало: дипломатический корпус успел привыкнуть к нравам русской столицы.

5. ПРИВЫЧКА

Времени с тех пор прошло немало, а привычка осталась. И нельзя сказать, чтоб оказалась она совсем уж бесполезной. Конечно, на послов у нас нынче с кулаками не бросаются. Чего нет, того нет. Но и всего остального вполне хватает. Иностранного дипломата — не посланника, правда, а кого помельче — могут задержать "до выяснения", подвергнуть обыску, подстроить автомобильную аварию, обвинить в спекуляции или в попытке изнасилования... Избить, впрочем, тоже могут: средство хоть и старинное, но надежное. Короче говоря, арсенал теперь значительно богаче, да и исполнителей хватает, не то, что раньше: такими пустяками, а самому самодержцу заниматься приходилось.

А что же нынешние голландцы и разные прочие шведы?

А ничего. Привыкли. Пожмут плечами, улыбнутся конфузливо — вроде как за нас им неловко, — в который уж раз посетуют на русское варварство, и на том все стихнет. А мы — чем дальше, тем больше — утверждаемся в собственной безнаказанности. Именно это утверждение и определяет нашу позицию силы — по отношению и к собственным гражданам, и ко всему прочему миру. Причем так называемое "общественное мнение", к которому чутко прислушивается Запад, мы попросту не замечаем. Чихаем мы на общественное мнение. И примеров тому — великое множество.

Вот уже пять лет весь мир пытается урезонить нас, уговаривая вывести бесчинствующую советскую армию с территории ранее нейтрального Афганистана. Мы и ухом не ведем. Резолюции ООН, негодующие заявления правительств и западных компартий — все это обтекает нас, не задевая. И мне кажется, что мы скорее обратим всех коренных афганцев в беженцев (а уж опыта по части депортации целых народов нам не занимать) и заселим Афганистан жителями своих среднеазиатских республик, чем предоставим эту страну самой себе.

Вот уже пять лет демократические страны следят за ходом войны, которую советское правительство ведет против немолодой супружеской пары: Елены Георгиевны Боннэр и Андрея Дмитриевича Сахарова. Долгое время всевозможные запросы оставались без ответа, пока, наконец, совсем недавно советский дипломат № 1 не высказался по этой проблеме кратко и целиком в духе отечественной дипломатии: дескать, не суйтесь не в свое дело. В том смысле, что вмешиваться в наши внутренние дела мы никому не позволим. Потому как в наши внутренние дела мы не только иностранцам не позволяем вмешиваться, но и собственным гражданам тоже. Очень уж они внутренние, наши дела.

А Сахаров по-прежнему в неволе. Без суда, без следствия. Даже без ареста: просто, втолкнули Андрея Дмитриевича в машину, отвезли на вокзал и вытолкнули в городе Горьком. Этакое "похищение по-советски". С тех пор и бьется мировое общественное мнение над "делом супругов Сахаровых", стучится в глухую стенку нашего гуманизма. Казалось бы, чего проще: ну, не вписывается человек в нашу систему всеобщей лжи, нет ему места в ней — так отпустили бы мы его на все четыре стороны. Тем более, что секреты, какие он знал когда-то, теперь разве что для музея годятся...

Но вот отпустить-то как раз и нельзя. И дело тут вовсе не в прошлых секретах, а в будущих: его отпусти, а у него в голове, может, опять какая-нибудь этакая бомба зреет. И чем обернется там, на Западе, нежелание Сахарова на войну работать — это еще вопрос, это он здесь не желает. А рисковать мы никак не можем.

Так что мировая общественность зря суетится. Как и в случае с Афганистаном, ничего тут у нее не выгорит.

Или вот все тот же самолет южнокорейский. Уж как тогда весь мир возмущался! И до сих пор возмущается! А мы даже извиниться не соизволили. А всего-то и нужно было, что поклониться человечеству в ноги и сказать: извините, граждане люди, ошибка вышла, больше не будем...

Так нет. Поначалу и вовсе вилять стали, отнекиваться. Дескать, знать ничего не знаем, опять всякие спецслужбы против нас интригуют... Как раз это виляние и убеждает меня в том, что вопрос — сбивать или не сбивать злополучный "Боинг" — решался отнюдь не в "верхах": решать что-либо быстро "верхи" наши не любят и не умеют. А разбудили, думается мне, какого-нибудь полковника дальневосточного военного округа и доложили: дескать, летит и на сигналы не отзывается; какие, мол, будут распоряжения? А полковник — злой был с похмелья — возьми и рывкни: врежете ему, чтоб спать не мешал!...

И врезали. А уже потом пришлось "верхам" полковника того под защиту брать, о "неприкосновенности границ" с серьезным видом разглагольствовать. Не извиняться же, в самом деле! Извиняться — это по нашим представлениям слабость свою выказывать...

А с другой стороны, я вот думаю: уж если мы на Олимпиаду в Лос-Анджелес не поехали, чтобы ихнее недружелюбие нам радость побед не омрачило, то как же мы в Сеул поедим? Там ведь и вовсе неуютно будет, самолет этот и 269 жизней загубленных мир так скоро не забудет, нечего и надеяться.

Выход, впрочем, нашелся. Однако не подумайте, будто вознамерились мы все-таки принести наши извинения, пусть бы и запоздалые. Этого от нас не дождешься. Решение наше оказалось и проще, и надежнее: в Сеульской Олимпиаде — не участвовать!

Может быть, вы обратили внимание на одно любопытное обстоятельство: Северная Корея, обычно следующая за нами если не первой, то в крайнем случае второй, к советскому бойкоту Олимпиады 84-го года присоединилась последней и как бы нехотя. Странно, не правда ли? Однако не слишком. Очень уж хотелось Северной Корее отправить свою команду в США: ведь на Олимпиаду в Сеул ехать скорее всего ей придется, не те отношения между двумя Кореями. Вот тут-то, как мне довелось узнать, мы и поднажали на Пхеньян. Дескать, поддержите нас в 84-м году, а мы вас поддержим в 88-м. Пришлось Северной Корее согласиться, тем более, что с выбором у нее небогато было. А для нас — великолепный дуплет: и солидарность интернациональную проявим, и под этим благовидным предлогом от участия в Олимпиаде откажемся; в Сеул-то нам ехать после истории с южнокорейским самолетом — не слишком, знаете ли, приятно. Так что Международному Олимпийскому Комитету предстоит еще один социалистический бойкот. Только и надежда — на Румынию...

Итак, три эпизода. И хотя за последние пять лет подобных эпизодов на нашем счету значительно больше, международная общественность особенно возмутилась именно этими тремя. Позволительно спросить: каков же результат ее протестов и негодований?

А никакого.

Советские войска по-прежнему в Афганистане, супруги Сахаровы все там же, в Горьком, а уж по поводу южнокорейского пассажирского самолета наше главное начальство высказалось на весь ошарашенный мир так же ясно и недвусмысленно, как и граждане из магазинной очереди: правильно, что сбили, и дальше сбивать будем!...

Нет, не пронять нас мировому общественному мнению. Глухи мы к нему. Можно ли пробиться сквозь эту злокачественную глухоту? Неужто нечего противопоставить нашей безудержной наглости и самоуверенной безнаказанности?

На мой взгляд, кое-чем воздействовать на нас все-таки можно. К примеру, тем же общественным мнением, но только подкрепленным совершенно конкретными действиями. Хоть страна у нас и богатая, в крайнем случае и в собственном соку прожить сможем, а вот поди ж ты: непереносимы для нас эмбарги и прочие экономические санкции. Вот с их помощью и угомонить бы нас немного. Не менять нейтралитет Афганистана на газ, а свободу и жизнь Сахаровых — на возможность поставлять нам зерно.

Увы, не идет Запад далее увещаний. А увещаниями нас не возьмешь, мы от них еще наглее становимся. Заикнулась было одна из европейских стран, что, мол, если на строительстве газопровода труд заключенных используется, так газ этот и даром не нужен. (И ведь используется, можете не сомневаться.) Однако и тут слово не стало делом. Продаем-то мы дешево, выгодно, а против выгоды — кто ж устоит?...

Странно выходит, господа. Неужто права наша пропаганда, утверждая, будто ради прибыли вы готовы забыть обо всем — о морали, нравственности, даже о собственных законах? Ведь к каким только ухищрениям вы не прибегаете, чтобы в обход самых жесточайших своих запретов продать нам все то, в чем мы заинтересованы. Извилистыми путями, через подставных лиц получаем мы любое оборудование, в том числе самое что ни на есть стратегическое. Не так давно некий московский научно-исследовательский институт получил в свое распоряжение японский компьютер — самое последнее достижение западной технологии и, как говорят, имеющее непосредственное применение в

военных делах. Их всего-то в мире несколько сот штук, а у нас уже есть! И не оскудевают руки продающих нам все то, чем мы впоследствии сможем отблагодарить наших благодетелей!

Вот и получается: хоть и призывал Владимир Ильич к разнообразным компромиссам во имя всемирной коммуны, ныне мы во всем, что касается идеологии, никаких компромиссов не признаем — даже в тех случаях, когда незначительные уступки сулят нам значительные выгоды; Запад же, объявляя всевозможные "крестовые походы за права человека", в то же время не в состоянии удержаться от прямого или косвенного финансирования основной нашей цели — способствовать победоносному шествию того самого призрака, что давно уже бродит не только по Европе, но и по всем другим континентам. И никакого "человеческого лица" он не явит, не надейтесь, на то он и призрак. Потому-то, думается мне, имеет смысл отложить ненадолго перо, которым вы намереваетесь подписать с нами очередной контракт, и спросить: что вы, товарищи дорогие, по поводу Афганистана думаете? Погостили немного — не пора ли и честь знать? А как с Андреем Дмитриевичем? Не хватит ли издевательств?...

Не подумайте, будто подстрекая я отказываюсь от торговли с нами. Однако, чем торговать? И необходимо ли поступаться нравственностью ради торговли? — Вот два вопроса, которые стоило бы себе задать, прежде чем заключить с нами очередной договор. И если под впечатлением явных выгод вопросы эти не всплывут вовремя, вспомнить о них совсем просто — нужно только на герб наш взглянуть: на громадную кувалду со зловещей полоской серпа-ятагана, занесенную над многострадальным нашим шариком.

А шарик-то, между прочим, — совсем крошечный...

6. АВОСЬ...

Есть ли надежда?

Непохоже. Мы с песней, стройными рядами маршируем к тому всеобщему апокалиптическому крематорию, — уже отчетливо видно в заоблачных "зияющих высотах", — перед входом в который висит завершающая нашу жизнь инструкция: "Уходя, заberi урну со своим прахом с собой!"

Или все-таки есть? Вот очистим марксизм от всего того, чем обогатила его наша отчизна... Россию от России очистим...

Нет, не получается без надежды. Ну, хоть какой-нибудь, хоть самой призрачной, вроде извечного русского "авось". Авось что-нибудь изменится, авось полущает. Потерпим, братцы. "Бог терпел и нам велел"...

На другой день после смерти нашего "главного идеолога" Михаила Сулова я ехал в такси. Пожилой водитель, наваливаясь на "баранку" объемистым пузом, монотонно бубнил про свои беды: директор парка — "змея", тарифные ставки год от года вниз ползут, к "гаишнику" без трешки теперь не суйся, а раньше рубля за глаза хватало, лишнее время прихватить не мог, за переработку дрючат, чтобы больше нормы не выработывал, а кто ее, эту норму, устанавливал, нигде в законе не написано, а попробуй заикнись, так со свету сживут, а как же заработок не натягивать, когда до пенсии четыре года осталось...

Вдруг он замолчал, покосился на газету, которую я держал в руке, — с портретом "главного идеолога" в траурной рамке, — потом вздохнул и, неожиданно широко улыбнувшись, заключил:

"А все-таки Господь нашу страну любит: хоть по одному в год — да забирает".

"Ну, и как — что-нибудь меняется?" — полюбопытствовал я.

"Да пока вроде нет, — он опять вздохнул. — А там кто ж его знает... Надо потерпеть. Господь терпел и нам велел. Авось когда и полегчает..."

Любезная сестра. Мое прозвище изменилось во время тюремного заключения и в ссылке, и при каждой перемене становилось длиннее. Теперь меня прозывают в официальных бумагах: *государственный преступник, находящийся на поселении*. Целая фраза при моем имени. В Англии сказали бы: Лунин — член оппозиции. Ведь таково в сущности мое политическое значение. Я не участвовал ни в мятежах, свойственных толпе, ни в заговорах, приличных рабам. Мое единственное оружие — мысль... Через несколько лет те мысли, за которые приговорили меня к политической смерти, будут необходимым условием гражданской жизни.

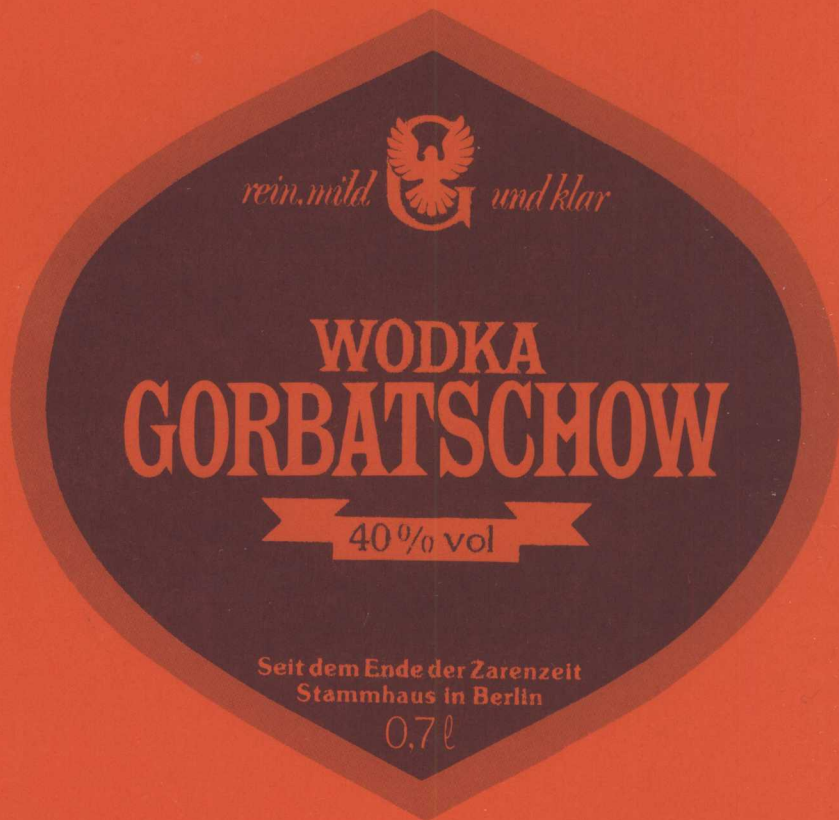
Политические идеи в постепенном развитии своем имеют три вида. Сперва являются как отвлечение и гнездятся в некоторых головах и в книгах; потом становятся народной мыслью и переливаются в разговорах; наконец, делаются народным чувством, требуют непременно удовлетворения и, встречая сопротивление, разрешаются революциями...

Эпохи переходные, неизвестные, в таинственном шествии народов к цели общественного устройства являют случаи, в которых действия лиц политических, какого бы сословия они ни были, должны необходимо выходить из ряда обыкновенного, пробуждать Правительства и народы, усыпленные постоянным влиянием ложного устройства и предрассудков, наложенных веками. Когда эти люди принадлежат высшим сословиям состава общественного, тогда действия их есть обязанность и средство употреблением умственных способностей платить за выгоды, которые доставляют им совокупные усилия низших сословий. Они пробивают новые пути к совершенствованию настоящих поколений; направляют усилия народа к предметам общественным; совокупляют действия умов второстепенных, лишенных возможности плодотворить взаимно; восстанавливают борение частей, необходимое для стройности целого, и сами облачаются властью по праву и делу, по духу возрождения, который животворит их, и по нравственному влиянию, которое имеют они на своих сограждан...

История нужна не только для любопытства или умозрений, но путеводит нас в высокой области политики. Наши учреждения очевидно требуют преобразования. Народ нисходит в отрицательном состоянии и все способности его приведены к одному повиновению. Сам собою он ничего не делает. Ему предписывают, что он должен мыслить, что должен чувствовать и чем должен заниматься. Народ постоянно занят без сознания того, что он производит, подобно расстроенной машине, которой бесчисленные веретена хлябают от порывов внешней неправильно действующей силы. Производство такого механизма неудовлетворительно, потому что они не основаны ни на законах, которые грубым веществом управляют, ни на законах, которым повинуются существа мыслящие. Оттого не видно следов нравственного развития в совокупности народной. Успехи наши ограничиваются удобствами животного существования для высших классов и внешним лоском, ослепляющим только взоры толпы...

В России два проводника: язык до Киева, а перо до Шлиссельбурга.

СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ —

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ